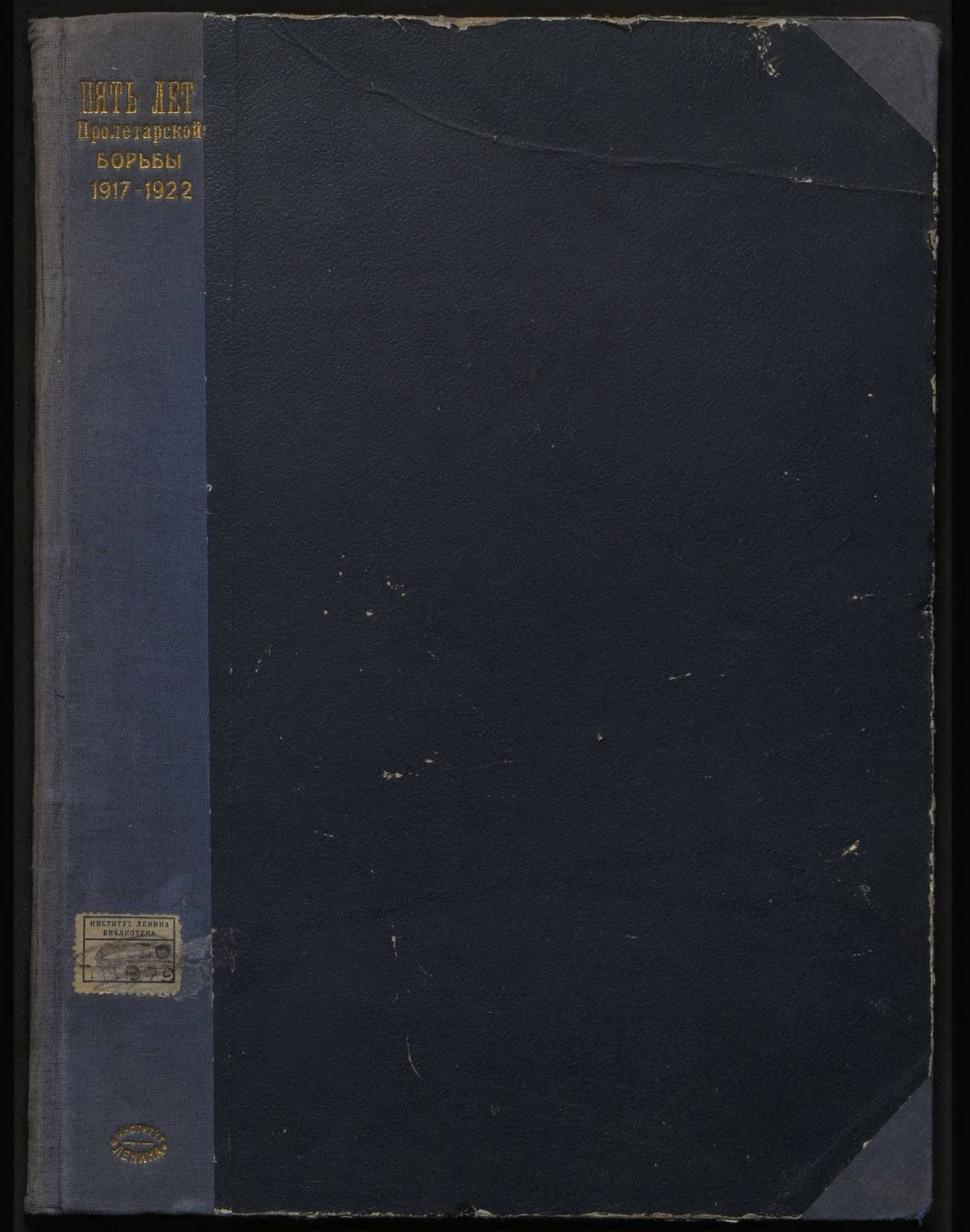

ПЯТЬ ЛЕТ
Пролетарской
БОРЬБЫ
1917-1922
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

1917
1922
Пять
лет
Пролетарской
борьбы

РСФ
Пролетарии всех стран соединяйтесь

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

„Было наступление и отступление, но вот итог: в результате 5-ти лет важнейшие средства промышленности и производства и значительная часть средств сельско-хозяйственного производства находятся в непосредственном ведении и управлении рабочего правительства. – Это есть основной факт“.

Л. Троцкий.

ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ.

1917–1922.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

САРАТОВ.

1922.

Р. В. Ц.—Саратов. Исх. № 1247. Тираж 2000.

Полиграфпром, 9-е отделение.

ОКТЯБРЬ.

И. Флеровский.

Пятилетие отделяет нас от Октябрьского переворота. За это пятилетие много воды утекло. „Паровоз истории“ мчал быстро, как никогда в жизни человечества. Можно-ли сейчас подвести основной итог Октября? Да, это возможно, и надо его твердо установить.

В начале Октябрьской революции не только враги советов предрекали неминуемую гибель Октября, но и многие друзья революции не имели твердой уверенности в ее победном исходе.

Есть-ли сейчас такая уверенность? Да, есть твердая уверенность в несомненной победе пролетарской революции. Ее дает нам пятилетний опыт величайшей борьбы. Этот опыт показал, что, когда массы трудящихся крепко пропитаны мыслью об освобождении; когда они крепко спаивают свои воли в этом освобождении,—они непобедимы.

Основная идея Октября была провозглашена еще Коммунистическим Манифестом свыше семидесяти лет тому назад, эта идея—*насильственное ниспровержение господствующих классов*. В истории мы знаем одну попытку осуществить эту идею—Парижскую Коммуну 1871 года. Господствующие классы разбили эту попытку, залили ее кровью трудящихся. Все же она не прошла даром. В глазах угнетенных, в глазах пролетариев всех стран в самые тяжкие минуты капиталистического гнета маячил огонь Коммуны.

Однако, господствующие классы много сделали для того, чтобы из мозгов пролетариев вытравить опасные воспоминания о первой попытке рабочего класса к освобождению. Они много сделали, чтобы растлить души пролетариев заботами обыденщины, чтобы утопить в ней героические порывы к освобождению.

Они достигли во-истину дьявольских результатов в этом направлении, подчинив своему влиянию социализм. Они сумели бросить, наконец, пролетариев друг против друга при помощи прирученного ими социализма.

Кровавая баня, в которую окунулся мир, могла смыть великие остатки прежних порывов к ниспровержению господствующих классов.

Жизнь принесла другое. В обстановке ужасов братоубийственной бойни опять ярко замаячил призывный огонь Коммуны.

Он привел к Октябрю.

Октябрь—тоже Парижская Коммуна окрепшего, вооруженного опытом борьбы, рабочего класса. Октябрь на ошибках Коммуны построил верную тактику, а героизм коммунаров сделал своим знаменем.

И потому Октябрь стал победным. Великое дерзание, твердая воля сломили упорство господствующих классов и привели их к подчинению.

Снова наши классовые враги кричат: „Октябрь отступил, Октябрь гасит революционные огни!“

Этим криком они только заглушают свой страх.

„Нэп—злой гений Октября и его поражение“!

Так-ли это, не наоборот-ли? Нэп имеет и обратную сторону. Когда-то буржуазия знать не хотела власти, созданной Октябрем, она хотела вернуть себе все, начиная с власти.

Теперь буржуазия стала куда скромнее. Кто-же отступил?

Эти лживые крики раздаются, чтобы напугать пролетариев Запада, предотвратить мировой Октябрь. Напрасны усилия. На-лицо основной итог Октября.

Рабочий класс у власти и подчиняет своей воле буржуазию.

Нам тяжело и трудно?

Да,—но мы строим сами и будем строить. Мы создаем новый мир и создадим. Вот эту твердую уверенность, как основной итог пятилетия, наш Октябрь несет пролетариям всего мира!

— *Дерзайте, победа будет за нами!*

Движущие силы Октябрьской революции.

Октябрьская революция выросла из той экономически-политической обстановки, которая создавалась всем ходом русской истории. Главными силами февральского и октябрьского переворотов являлись рабочие и крестьяне, защищавшие свои классовые позиции в лозунгах, выставленных большевиками до и после свержения царизма. Эти лозунги находили живой отклик в широких массах, так как они отвечали потребностям момента и выражали собой стремления подавляющаго большинства пролетариев и полупролетариев (малоземельных крестьян).

Экономические пружины, подбросившие массы в феврале и октябре 1917 г. на головокружительную высоту революционной решимости, были тесно связаны с положением крестьян в деревнях и рабочих в городах. Под'ем революционного движения начался в 1912 г. и вытекал из распада общины и резкого обеднения крестьян—с одной стороны, из концентрации производства и увеличения резервной армии рабочих—с другой. „Столыпинский" закон о выходе из общины, изданный 11 октября 1906 г., значительно ускорил процесс „окулачивания" более зажиточных и уход из деревни менее зажиточных крестьян. Зажиточные крестьяне закупали землю через крестьянский банк, который продавал не только кабинетские, но также государственные и помещичьи владения, конечно, не без пользы для дворян и казны. Общинные земли продавались кулакам при помощи земских начальников и землеустроительных комиссий, сплошь состоящих из царских чиновников.

Часть разоренных таким образом бедняков продавала свои надельные земли и переселялась в Сибирь, надеясь на новом месте лучше устроиться. Всего в Сибирь через переселенческие пункты ушло в 1900 году 166 тыс. душ, а в 1908 г. их стало уже 664 тыс. Значительная часть этих „искателей счастья" погибла в пути, многие тысячи возвращались назад, изведав все ужасы царских переселенческих пунктов, узнав всю неосуществимость своих мечтаний—найти в Сибири, в дикой, мрачной тайге, новый источник благополучия и счастья...

Убедившись в обманчивости переселенческих иллюзий, крестьянская беднота широким потоком вливалась в города, пополняя собой „резервную армию", кадры безработных, мало подготовленных и мало организованных рабочих, представляющих наиболее беспомощную и отсталую часть рабочего класса. Но подгоняемые нуждой, рабочие в массе своей быстро захватывают новичков и втягивают их в организованную борьбу. Но борьба за увеличение заработной платы, борьба за сокращение рабочего дня требовала смягчения самодержавного режима, сжимающего рабочее движение в своих мертвящих об'ятиях.

Экономическая борьба неизменно приводила к борьбе политической, и все яснее и яснее выростала перед рабочими необходимость встать на путь решительной борьбы с царизмом. Используя оживление промышленности, рабочие с 1909 года все шире и шире разливают поток своего протеста против каторжных условий труда и быта. Наряду с увеличением эксплоатации росла организованность и сплоченность масс. Так, в 1910 г. участвовало в экономических стачках 43 тыс. чел., а в 1912—уже 176 тыс. А в 1913 г. только за первые 8 мес. борьба охватила 299 тыс. активно выступающих на защиту своих интересов рабочих.

В политических забастовках рост числа участников еще более значителен. В 1910 г. к политическим забастовкам примыкало лишь 42 тыс. чел., а в 1913 г. в политической борьбе приняло участие уже 1.272.000 чел., что почти равняется количеству участвовавших в 1905 г. стачечников. Но еще более организованные формы борьба рабочего класса приобретает в связи с изданием своей ежедневной рабочей газеты „Правда". Преследуемая правительством, вечно конфискуемая

и гонимая полицией, рабочая газета „Правда" является мощным организующим центром для всего рабочего класса, ведущего героическую борьбу с самодержавием. Но рабочий класс не мог добиться единого руководства, так как его авангард—Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия—состояла из двух частей: меньшевиков и большевиков. Первые, т. е. меньшевики, звали рабочих к поддержке либеральной буржуазии в Государственной Думе, к отказу от массовых стачек и к защите лишь частичных требований, например, свободы союзов и собраний, свободы печати и слова, так как, говоря о социализме, рабочие преждевременно будто-бы осложняют свою борьбу. Большевики же твердо и неуклонно продолжали выдвигать старые „неурезанные" лозунги, как, напр., учредительное собрание, демократическая республика, 8-час. рабочий день, конфискация помещичьих земель. Большевики находили сторонников среди рабочих и беднейших крестьян,—меньшевики опирались на мелкую буржуазию (интеллигенцию, служащих), которые были связаны тысячами нитей с буржуазией и поэтому не могли решительно выступить против нее.

Но наравне с пролетариатом росла также и буржуазия, укрепляясь в богатстве и силе. Об'единяясь в синдикаты, русские промышленники бешено поднимали цены, получая громадные барыши за счет понижения покупательной способности рабочих и крестьян.

Колоссальную роль в развитии русской промышленности играл иностранный капитал. Устраивая предприятия в самой России, пользуясь отсталостью страны в целях беспощадной эксплоатации рабочих, иностранный капитал всячески содействовал реакции и всеми силами старался сохранить для себя полную свободу действия. Рассматривая Россию, как свою полуколонию, французские, английские, бельгийские и германские банкиры зорко следили за событиями в России с целью не допустить ничего такого, что бы могло угрожать их доходам и удобствам. Русские же капиталисты протягивают свои хищные щупальца к турецкой Армении, к австрийской Галиции и Персии.

Для осуществления своих империалистских целей самодержавное правительство тратило огромное количество средств, получаемых, главным образом, при помощи косвенных налогов (акциз) и винной монополии,—на вооружение. Так. в 1898 году. Россия тратила на армию и флот 374 м. 160 тыс. руб., а в 1914 г.—уже 1 миллиард 58 миллионов руб. Это был самый большой военный бюджет в мире, но нельзя сказать, что русская армия при царе была сильнее других. Оторванность офицерского состава от солдатских масс сделала из армии забитую, отсталую во всех отношениях, громаду, неспособную к самостоятельным суждениям и действиям. Брошенные в империалистическую бойню, миллионы русских солдат умирали, не понимая смысла своей смерти и не видя виновника своих страданий.

Но три года империалистической войны раскрыли глаза крестьянской массе, побывавшей на фронтах. Роскошная и развратная жизнь царя и его приближенных, бездарность и продажность генералов и министров заставили даже самого отсталого выходца деревни подумать о том, что происходит в России, за что он страдает, куда идет; упадок крестьянского хозяйства, благодаря отливу наилучших сил в царскую армию, еще более накалял почву для ропота и недовольства.

Слухи об измене царя быстро поднимали возмущение; убийство Распутина убедило солдатскую массу в преступности царя и его приближенных. Участь Николая была предрешена. Надо было лишь маленького толчка, чтобы свергнуть царя, развенчанного в глазах солдатской массы задолго до февральского переворота.

23 февраля, в международный день работниц, раздались в России первые раскаты грома. Рабочие и работницы Петрограда вышли на улицу с требованием хлеба. Измученные голодом и военной разрухой, рабочие массы не в силах были больше терпеть и вышли на улицы с революционными песнями, грозными криками и красными знаменами.

Вечером того же дня было созвано совещание у М. Родзянко, председателя Гос. Думы, с целью найти способы удовлетворить продовольственную нужду рабочих, работающих на оборону.

На другой день движение разлилось еще шире, затопляя все улицы и площади.

Полицейские местами вступали в бой с рабочими, но ни казаки, ни другие части не принимали участия в подавлении движения. 27-го февраля указом Николая была распущена Государственная Дума.

После некоторого колебания Гос. Дума постановила не расходиться, т. е. отказалась повиноваться приказу царя.

Того же дня Дума выделила из своего состава Временный Исполнительный Комитет, который принял на себя управление страной. В состав комитета вошли Керенский, Чхеидзе—от социалистов, остальные 11 чел. состояли из представителей дворян и крупной буржуазии. Комитет назначил особых комиссаров по каждому министерству, также сплошь представителей буржуазии.

„В ночь на 27 февраля образовался Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, положивший начало мощной организации сил революционной демократии. В первые дни своей деятельности Сов. Раб. и Солд. Деп. об'единил вокруг себя всех рабочих всех солдат красного Петрограда". (К. П. Новицкий. „От самодержавия к диктатуре пролетариата"). По примеру Петрограда создавались советы и в провинции.

Но солдатская масса, подавляющая своей численностью рабочих, еще не была достаточно подготовлена для руководства революцией.

Поэтому представителями от солдат всюду выбирались военные врачи, вольноопределяющиеся и тому подобные военнослужащие, которые далеко не отличались революционностью и весьма легко поддавались влиянию буржуазии и помещиков.

Достигнув власти, буржуазия решила обмануть рабочих и создать лишь немного подчищенную монархию, т. е. поставить вместо Николая—его брата Михаила. Отречение Николая последовало 2 марта 1917 г., но в стране почти ничего не изменилось к лучшему. Временное Правительство стало подготовлять свержение советов, „мешающих" ей в управлении страной. „Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни победы революции двоевластие". (Ленин. „Задачи пролетариата в нашей революции"). „Двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до „чистой" диктатуры пролетариата и крестьянства".

Далее тов. Ленин говорит, что при помощи критики нужно рабочим и солдатам раз'яснить значение их ошибок, значение „оборончества" и всех стараний Советов, имеющих в своем большинстве эсеров и меньшевиков". Чем сильнее экономический крах и порождаемый войной кризис, тем настоятельнее необходимость наиболее совершенной политической формы, облегчающей излечение ужасных ран, нанесенных человечеству войной. Чем меньше у русского народа организационного опыта, тем решительнее надо приступать к организационному строительству самого народа",—писал тов. Ленин в 1917 г.

„Мы должны требовать национализации *всех* земель, т. е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти",—такой наказ давал мировой вождь революции большевикам.

Желая покончить с ненавистным большевизмом, растущим в силе с каждым часом, Временное Правительство готовило поход на Советы в целом и на Петроградский Совет, в частности. На созванном 12 авг. в Москве Демократическом Совещании, состоящем из представителей буржуазии, кооперативов и произвольно приглашенных лиц, генерал Каледин определенно ставил вопрос об уничтожении всех комитетов и Советов, как на фронте, так и в тылу. Генер. Каледину нужно было снова добиться обезличения солдатской массы, которая все более и более ясно стала понимать свои интересы и склонялась к поддержке большевиков.

Меньшевики в лице министра Церетелли заявляли, что самыми опасными врагами революции являются большевики,—поэтому нужно пресечь их деятельность во что-бы то ни стало. А 27 августа ген. Корнилов двинул на Петроград „дикую дивизию", которая, не доходя до цели, была рассеяна революционными войсками, состоящими из солдат и вооруженных рабочих.

К Корнилову, арестованному в сентябре, примкнули только генералы и самая реакционная часть офицерства. Двойственная роль Керенского в Корниловском мятеже, введение смертной казни на фронте, возобновление войны (наступление 18 июня) сделали имя Керенского ненавистным среди широких масс солдат и матросов. Оттяжка Учредит. Собрания, запрещение „захватывать" землю помещиков, неоднократное стремление к уничтожению Советов, травля большевиков,—все это вызывало брожение в массах и создавало почву для нового кровавого столкновения обеих частей России—буржуазии и помещиков—с одной, рабочих и солдат—с другой стороны.

Жажда мира придавала борьбе особую остроту. Солдаты посылали ходоков за ходоками, требуя мира и грозясь прогнать не

только Временное Правительство, но также и те Советы, которые идут за этой чуждой крестьянам и рабочим властью. Октябрьские перевыборы Советов везде дали по преимуществу большевиков, как от рабочих, так и солдат. Лозунгом.—„Вся власть советам"— была насыщена вся атмосфера. „Мир, хлеб и свобода"—манили всех измученных войной и голодом бедняков. Нужен был только организованный нажим, чтобы Временное Правительство свергнуть.

Получив большинство в Совете, петроградские большевики развили колоссальную энергию. Созданный при Совете Временный Революционный Комитет готовился к бою, собирая и вооружая части, как только выяснилось их сочувственное отношение к большевистским лозунгам.

Близился срок созыва II Всерос. С'езда Советов. 10 октября происходило тайное заседание Ц. К. нашей партии с участием тов. Ленина, где вопрос о вооруженном восстании был решен в положительном смысле. Керенский решился на вывод всех революционных частей из Петрограда, посылая туда свои надежные части. Но Временный Революционный Комитет предупредил его и принял решительные меры к защите города и ликвидации буржуазной власти.

24 октября Керенский потребовал от правительства одобрения его действий, направленных против большевиков. Но „предпарламент", являющийся жалким обломком власти, не решался ничего предпринимать. В ночь на 25 октября Керенский пытался создать себе опору из юнкеров, офицеров и ударниц. Но Врем. Рев. Комитет успел разбить эту затею, послав своих агитаторов на всех путях к Петрограду, которым удавалось склонять на сторону большевиков большинство частей.

25 октября в час дня, еще до захвата Зимнего Дворца и ареста правительства, тов. Троцкий на заседании Совета об'явил от имени Вр. Рев. Комитета, что власть Керенского больше не существует, и что впредь, до решения Всер. С'езда Советов, власть переходит к Вр. Рев. Комитету. На том-же заседании товарищем Антоновым-Авсеенко было сообщено, что Зимний Дворец взят большевистскими войсками, что министры все арестованы за исключением Керенского, который бежал.

Первым декретом Вр. Рев. Комитета был декрет об отмене смертной казни, о перевыборах армейских комитетов. Днем 26 октября происходило заседание Петроградского Совета совместно с делегатами II-го С'езда Советов и членами Партии Большевиков. Вечером происходило решающее заседание С'езда Советов. Тов. Ленин внес два декрета: о мире и о земле.

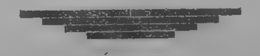
28 Октября был создан Совет Народных Комиссаров во главе с тов. Лениным.

Вопреки всем предсказаниям о быстром падении большевистского „захватнического" правительства Российский Совет Народных Комиссаров оказался самым жизнеспособным правительством в мире.

Несмотря на все усилия мировой и российской контр-революции, рабоче-крестьянская диктатура сумела укрепиться и вырости в могучую силу, перед которой принуждена была отступить мировая буржуазия. Не имея возможности свалить Сов. власть силой своих армий, иностранная буржуазия использовала все средства, чтобы снова вернуть себе былое раздолье. Но проученные горьким опытом, убедившись в прочности советской системы, международные банкиры ищут новых способов покорения России и превращения ее в свою колонию.

Пять лет существования диктатуры пролетариата и крестьян дает исчерпывающий ответ на вопрос, какие силы двигают нашу революцию, углубляя ее русло, расширяя ее об'ем до всемирной пролетарской борьбы за власть труда.

А. Л.

Октябрьская революция в Саратове.

(ВОСПОМИНАНИЯ).

М. Васильев.

1.

В первых числах октября в Саратов приехал из Петербурга тов. В. П. Милютин, бывший еще в то время членом Ц. К. партии.

— Поддержат-ли саратовские рабочие и солдаты Петроград, если там вспыхнет восстание против временного правительства?—спросил он меня при первой же встрече.

В тоне его голоса слышалась некоторая растерянность и сомнение.

— За большинство рабочих и солдат местного гарнизона я ручаюсь,—спокойно ответил я.— Больше того: я не ручаюсь, что солдаты не подымут восстания в ближайшее время, независимо от Петербурга. Затяжка войны, июньское наступление и предательство Корнилова страшно вооружили их против Керенского и соглашательских партий. Мы с трудом удерживаем их от преждевременного выступления. А как в Петербурге?

— Там то же самое. Ленин настаивает на немедленном свержении временного правительства. Но значительная часть членов Ц. К. партии против.

— Ленин прав. Если мы не хотим, чтобы поднялось стихийное движение, осужденное, быть-может, на неудачу, мы должны стать во главе его.

— Хорошо. Я сообщу о настроении Саратова Ц. К.

2.

„В революционном воздухе России пахнет грозой. Все невольно, инстинктивно чувствуют приближение решительных событий"... писал я через несколько дней в нашей партийной газете („Социал-Демократ", № 74, 12 октября).

Близость грозы чувствовали не только мы, но и наши противники. Особенно нервничали глупые социалисты-революционеры. 21 октября они заявили, что отзывают своих представителей из Исполнительного Комитета Совета. Но прошло дня два, и их лидеры неожиданно обратились к нам с предложением издать совместно декрет о немедленном переходе помещичьих земель в Саратовской губернии в распоряжение крестьян. Они, очевидно, почувствовали, что у них ускользает из-под ног почва, что потерявшие терпение крестьяне отворачиваются от них.

Мы с недоверием отнеслись к их неожиданной отваге, но на издание и проведение в жизнь такого декрета, разумеется, согласились.

Однако, на следующий день произошел окончательный разрыв не только с ними, но и с меньшевиками. Пришли первые, непроверенные еще, сведения о начавшемся в Петербурге восстании. Представителя эсеров и меньшевиков просили устроить экстренное заседание фракции исполкома и комитета нашей партии. На это заседание явились мрачные и сосредоточенные „светила" местного мещанства: Чертков, Майзель, Минин, Телегин и др.

„Мы требуем, чтобы фракция большевиков публично и решительно осудила действия Ц. К. партии и петербургских большевиков",—со свойственным ему тупым высокомерием прошипел А. Минин.

К тому же сводились и „пожелания" меньшевиков.

Это наглое, гнусное требование особенно возмутило нас.

— Понимаете ли, сознаете ли вы сами, чего вы требуете от нас?..—спросил я их.—Ведь вы хотите, чтобы мы поступили, как изменники и предатели. Как смеете вы говорить и думать так? Впрочем вы иначе и не можете поступать. Но саратовские большевики всегда были и останутся большевиками. И от лица своих товарищей, без всякого обсуждения вашего гнусного предложения, я заявляю вам: мы всеми нашими силами, не останавливаясь ни перед чем, поддержим наших петербургских товарищей: Не так ли, товарищи?

— Разумеется,—единодушно поддержали меня остальные товарищи.

— В таком случае, мы выходим из совета,—торжественно заявили господа эсеры.

— Скатертью дорога.

— Мы тоже,—засуетились меньшевики.

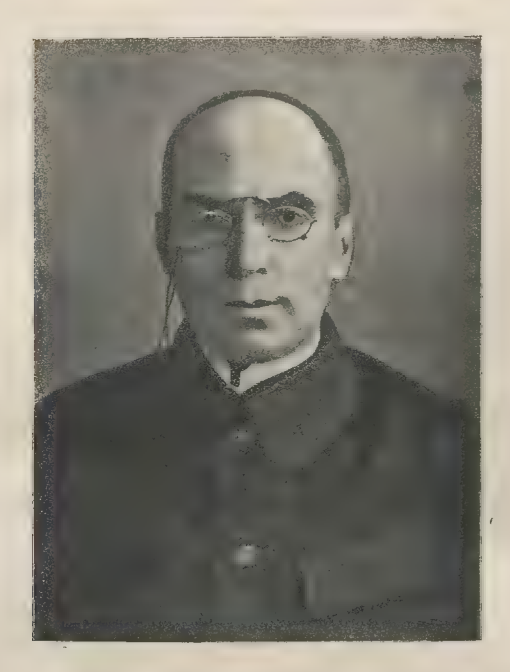
— Ну, и вам тоже скатертью дорога.

Вечером состоялось заседание городской думы. Гласные—кадеты, меньшевики и эсеры—шептались, сговаривались, шипели, свистали, орали, клялись, впадали в истерику и выносили напыщенные, сердитые резолюции. Было смешно и скучно.

Мне пришла в голову забавная мысль: подурачить их и поссорить между собою. Я взял слово.

— Я, собственно, не понимаю, чего вы так волнуетесь, граждане. У нас имеются пока непроверенные, смутные слухи. Возможно, что это провокация. Во всяком случае я уверен, что тут налицо новая истерика Керенского. Ведь граждане эсеры везде делают глупости и противоречат себе и здравому смыслу. Возьмите, например, гражданина Минина и его товарищей. Сегодня они сговариваются с вами против нас, а вчера только предлагали нам издать совместно приказ о немедленном отобрании у саратовских помещиков всей их земли... Не правда-ли, гражданин Минин?..

Вождь Саратовского пролетариата

М. И. Васильев.

Нужно было видеть смущение попавшихся эсеров и переполох, поднявшийся среди кадет.

— О... А... Что? Вот как...—зашипели на правом крыле, недоверчиво и злобно поглядывая на своих „революционных“ товарищей.

Я предоставил им расхлебывать заваренную кашу и ушел в здание исполкома. После мне рассказывали, что они дошли до полной истерики и чуть не задушили доктора Мицкевича, тоже довольно истеричного большевика.

Наступило 26 октября. У нас уже имелись более точные сведения о событиях в Петербурге. Там совершился несомненный и удачный переворот, новая, на этот раз действительная, великая революция. Нужно было действовать и нам.

Вечером должен был собраться Совет. Но нам нужно было выяснить свои силы, наметить план действий, узнать намерения и планы врагов.

В здании исполкома (бывший д. губернатора) находилась и канцелярия „губернского комиссара“ (так назывались губернаторы Керенского) Топуридзе. Этот глупый, злой, коварный и нечестный грузин называл себя меньшевиком и слепо ненавидел большевиков. Со мною он не мог говорить спокойно, и у нас часто происходили жестокие стычки.

С утра в его кабинете и канцелярии началась подозрительная суетня. То и дело к нему заходили гласные думы, присяжные поверенные, комиссары милиции, офицеры. Многие из офицеров являлись вооруженными с ног до головы и глядели воинственно и враждебно. В кабинете происходили таинственные совещания.

Я зашел в помещение военной секции. Там царила неприятно подействовавшая на меня растерянность и беспомощность.

— Где Соколов?

В. Соколов, чуть-ли не единственный большевик подпоручик, был председателем военной секции. Но я узнал, что этот мальчик был связан личной дружбой с Понтрягиным, Диденко, Неймиченко и другими вождями эсеровской военщины, знал, что эти ловкие, хитрые и вероломные друзья старались (и не безуспешно) использовать его в своих целях.

— Соколова нет.

— Где же он?

— Уехал, кажется, на почту...

— Нужно немедленно вызвать его сюда.

Соколов явился только в 2—3 часа. И не один. С ним пришли неразлучные Понтрягин, Диденко, Неймиченко.

Самым умным и хладнокровным из этих трех воинов был, несомненно, хохол Неймиченко. Диденко был слишком груб и жаден; солдаты стихийно ненавидели его и не верили ему. Понтрягин раньше пользовался большой популярностью, но затем, благодаря политиканству и мещанской неустойчивости, потерял значительную долю своего влияния.

Я сразу заметил, что „господа офицеры“ пришли с каким-то новым планом.

— Почему вы так поздно пришли?—обратился я к Соколову.

— Потому что был занят,—с заметным возбуждением ответил он.

— Где и чем?

Путанно, запинаясь и подбадривая себя напускной решительностью тона, Соколов стал об'яснять, что „они“ решили принять меры, чтобы не допустить столкновения между солдатами и т. д.

— Кто это решил, и какие меры?

— Мы—военные... Подробнее сделает сообщение т. Понтрягин.

Но Понтрягин говорил также путанно и туманно. Тем не менее выяснилось, что „они“ решили об'явить военную диктатуру. Мальчика Соколова одурачили его друзья.

— Отлично. Вы хотите создать военную диктатуру. О целях ее не будем спорить. Но на какие реальные силы собираетесь вы опереться? Разве вы не знаете, что большинство гарнизона, большинство солдат стоят за Совет и подчиняются только ему? Какую роль отводите вы в вашей диктатуре совету?

И они превосходно знали настроение гарнизона и силу Совета. Наша партия энергично работала среди солдат в течение лета. В частности, я большую часть своего времени и сил уделял этой работе. И они знали, какой популярностью, каким доверием и влиянием пользовались мы среди солдат. Они сами нередко прикрывались мной, когда вспыхивали острые конфликты в той или иной воинской части. Но зато они особенно сильно и ненавидели меня. Мой вопрос сразу охладил воинственный пыл пустозвонных „диктаторов“. Они заговорили о сотрудничестве с Советом и великодушно согласились ввести в свой орган диктатуры представителя от исполкома, но только настаивали, чтобы таковым был не я, а т. Антонов.

Нам нужно было выиграть время, и мы согласились составить список временного органа диктатуры, но настояли, чтобы этот список был утвержден Советом. В том, что Совет провалит его, я не сомневался.

3.

Полуосвещенный зал и хоры консерватории были битком набиты рабочими и солдатами. Было несколько мрачно, но за возбужденным гулом чувствовалась жажда борьбы и уверенность в победе.

Я делал доклад и усиленно подчеркивал, что вся полнота власти должна принадлежать Совету, что вновь создающийся орган должен быть его органом, и Совет вправе отклонить любую кандидатуру.

Оглашается список. Фамилии: Диденко, Максимовича, Зайцева и некоторых других вызывают бурю протеста. Голосованием они исключаются.

Остальные „диктаторы“ из правого крыла протестуют и заявляют о своем уходе. Протестуют и некоторые малодушные большевики (Соколов и Куликов).

Для меня ясно, что вся эта история с „диктатурой“ была лишь политической игрой, попыткой обмануть нас

Вот на заседание являются из городской думы делегаты наших противников. Они оглашают обманные телеграммы из Петрограда о „победах“ Керенского и торжественно об'являют, что вместе с кадетами они образовали „Комитет защиты“.

Буря негодующих протестов, но делегатам дают возможность уйти. С ними уходят и кандидаты в „диктаторы".

Было около 3 часов ночи. Взамен выбывших из исполкома меньшевиков и эс-еров Совет быстро производит дополнительные выборы, депутаты обязуются привести в боевую готовность солдат и рабочих, и заседание закрывается. Мы спешим в здание исполкома.

4.

Глубокая ночь. Чувствуется страшная усталость, болит голова, но об отдыхе не может быть и мысли. Только-что донесли, что из Военного Городка по направлению к городской думе прошли в боевом порядке с винтовками и пулеметами юнкера.

Нужно немедленно организовать охрану исполкома, выработать план действий, распределить работу

Совещание затянулось до утра. Мы решили об'явить о переходе всей власти к Совету, но самим не нападать, а лишь призвать рабочих и солдат к боевой готовности.

Я быстро набросал воззвание к солдатам и приказ по городу. Тов. Антонов составил проект местного постановления о переходе помещичьей, монастырской и т.д. земли в распоряжение крестьян.

В приказе по городу мы писали:

„Трагическое положение страны заставило петроградских рабочих и солдат устранить от власти врем. правительство Керенского и Коновалова.

Власть в Петрограде перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов.

Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов приказывает:

1. Всем служащим в правительственных и общественных учреждениях оставаться на своих местах и беспрекословно подчиняться распоряжениям Саратовского Совета и его органов.

2. Войскам местного гарнизона быть в боевой готовности и подчиняться лишь тем распоряжениям, которые будут исходить от президиума военной секции.

3. Рабочим без призыва Совета не оставлять работ, фабрично-заводским комитетам взять надзор за правильным течением жизни на заводах и фабриках в свои руки.

4. Население должно соблюдать полное спокойствие. Всякие попытки вызвать погромы или волнения будут беспощадно подавляться вооруженной силой. Советом будут приняты самые решительные меры для борьбы с отдельными грабителями.

5. Всех призывающих к неподчинению совету, погромам и т. п. немедленно арестовывать и представлять в военную секцию Совета.

6. Подготовку к выборам в учредительное собрание продолжать попрежнему".

На следующий день появилось и воззвание, подписанное „комитетом спасения революции", который был организован на заседании городской думы. В этом воззвании население и, особенно, офицеры и солдаты призывались собраться к зданию городской думы с оружием для борьбы с Советом, а государственным учреждениям рекомендовалась забастовка...

5.

Днем 27 октября острых столкновений не было. Мы устроили митинги на фабриках, заводах и в войсковых частях, призывая всех к спокойному выжиданию и к боевой готовности.

Юнкера расставили караулы в ближайших к зданию городской думы кварталах и заняли отрядами некоторые дома. Была занята, между прочим, и моя квартира, причем жену и 5-летнего ребенка хотели отправить в качестве пленных или заложников в думу.

Юнкера сделали попытку захватить одну из батарей, но солдаты-артиллеристы прогнали их.

Однако, в артиллеристах мы были менее уверены, чем в других солдатах. Понтрягин и Неймиченко—артиллерийские офицеры и еще недавно пользовались большим влиянием в своих частях. Я узнал, что они в думе обещали разнести город из орудий, если мы попробуем бороться с думой. Я отправился к артиллеристам. На площади около артиллерийских казарм собралась довольно большая толпа солдат, среди которой толкалось много офицеров.

Я организовал митинг, об'яснил солдатам, в чем дело, и ребром поставил вопрос:

— Пойдут ли они против нас? Решатся ли стрелять в рабочих и солдат?

— Нет, не пойдем,—был дружный ответ.

Пытавшиеся вмешаться офицеры, из среды которых раздавались даже призывы арестовать меня, вынуждены были замолчать.

— Будете ли вы, если понадобится, бороться вместе с нами?

— Будем...

— Подчиняйтесь же только приказам Совета, товарищи. И да здравствует победа рабочих и крестьян!..

Меня проводили полными энтузиазма криками и обещаниями.

Теперь я был уверен в артиллеристах.

Вечером начались первые столкновения. Юнкера, студенты и гимназисты, составлявшие главную часть эсеро-меньшевистского воинства, стали арестовывать отдельных советских работников и разоружать солдат.

Мы узнали, что под предводительством Диденко была захвачена одна из казарм, и вывезено из нее несколько сот винтовок, а также патроны. На улицах близ думы стали возводить баррикады.

В то время нам стало известно, что губернский комиссар Топуридзе от имени думы и комитета спасения вызывает в Саратов казаков из Баланды и с железно-дорожных станций.

Дальше мешкать было нельзя. Мы решили действовать с своей стороны.

С вечера мы усилили караулы и установили посты на улицах. Пришло несколько сот вооруженных винтовками железно-дорожных рабочих, пришли рабочие и других районов. Это сразу подняло настроение солдат.

К утру явились части войск из Военного Городка.

6.

Утром 28 октября войскам и вооруженным рабочим было приказано оцепить район городской думы.

Думская „армия“, в состав которой, кроме юнкеров, офицеров и горсточки солдат, входили преимущественно студенты, гимназисты, семинаристы и т. п. „золотая“ молодежь, уже возвела баррикады и выставила пулеметы, поместив таковые, между прочим. на колокольню соседней с думой церкви. К полудню поставленная нашими войсками задача была уже выполнена.

— Потребуем, товарищи, от наших мятежников сдачи,—предложил я в президиуме Исполкома.

Предложение было принято. Я стал вести по телефону переговоры с лидерами мятежников и тотчас понял, что они хотят как можно дольше затянуть „собеседование“, уповая, очевидно, на помощь вызванных ими казаков. Они требовали разных „гарантий“ для парламентеров, хотели обязательно приехать в Исполком на нашем автомобиле и т. д. В таких переговорах—то со мной, то с т. Антоновым—они дотянули до 4 часов. Наконец, я запротестовал.

— Если вы не потеряли окончательно здравого смысла, оставьте пустые разговоры и немедленно присылайте своих уполномоченных к нам. Надвигается ночь. Если она застанет вооруженных друг против друга, столкновение будет неизбежным. Все равно, казаки не поспеют выручить вас. Мы приняли все меры к тому.

Депутация, наконец, явилась. В состав ее вошло, кажется, 8 человек, среди которых был один рабочий—мой однофамилец — железнодорожник Васильев. Им были предложены для подписи следующие условия:

1. Полная сдача оружия с гарантией личной неприкосновенности всех сдавших оружие.

2. Роспуск военной организации штаба и комитета при думе.

3. Никаких противодействий мерам и распоряжениям Совета.

4. Спокойная организация работы городского самоуправления.

5. Немедленная отмена всех постановлений комитета революции, городского самоуправления и губернского комиссара и призыв населения всей губернии к спокойствию и работе во всех учреждениях.

Раздраженным скрипучим голосом лидер эсэров А. Минин стал оспаривать предложенные условия и выставлять свои: отвод наших войск, пропуск осажденных с оружием в руках и т. д.

— Вы должны понять,—прервал я его,—что дальнейшая проволочка времени крайне опасна. Наши требования являются ультиматумом и должны быть приняты немедленно без всяких разглагольствований.

— Правильно!—сорвалось у одного из делегатов, подпоручика Друшлякова.

— Мы даем вам десять минут на обсуждение наших условий и переговоры по телефону с вашими товарищами в думе, после чего вы должны сообщить нам свое решение,—прибавил я.

Минут через десять заседание возобновилось. Друшляков, Мясоедов и, кажется, Белавинский без колебаний подписали предложенные условия. Минин заявил, что он вынужден подписать условия, но лично не согласен с тремя последними пунктами и, подписав их, сделает оговорку, и затем выйдет из числа гласных думы. Такую же оговорку сделали и другие гласные.

Для сообщения подписанных условий и организации сдачи оружия в думу вместе с депутацией отправился тов. Антонов и еще двое наших товарищей.

Рабочие и солдаты, бывшие в здании Исполкома, приветствовали соглашение искренними и радостными криками „ура“. У всех отлегло от сердца: не будет зря пролита кровь.

Но едва ушла делегация, как раздался телефонный звонок. Я взял трубку.

— Дума требует, чтобы делегация немедленно вернулась назад. Получена телеграмма, что Керенский взял Петроград. Мы решили держаться до утра и не подписывать соглашения.

Я узнал голос Понтрягина.

— Соглашение уже подписано. Если вы не сошли окончательно с ума, немедленно, не теряя минуты, выполняйте принятые условия...

— Ах, уже подписаны?.. Хорошо, мы подумаем

Было уже темно. Надвигалась ночь со всеми своими тревогами и недоверчивостью. Солдаты нервничали и инстинктивно опасались обмана.

Прошло около часа, а из думы не было никаких вестей.

Я попросил позвать к телефону кого-нибудь из военных руководителей думских заговорщиков. Подошел опять Понтрягин.

— Почему вы медлите с ликвидацией своей затеи?

— Дума обсуждает ваши условия и оспаривает некоторые пункты.

— Вы—военный и понимаете, что теперь не время для разговоров. И наши, и ваши части нервничают. Достаточно одного провокаторского выстрела, чтобы началось столкновение. Постарайтесь прекратить болтовню.

Прошло еще минут десять. Ответа нет. Я снова звоню в телефон. На этот раз подходит Диденко.

— Кончили или нет разговоры?

— Нет. Обсуждение продолжается.

— Кончайте немедленно и пригласите к телефону тов. Антонова.

Через несколько минут к телефону подошел Антонов.

— Каковы результаты?

— Большинство думы согласилось на предложенные условия.

Тогда немедленно сообщи об этом нашим войскам и призови их к спокойствию.

Мы несколько успокоились.

— Авось, сегодня удастся поспать и вам,—говорит мне какой то сердобольный товарищ.

Вдруг:

— Бах.

Стекла в окнах задребезжали. Электричество замигало...

— Что такое?

— Стреляют из орудия.

Снова:

— Бах. Бух.

Я выбежал на улицу. Частые ружейные залпы, разрозненная трескотня винтовок и рит-

мическое тявканье пулеметов покрывалось через короткие промежутки гулкими орудийными выстрелами.

Через несколько минут мне донесли, что, когда т. Антонов был уже около наших цепей, сзади раздались крики „ура“, за которыми последовали ружейные залпы,—кто-то сделал свое дело. Столкновение началось.

— Где Антонов?

— Не знаем. Но нам передавали, что он вбежал в какой-то дом.

— Пошлите разведку и отыщите его

Однако тов. Антонова не нашли, и я серьезно стал опасаться за его участь. Мелькнула мысль о ребенке и жене, которые, как я думал, остались в квартире почти напротив здания думы.

Но думать о близких не время. Решается судьба целых классов, решается судьба народов.

— Бах. Бах.—Продолжается обстрел.

Я попробовал соединиться по телефону с думой.

Телефон не действовал.

7.

Глубокая ночь. Канонада то затихает, то снова сотрясает стены и душу своими грозными раскатами.

Мне сказали, что со мною хочет говорить какая-то плачущая пожилая дама Я велел пригласить ее.

— Я—Никонова, жена присяжного поверенного Никонова.

— Что вам угодно?

— Ради всего святого прекратите обстрел думы. Там—дети.

— Какие дети?

— Гимназисты, учащиеся... Дети 13—14 лет... Есть и моложе ..

— Как они попали туда?

— Их позвали... Они пошли по глупости, из детского задора...

Я впервые узнал об этом подвиге наших социал-патриотов и кадет. Возмущение, гнев, презрение — слишком слабые слова для характеристики чувства, вызванного этим гнусным поступком.

— Скажите, как назвать тех людей, которые толкнули несчастных ребят на тяжкое преступление, а, может быть, и гибель?—спросил я Никонову.

Она плакала...

Я обещал ей, что мы немедленно предложим думцам выпустить детей. Но все попытки говорить с думой по телефону не удавались.

Тогда я стал подыскивать смельчака, который взялся-бы пройти в думу.

Вдруг мне доложили, что оттуда пришли парламентеры, я велел немедленно ввести их. Вошла меньшевичка Лаурер в костюме „сестры“ и с ней другой меньшевик, фамилии которого не помню.

— Что с детьми?

— С какими детьми?.

— Которых вы и ваши буржуазные друзья подло подвергли смертельной опасности?

Они стали уверять, что дети в полной безопасности, ибо находятся в нижнем этаже и в подвале.

— Зачем вы пришли?

— Чтобы узнать, согласитесь ли вы прекратить обстрел.

— Вы уполномочены вести переговоры?— удивился я.

— Нет. Мы пробрались сюда, чтобы только узнать, примете ли вы представителей думы.

— Возвращайтесь немедленно назад, и пусть явятся полномочные парламентеры. Вас проведут через наши цепи.

8.

Уже брезжил рассвет. Я провел без сна третью ночь, но удивительно, что мне спать почти не хотелось.

Наконец, явились парламентеры: Понтрягин, старик Мясоедов (председатель судебной палаты) и меньшевик Боярский, называвший себя интернационалистом.

Я об'явил им, что наши условия остаются в силе за исключением первого пункта: все военные, принявшие участие в мятеже, и наиболее ненавистные массам вожаки контр-революции должны быть временно задержаны. Это необходимо и в интересах их личной безопасности.

С этим новым условием после некоторых пререканий парламентеры согласились. Понтрягину я посоветовал даже не возвращаться в думу, а добровольно заарестоваться теперь же. Он и с этим согласился.

Мясоедов и Боярский возвратились в думу. Нами был отдан приказ прекратить стрельбу. Но фактически прекратить ее было очень трудно.

Рабочие и, особенно, солдаты были страшно раздражены сопротивлением, бессонной ночью и теми жертвами, правда немногочисленными, которые они понесли.

С нашей стороны было двое или трое убитых и около десятка раненых.

Кроме того со стороны противника стрельба не прекращалась. Особенно часто стреляли из пулемета, установленного на колокольне церкви.

В этом я убедился сам.

За мной приехал с Московской улицы автомобиль, ибо солдаты не подчинялись приказу о прекращении стрельбы и собирались идти в атаку на осажденных.

Я поехал к нашим войскам. На углу Московской и Никольской улиц толпилось несколько сот крайне возбужденных солдат.

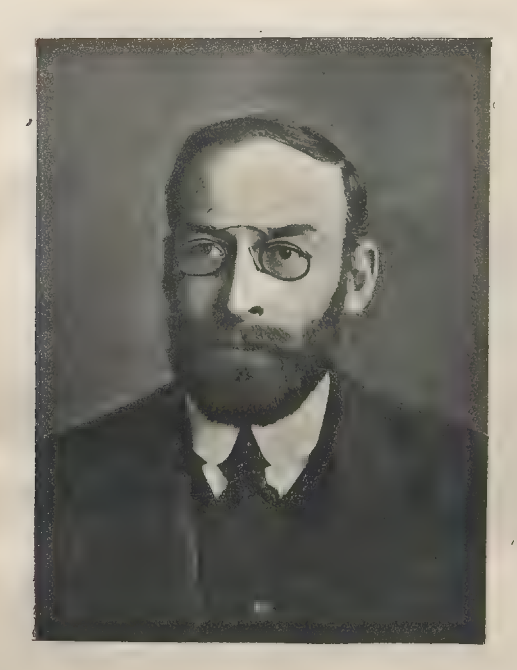
На середине Московской улицы против угла Окружного суда стояло два орудия и несколько пулеметов. Из них обстреливались баррикады думцев, возведенные близ Приютской улицы поперек Московской. От орудийных выстрелов все стекла Окружного суда и ближайших зданий вылетели. Окна зияли, как пустые глазницы черепа.

Солдаты столпились вокруг моего автомобиля, я поздравил их с победой и потребовал немедленного прекращения стрельбы, ибо противник готов сдаться.

Часть возбужденных солдат попробовала протестовать.

— Именем вашего Совета я требую немедленного и безусловного подчинения. Всякий неподчиняющийся будет рассматриваться нами, как наш враг,—решительно и громко крикнул я.

Вождь Саратовского пролетариата

В. П. Антонов.

миче
коро
стре

когд
сзад
дова
Стол

вбеж

но с
о ре
лись

судь

думе

ва с
ката

кака
глас

ного

дум

Есть

дето

циал
зрен
стин

толі
ние

жим
гов.

рый

пар
Вои
и с
пом

под

пас
вал

— Правильно!.. — раздались многочисленные голоса.

— Но как же быть, если „они“ сами продолжают стрелять,— запротестовали отдельные голоса.

— Не обращайте внимания.

— Это—провокаторские выстрелы.

На Московской улице стрельба прекратилась. Но продолжало бухать орудие с Горной улицы.

Я поехал туда.

Там солдаты были раздражены еще больше.

— Прекратите стрельбу,—потребовал я.

— А они прекращают?.. Посмотрите, тов. Васильев, что там делается: они стреляют с церкви.

Действительно, через минуту раздалось несколько отдельных ружейных выстрелов из района думы, и тотчас отчетливо нагло затрещал пулемет со стороны церкви, что находится по соседству со зданием думы.

Артиллеристы бешено бросились к орудиям.

— Мы разнесем и думу, и церковь.

— Давайте бризантные снаряды.

С большим трудом мне удалось удержать и успокоить их.

— Если эта сволочь через полчаса не сдастся, —мы ни одного из них не оставим в живых,—раздраженно кричали солдаты.

— Хорошо, товарищи! Я сам пойду к ним и потребую очистить здание. Но дайте слово, что вы не будете стрелять по безоружным. Другие и я пойдем вместе с ними. И, стреляя по ним, вы можете убить своих.

Солдаты очень неохотно, но согласились, наконец, ждать сдачи. С нашей стороны стрельба была прекращена и здесь.

Я возвратился к Окружному суду. Там среди солдат находился уже парламентер из думы—начальник школы прапорщиков полковник Чесноков. Солдаты ругательски ругали его и грозили перебить всех юнкеров и офицеров. Он был бледен, но старался сохранить спокойствие.

Я опять взял слово с солдат сохранить спокойствие и не трогать безоружных, предупреждая, что сам отправлюсь в думу и выведу осажденных.

Идти вместе со мной вызвалось человек пять. Из них помню тов. Плаксина и Марциновского.

Мы пошли по Царицынской ул., полковник Чесноков шел с белым флагом. Несмотря на это, в районе думы стали раздаваться выстрелы, однако, из нашей небольшой группы никто не был задет.

По Приютской ул. мы свернули на Московскую,—здесь красовалась баррикада, за которой —увы—не было ни одного защитника,—знаменитая баррикада из мешков с айвою. Ее впоследствии наши солдаты с'ели.

Я прямо направился в думский зал. Около меня растерянно суетился меньшевик Боярский, почему-то все время повторявший:

— Товарищи, спокойствие! Это—делегат, он неприкосновенен...

Большинство стоявших по лестнице юнкеров смотрели на меня скорее с робкой надеждой, а не воинственно.

Дух уныния и трепетного страха носился и над переполненным залом. На председательском месте сидел известный лидер местных меньшевиков Чертков. Он торопливо, глухим голосом предоставил мне слово.

— Надеюсь, господа, что вы понимаете всю опасность вашего положения. У вас есть лишь одна возможность спастись,—это немедленная и безусловная сдача. Бросьте хоть теперь пустые разговоры и ультиматумы. Оставьте здесь оружие и немедленно выходите на улицу. Впереди пусть построются в ряды юнкера и офицеры, а за ними все остальные. Малейшее промедление погубит вас.

— А можете вы гарантировать нам личную безопасность?—спросил меня кто-то.

— Вчера мог бы,—сегодня, откровенно говорю, не могу. Солдаты слишком озлоблены против вас. Обещаю лишь следующее: я сделаю все, чтобы предупредить расправу; я пойду впереди вас. Если будут стрелять в вас, то убьют прежде всего меня. Солдаты меня знают и, думаю, не сделают этого.

Все послушно и быстро стали спускаться вниз. Юнкера и офицеры тотчас построились в ряды, а за ними столпилось остальное „воинство“.

Глубокое чувство презрения и возмущения закипало в душе при виде этого воинства: горсточка гласных и куча юнцов и ребят. Много было гимназистов, коммерсантов, семинаристов и т. д. в возрасте не более 14 лет. Большинство гласных и даже „вождей“ отсутствовало. Почти не было видно представителей кадетской партии.

Процессия выстроилась, я стал впереди, и мы двинулись по Московской к нашим баррикадам. Неприятельскую баррикаду из айвы уже растаскивали и ели.

Навстречу нам из ближайших улиц и дворов высыпали с винтовками в руках рабочие и солдаты—крайне возбужденные, с угрожающими жестами...

— Безоружных не трогать, товарищи. Спокойствие и выдержка,—крикнул им я.

— Не бойтесь—не тронем. Дайте только выругать хорошенько эту сволочь,—кричали солдаты.

Ругали серьезно, не стесняясь в выражениях. Я на всякий случай попросил наших рабочих, как более выдержанных, окружить пленников цепью.

После мне говорили, что некоторые солдаты при виде юнкеров не выдержали и бросились было к пулеметам. С большим трудом удалось их удержать, указав, что подстрелят и меня.

Мы подошли к Никольской улице. Здесь нас встретила новая масса солдат, еще более возбужденная и гневная...

— Руки вверх... Подымите руки вверх,—раздались десятки голосов.

— Стой. Стой.. —свирепо кричал какой-то артиллерист, взобравшись на лафет орудия и размахивая револьвером.

Процессия остановилась. Возбуждение охваченной гневом массы солдат усиливалось. Это—самый опасный момент. Достаточно было случайного или провокаторского выстрела, чтобы ни одного из пленных не осталось в живых. Они стояли, дрожа, с поднятыми вверх руками.

— Убери револьвер, товарищ, и уйди с дороги!—решительно приказал я артиллеристу.

— Стой, стой... я ничего... я только хочу сказать им... Ах вы, сволочи... мать вашу... вы .. вы... стрелять в нас?..

От возбуждения и гнева он не мог говорить. Я велел отвести его и быстро двинулся вперед. Пленные устремились за мной. Движение несколько успокаивало толпу. Пленных бранили, им угрожали, но ни одного серьезного насилия произведено не было.

Мы подошли к зданию Исполкома (бывший губернаторский дом). Я распорядился, чтобы тотчас же отпустили всех женщин. Затем к вечеру были отпущены все учащиеся.

При обыске у многих оказались припрятанными револьверы. Юнкеров и офицеров, а также часть гласных мы задержали. Их немедленное освобождение могло вызвать кровавую расправу, ибо масса была слишком раздражена.

Да и наши собственно интересы диктовали эту меру. Мы узнали, что казаки, вызванные думским „комитетом спасения революции", находились уже вблизи Саратова. Постепенно их скопилась целая дивизия с артиллерией и пулеметами

Большинство „вождей" думской армии „благоразумно" сбежало. Среди арестованных не оказалось ни Минина, ни Диденко, ни Майзеля. А задержанные вожди поражали меня своим малодушием

Не забуду одной сцены. У здания Исполкома стоят выстроенные „мятежники". Кругом них шумит негодующая толпа наших солдат и рабочих. Я стараюсь успокоить их и все время хожу вдоль рядов арестованных.

— Товарищ Васильев... Товарищ Васильев... —раздается дрожащий голос.

Это окликает меня главный лидер меньшевиков, председатель думы Чертков.

— Что вам угодно?

— Ради бога, стойте около меня... Я боюсь, что меня растерзают...

У него бледно-зеленое лицо, губы кривятся от неудержимого страха. Мне противно смотреть на него.

— Я должен быть около всех и—прежде всего—около ребят, которых вы подвергли страшной опасности. Но можете успокоиться—вас никто не тронет.

10.

Я зашел в Исполком. Только что явился тов. Антонов. Когда неожиданно началась стрельба, он забежал в какой то двор и не мог выйти оттуда до утра, так как квартал все время находился под обстрелом.

Жертвы, к счастью, вообще были невелики.

Через час я заглянул на свою квартиру: она подверглась основательному разгрому. Все окна оказались выбитыми, мебель изломана, входная дверь снята с петель и отнесена на баррикады, на полу масса расстрелянных патронов.

Квартиру мою занимал отряд думских юнкеров и студентов. К счастью, жена успела заблаговременно увести нашего пятилетнего ребенка.

Вещей пропало сравнительно немного—больше мелочи: брошка, часы, бритва и т. д. Какой-то из думских защитников надел мои новые ботинки, любезно оставив мне свои дырявые.

Три ночи под ряд я не спал, но только теперь почувствовал, как безумно я утомлен. Удивительная штука—человеческие нервы ..

А с утра снова началась напряженная работа и борьба Нужно было прежде всего ликвидировать „казачью опасность".

Пришлось мобилизовать все наши военные силы, рыть вокруг города окопы, посылать парламентеров, принимать делегации от казаков и т. д., и т. д.

К счастью, в течение недели мы ликвидировали казачью авантюру совершенно бескровно. Нам удалось „сагитировать" казаков, и они ушли в указанное им место, поссорившись со своими офицерами.

А затем снова началась борьба с думцами, которые, разумеется, отказались выполнять принятые обязательства. В конце концов мы вынуждены были распустить думу.

Не мало портили нам кровь и малодушные товарищи из собственных рядов.

Последние дни существования меньшевистско-эсеровского совета и Октябрьский переворот.

Плаксин.

После февральского переворота Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов состоял в большинстве своем из меньшевиков и социалистов-революционеров. В продолжении этих двух созывов рабочие и солдаты воочию убедились в той соглашательской и нерешительной политике меньшевиков и эсеров, которая давала возможность нашим классовым врагам—фабрикантам и помещикам—проводить свою политику под прикрытием этих социалистов. Меньшевистско-эсеровский совет поддерживал коалиционное правительство, которое стремилось поддерживать империалистическую войну, не вело никакой борьбы с фабрикантами и заводчиками, которые беспощадным образом эксплоатировали рабочих, закрывали фабрики и заводы и этим создавали кадры безработных, *и не могло разрешить вопроса о земле, боясь обидеть своих друзей-помещиков*, и стремилось задержать рост революционного движения.

Рабочий класс, как авангард революции, стал убеждаться, что вместо облегчения, вместо экономической свободы, он еще больше попадает в кабалу своих классовых врагов. Солдаты, находившиеся долгое время на фронтах, ожидавшие, когда их распустят по домам,—видят, что меньшевистско-эсеровский совет поддерживает империалистическую войну, заставляет их и в дальнейшем продолжать эту бойню, и эта политика заставила отходить от меньшевиков и эсеров и примыкать к коммунистам-большевикам.

Августовское восстание буржуазии, восстание Корнилова и Каледина, еще больше подлило масла в огонь революционного недовольства, еще больше обострило отношения рабочих к своим классовым врагам, еще больше создалась пропасть между эксплоататорами и эксплоатируемыми. Меньшевики и эсеры приняли все меры к тому, чтобы изгладить все эти обострения, засыпать ту пропасть, кото-рая образовалась между трудом и капиталом,—но все их старания, и все революционные фразы остались голосом вопиющего в пустыне. Политика соглашательства быстрым темпом начала банкротиться. Рабочие, солдаты и большинство крестьянства стали осознавать лозунги гражданской войны и стали отходить от меньшевиков и эсеров и примыкать к партии большевиков. Этот процесс отхода масс от соглашательских партий, процесс полевения и признания лозунгов партии большевиков имел место не только в Саратове, но и во всей России. В Саратове наглядным показателем этого процесса могут служить следующие цифровые данные:

в Совете II созыва было:

меньшевиков—рабочих и солдат	210 ч.
соц революц. „ „	310 ч.
большевиков. „ „	90 ч.

А в совете III созыва:

меньшевиков—рабочих и солдат	76 ч.
соц.-революц. „ „	103 ч.
беспартийных „ „	39 ч.
большевиков „ „	320 ч.

Из этого видно, что меньшевиков и эсеров уменьшилось в три раза, а большевиков увеличилось в четыре раза,—но эти цифры говорят про ту массу, которая работала в Совете. Такое-же полевение происходило но вне Совета, хотя соглашатели принимали всевозможные способы для удержания от полевения масс,—но вся их политическая спекуляция не увенчалась успехом, и они с каждым днем теряли всякий авторитет перед массой рабочих и солдат.

Работа III созыва Совета проводилась под руководством Коммунистической партии большевиков, которая вскрывала всю лживость политики соглашателей, которые, якобы, защищают интересы трудящихся, а вместе с тем предают таковых и отдают в полное распоряжение наших классовых врагов. Это члены Совета учли и поняли, и об'явили формальную войну коалиционному правительству, что было не по душе меньшевикам и эсерам, которые центр тяжести своей работы перенесли в думу, отозвав своих представителей из Исполкома, а эсеры даже отозвали и членов Совета. Но не все члены Совета—эсеры подчинились этому отзыву—часть из них осталась в Совете и примкнула к

большевикам. Меньшевики и эсеры старались мобилизовать вокруг городской думы сочувствующие слои городского населения. Такое сочуствие могло быть лишь только со стороны мещан, а что касается рабочих и солдат, то здесь „проваливай мимо". Противопоставление думы городскому большевистскому Совету стало главной и основной работой соглашательских организаций в политической отношении.

Коммунистическая организация и исполком Совета с своей стороны приняли соответствующие меры к раз'яснению массам рабочих и солдат той политики, которая проводилась со стороны большевиков, выдвигая лозунги: „Власть—Советам! Долой империалистическую войну, да здравствует гражданская война",—которые быстро воспринимались рабочей и солдатской массой. Трения с каждым днем все сильнее и сильнее обострялись. Революционная атмосфера накалялась. Масса рабочих и солдат с нетерпением ожидала, когда лозунг „власть—Советам!" претворится в жизнь. Вопросы о власти Советов, временном правительстве стали широко дебатироваться на всех фабриках, заводах и мастерских, где определенно выносились резолюции в пользу советов, за исключением печатников, которые поддерживали временное правительство.

Такие дебаты происходили не только на фабриках и заводах, но даже в вечернее время на каждом углу в городе, где вы могли видеть, как собираются толпы и обсуждают эти вопросы и, конечно, не без участия и большевиков, и меньшевиков, и эсеров,—где борьба происходит до самого ожесточения или, просто говоря, чуть не до драки. Что же касается настроения солдатских масс, то можно определенно сказать, что они шли целиком и полностью за Коммунистической партией. Лозунги Компартии—„Долой империалистическую войну, да здравствует гражданская война", быстро воспринимали солдаты даже при существовании меньшевистско-эсеровского Совета. Всякие конфликты, всякие недоразумения, происходящие в саратовском гарнизоне, могли только быть разрешаемы и ликвидированы Коммунистической партией в лице т. Васильева, который пользовался большой популярностью среди солдат. Рабочая масса г. Саратова и гарнизон вполне были подготовлены к свержению временного правительства и передаче власти Совету. Комитет большевистской организации только ожидал руководящих указаний со стороны Центрального Комитета партии, ибо работа по свержению временного правительства должна происходить во всероссийском масштабе, и вместе с тем 24 октября распространились слухи, что губернский комиссар меньшевик Топуридзе получил какую-то телеграмму о начавшихся в Петрограде волнениях, и что как будто-бы состоялось какое-то совещание меньшевиков и соц.-рев., которое скрывается от большевиков. На все наши запросы о той важной телеграмме, которая получена комиссаром Топуридзе, меньшевики и эсеры отнекивались незнанием. Наконец, лидер меньшевиков Чертков сообщил, что получена телеграмма, и предложил устроить совещание партийных комитетов большевиков, меньшевиков и эсеров, на что было дано согласие со стороны большевиков. Вечером было устроено таковое совещание, где от большевиков присутствовали т.т. Антонов, Васильев и Лебедев; на нем обсуждались вопросы о большевистском восстании в Петрограде против временного правительства. Меньшевики и эсеры предлагали воздержаться от восстания, дабы не вовлечь г. Саратов в бездну гражданской войны, создать единый фронт революционной демократии и осудить выступление петроградских большевиков. Все эти предложения категорическим образом были отвергнуты большевиками в лице т.т. Васильева, Антонова и Лебедева, и на этом совещании начались отдельные заседания комитетов. Президиум комитета большевиков (он же президиум исполкома) решил созвать экстренное заседание Совета на 26 октября. Кроме того были информированы ответственные работники о создавшемся положении. Городская дума так же собралась для обсуждения происходящих событий в Питере и решила создать Комитет защиты революции. На заседании городской думы небольшая часть коммунистической фракции присутствовала, а большинство из нее работало в Исполнительном Комитете Совета. На этом заседании вопрос о событиях в Питере лучше выяснился,—там было больше откровенности, нежели на партийных совещаниях.

Выступление меньшевиков и эсеров на этом заседании заключалось в самоуспокоении, указывая на то, что большинство населения и демократии поддерживает временное правительство. Президиум Исполнительного Комитета принял соответствующие мероприятия по выяснению состояния гарнизона и красногвардейцев на случай, если дума осмелится выступить против Совета. Но офицерство тоже не дремало,—оно устроило совещение, на котором решило создать военный комитет для защиты от контр-революции, состоящий из представителей всех партий и руководящего офицерства, не подчиняющихся в своих действиях ни Совету, ни городской думе,—так называемый „нейтральный".

Президиум Исполкома учел эту „нейтральность", которая могла-бы вылиться в военную диктатуру, под влиянием и руководством эсеровского офицерства, и устроил совещание с этим офицерством. Офицеры требовали создания революционного штаба, состоящего исключительно из военных, входящих не по партийному принципу, а по личным качествам, который берет на себя охрану города и в своих действиях „нейтрален", т. е. не связан ни с думой, ни с Советом. Президиум Исполкома с своей стороны предложил следующее: штаб организуется при Совете и находится под его контролем, и исполняет приказы Совета; состав—по качественному и партийному принципу с преобладанием большевистского представительства. Офицерство на это предложение согласилось. Это совещание продолжалось целый день 26 октября. 26 октября в 8 ч. вечера в зале консерватории началось заседание фракции большевиков, на котором т. Васильев ознакомил фракцию с организацией штаба с представительством всех партий. По этому вопросу в прениях выступало много ораторов. Одни из них высказывались за то, чтобы в штаб не вводить представителей других партий, а создать исключительно большевистский, другие высказывались за то, чтобы штаб организовать из представителей партий за исключением энесов,—последнее фракцией было принято.

Но когда был оглашен персональный список, где фигурировали фамилии Диденко и Зайцева, то здесь поднялась целая буря, в особенности со стороны солдат, коммунистов, и эти лица со списка были отведены.

Заседание Совета было открыто т. Антоновым в 1 ч. ночи. Т. Васильевым был сделан доклад об организации штаба. По этому докладу опять начали выступать члены Совета, высказывающиеся против проекта, предложенного группой офицеров. Выступали из среды группы офицерства Понтрягин и др., которые защищали свой проект, указывая на то, что если Совет не согласится с их проектом, то они откажутся от командования и т. д. и т. п. Такое выступление вызвало сильное негодование со стороны членов Совета, которые начали кричать: „Долой с трибуны! Уходите! Мы без вас справимся", и т. д.

Т. Антоновым были приняты соответствующие меры для приведения в порядок заседания Совета. В это время появляются из думы меньшевики во главе с Чертковым и Майзелем, которым было дано слово, и Чертков начал оглашать телеграммы о победах Керенского, что он вступил с войсками в Петроград, что большевистское движение подавлено. Опять поднимается шум, начались выкрики—„долой! это—ложь!", но Чертков продолжает распинаться, указывая на то, что „большевики ведут вас в пропасть, что вас все равно раздавит „революционная демократия", которая поддерживает временное правительство". Опять начались крики—„долой!"

После Черткова выступил т. Антонов, который в своем выступлении указал, что „в то время, когда питерские рабочие хотят свергнуть иго буржуазии, когда черные банды Каледина идут на штурм революционного Царицына, эти так называемые социалисты пугают нас Керенским; они уже не верят в Советы, они не верят в рабочих и солдат; они требуют от нас, чтобы мы не поддерживали восставших питерских рабочих. Саратовский Совет отвергнет ваши предательские предложения и заклеймит вас позором, когда вы в этот исторический и тяжелый момент для рабочих поддерживаете буржуазно-соглашательское правительство Керенского". После этого ставится предложение на голосование—кто за власть Советов и кто против. Против власти Советов голосовала небольшая кучка человек в десять, а остальные голосовали за власть Советов. Чертков, видя такое решение, начал кричать, что „вы и ваши вожди обезумели. У вас нет командного состава. Вас раздавят . . . . Я вас призываю к благоразумию. Откажитесь от большевиков и об'единитесь вокруг городской думы для защиты временного коалиционного правительства".

Опять поднимается шум Совета, начали кричать—„долой! вон! уходи целоваться с буржуазией!"

Меньшевики и эсеры, видя свое бессилие, заявляют, что „мы вас предупредили, а теперь мы покидаем заседание Совета, в котором больше работать не будем",—и уходят, а за ними вслед выкрики:—„Скатертью дорога! Изменники и предатели рабочего класса!"

После их ухода т. Антонов указал на предательские действия меньшевиков и эсеров, которые не могут работать без буржуазии, которые не верят в рабочий класс, которые подобно Пилату омывают руки.—Пускай уходят. Рабочий класс оценит их по заслуге.

В это время прибегают товарищи из думы и сообщают, что там организуется штаб, и подготовляются к нападению на Совет. Об этом было сообщено Совету, и даны соответствующие указания, чтобы все члены Совета были готовы; был избран штаб, после чего заседание Совета было закрыто. Члены Исполнительного Комитета направились в дом бывшего губернатора, где в это время помещался Исполком. Устроили заседание Исполкома (это было уже около 4 ч. ночи), первое заседание пролетарской власти в Саратове, на котором было избрано Исполнительное Бюро, и распределили между собою функций. На этом заседании был смещен губернский комиссар меньшевик Топуридзе, и вместо него назначен т. П. Лебедев, смещаются уездные комиссары, и вместо их посылаются советские эмиссары. Что же касается военных организаций, то здесь дело у нас обстояло не совсем благополучно. Военные коммунисты командного состава, хотя их было человека 4 или 5,—струсили и не взяли на себя командование, так что руководящий военный орган пришлось создавать из рядовых коммунистов-солдат (мне временно пришлось исполнять должность коменданта города, хотя эта работа мне была не по плечу)—до тех пор, пока военные коммунисты командного состава не осознают и не вступят в свои прямые обязанности. Первым из них явился в наши ряды т. *Джибровский*, который со слезами на глазах признал свои ошибки, и он был вместо меня назначен комендантом города, а на меня была возложена обязанность подготовлять рабочих и солдат к защите Советской Власти.

Для военных операций, на всякий случай, был найден беспартийный боевой офицер П. Щербаков, который дал на это свое согласие.

Исполнительным Комитетом было выпущено воззвание к населению, и выработан декрет о земле. Дума тоже не дремала—она организовала боевой штаб, который вызвал школу прапорщиков в полном боевом вооружении, попытался овладеть артиллерией, но это не удалось, и достал часть оружия. Дума, с своей стороны, совместно с губернским комиссаром Топуридзе выпустила два воззвания к гражданам и солдатам, призывающих поддерживать временное правительство. Этими воззваниями дума собрала вокруг себя значительную группу офицерства, часть учащейся молодежи и часть служащих государственных и общественных учреждений. Вся эта разношерстная публика вооружалась штабом и распределялась по баррикадам, которые были возведены вокруг думы. Дума уже с 27 октября начала нападать на некоторые солдатские части и захватывать советские автомобили. Исполнительное Бюро Совета, видя наступательные действия со стороны думы, приказало своему штабу окружить думу, что и было выполнено приблизительно к 3—4 часам 28 октября.

Были расставлены батареи на Соколовой горе, поставлены пушки и пулеметы на уг. Московской и Никольской ул., рабочие и солдаты заняли указанные им пункты. Меньшевистско-эсеровские соглашатели с думскими деятелями, видя свое окружение рабо-

чими и солдатами и подсчитав свои ничтожные силы, из'явили свое желание вести мирные переговоры с Исполнительным Комитетом Совета, на что Исполком дал свое согласие. Была прислана думская мирная делегация, которой были предложены от Исполкома следующие мирные условия: 1) полная сдача оружия с гарантией личной неприкосновенности всем сдавшим оружие; 2) роспуск военного штаба и комитета при думе; 3) никаких противодействий мерам и распоряжениям Совета; 4) спокойная органическая работа городского самоуправления; 5) немедленная отмена всех постановлений Комитета городского самоуправления и губернского комиссара и 6) призыв населения губ. к спокойствию и работе во всех учреждениях.

Эти условия были приняты думской комиссией за исключением эсера Минина, который остался при каком-то своем мнении. Для скорейшего проведения в жизнь этих условий была в думу послана комиссия от Исполкома. Но этой комиссии не удалось ускорить это дело. После окончания переговоров в думе и после ухода делегации был открыт огонь со стороны думцев, а так же и со стороны нашей. Часть нашей делегации возвратилась в Исполком, а часть не возвратилась, благодаря начавшейся перестрелке. Эта перестрелка заставила нашу сторону пустить в ход пушки и пулеметы.

Несколько часов продолжалась такая перестрелка, и со стороны думы опять поступило заявление прекратить перестрелку. Тогда мы приняли все меры к прекращению этой стрельбы, разослав ответственных работников на позиции, занятые рабочими и солдатами,—в том числе был послан и я. Придя на позицию, я стал раз'яснять рабочим и солдатам, что нужно прекратить стрельбу, т. к. думцы из'явили согласие сдаться.

Но думцы не успокаивались: хотя и изредка, но открывали ружейный огонь. Тогда солдаты начали говорить: „Вот вы приказываете прекратить огонь, а они стреляют,—поэтому мы не прекратим огонь до тех пор, пока не сметем с лица земли городскую думу". Пришлось много потратить сил и энергии для того, чтобы приостановить пулеметный и ружейный огонь.

Необходимо отметить стойкость и выдержанность рабочих, которые в этой борьбе служили спайкой солдатской массы. Среди рабочих находились не только коммунисты и беспартийные, но и меньшевики и эсеры, которые обстреливали городскую думу. Уже вечерело, но выстрелы, хотя редкие, происходили, то с одной, то с другой стороны.

Всю эту ночь с 28 на 29 октября пришлось провести на позиции, изредка заходя в Исполком Совета для информации. В Исполком заявилась вторично думская делегация для окончания той перестрелки, которая изредка происходила, и для сдачи в руки Советской власти. В числе этой делегации был офицер Понтрягин, который попросил Исполком, чтобы его сразу направили в тюрьму, боясь того, как-бы с ним не расправились солдаты.

Исполком удовлетворил просьбу Понтрягина и послал меня для сопровождения его в тюрьму. В личной со мной беседе Понтрягин заявил: „Если мне сейчас не сесть в тюрьму, то есть опасения, что солдаты не оставят меня в живых, ибо я сам лично чувствую враждебное настроение солдат против меня и некоторых других офицеров".

Исполком Совета ожидал рассвета для взятия пленных думцев,—ночью не было никакой возможности этих пленных провести.

Начало светать, и т. Васильев был послан в думу для проведения думцев в отведенное им место Исполкомом. Солдаты находились в возбужденном состоянии и заявляли, что они всех думцев перестреляют.

Потребовалось больших усилий для того, чтобы удержать солдат от нападения на думу и расстрела находящихся там противников Советской власти. Нами были организованы из рабочих заслоны, дабы дать возможность пленным безболезненно пройти сквозь рой солдат. Эти заслоны дали возможность пройти пленным безболезненно, хотя у некоторых офицеров были сорваны погоны солдатами.

Пленных расместили следующим образом: юнкеров, офицеров и учащуюся молодежь направили в тюрьму, а меньшевиков и эсеров, и деятелей думы поместили в здание, находящееся рядом с Исполкомом. После того, как пленные были размещены, учащаяся молодежь была освобождена. После очищения городской думы от наших противников, часть т.т., в том числе и я, направилась к думе для того, чтобы там навести соответствующий порядок.

Подходя к баррикаде, возведенной думцами, мы увидели солдат, как они эту баррикаду нанизывают на штыки, тащят мешками, также и граждане помогали растаскивать баррикаду, так как она состояла из мешков с айвой. Получилось так, что думская баррикада быстро была разобрана и впоследствии—с'едена.

При нашем входе в здание городской думы там оказалось все в хаотическом состоянии, все разбросано, все развалено,—и все пришлось приводить в надлежащий порядок. В Исполком Совета начали ходить представители меньшевиков и эсеров, которые требовали освобождения думцев, юнкеров и офицеров. Исполкомом были делегированы т.т. Антонов и Плаксин для переговоров с пленными меньшевиками и эсерами, сидящими в здании, находящемся рядом с Исполкомом.

При обсуждении вопроса об освобождении меньшевиков и эсеров, с их стороны было заявлено: „Если Исполком не освободит юнкеров и офицеров из тюрьмы, то и мы не желаем себе освобождения". Мы им указали, что до тех пор, пока в городе не будет успокоения, таковых лиц Исполком освободить не может, а что же касается думцев, то, если они еще раз подтвердят и исполнят 2—6 пункты условий сдачи, они будут освобождены. После долгих колебаний и споров они согласились на эти условия, и Исполком их освободил 29 октября.

Исполком Совета узнал о том, что к Саратову со стороны Баланды приближаются казаки, по вызову губкомиссара Топуридзе,—для поддержания и подкрепления городской думы. Исполком Совета через военный штаб принял соответствующие меры для защиты Саратова, для защиты Соввласти.

Кроме тех мер, которые были приняты военным штабом к защите Саратова, т. е. кроме того, что саратовский гарнизон был приведен в боевой порядок, вырыты окопы, расставлены пулеметы и батареи,—Исполком

Совета во избежание кровопролития, во избежание того, чтобы не была пролита кровь рабочих и солдат, начал вести мирные переговоры с казаками путем посылки делегации как с нашей, таки с их стороны. Наша делегация в этом отношении сыграла громадную роль в разложении казачества. Она вела переговоры не только с казачьим штабом, но и устраивала там митинги среди казачьих масс, и эти митинги действовали разлагающе на казачество. Казачество отдельными группами начало уходить с этого фронта, уходило неорганизованно, а потом и последние остатки ушли с Саратовской территории во-свояси. Таким образом Исполкому удалось казачий фронт ликвидировать без кровопролития.

После ликвидации казачьего фронта, после военного фронта, Исполкому пришлось повести борьбу с тем элементом, который ставил палки в колеса, который всевозможными действиями старался противодействовать Советской власти. Первыми из таковых явились почтово-телеграфные чиновники, которые бастовали более месяца; вторыми—печатники, которые первое время отказывались работать на Исполнительный Комитет Совета, и третьим—саботаж служащих государственных учреждений. Центром об'единенения элемента, противодействующего И. К., являлась городская дума. Городская дума не выполнила тех обещаний, которые она дала Совету,—поэтому Исполком Совета решил разогнать эту думу, и вместо нее учредил Совет Городских Комиссаров, который и начал выполнять функции Городской Управы.

Исполкому Совета долгое время пришлось работать изолированно, не имея связи с центром и окружающими губерниями, благодаря забастовке почтово-телеграфных чиновников. Были приняты меры морального воздействия на служащих почты и телеграфа, которые не повлияли на них, и они продолжали бастовать. Тогда И. К. арестовал главарей этой забастовки, были расставлены караулы в зданиях и вокруг них, было приказано пропускать в здания лишь только тех, которые из'явят согласие работать, а кто не явится, тот должен считаться уволенным. Несмотря на все эти меры, почтово-телеграфные чиновники продолжали бастовать, и не раз ставили Совет в тяжелое положение, и, несмотря на эти тяжести, И. К. твердо проводил свою линию.

Почтово-телеграфные служащие, видя твердость Исполкома и не имея матеральной поддержки, начали вести примирительную политику, предлагая Исполкому освободить арестованных и принять обратно всех на службу. Исполком не согласился освободить арестованных, а что касается принятия всех на службу, то решил создать комиссию, которая профильтрует всех служащих и по своему усмотрению может принимать или не принимать того или другого служащего. После долгих колебаний они согласились на это предложение.

Печатники первое время отказались работать на И. К. Совета, а работали на противников Совласти; Исполкомом были приняты меры к набору рабочих, которые из'явили согласие работать на Совет, и к закрытию всех газет за исключением „Социал-Демократ“ и „Известия“.

Печатники, видя то, что они остаются не у дел, что они оказались безработными, и, имея материальную нужду, отказались от своей забастовки.

После ликвидации забастовок И. К. пришлось много потратить сил и энергии для борьбы с саботажем служащих городских и общественных учреждений, которые никак не могли примириться с тем, чтобы какие-то чумазые, необразованные рабочие управляли и руководили ими. Необходимо отметить бодрость, выносливость членов И. К., которые в продолжении целого месяца или же больше не выходили из здания Исполкома, работая в сутки 17—20 ч.; спали на столах, стульях, а если таковых не хватало, то расстилалась газета на пол, клался кулак под голову,—и на этих „уютных“ местах не давали спать ночные посетители, которые иногда являлись по делам, а других приводили под конвоем. Последнее посещение было большею частью. Утром после праведного сна промываешь себе глаза и вместо полотенца утираешься газетой.

В то время я выполнял работу комиссара труда. Весь аппарат комиссара состоял из двух человек—меня и технического секретаря,—но работы было очень много, так как каждый фабрикант, каждый заводчик стремился закрывать предприятие, сокращать рабочих, не выплачивать заработной платы таковым. Работа еще усугублялась тем, что бывший комиссар труда Гутерман не сдавал своих дел, ожидая распоряжения от Центра. С нашей стороны были приняты все меры для получения дел от Гутермана, применяя всевозможные меры воздействия, которые не увенчались успехом. Пришлось работать, не получивши дел от бывшего комиссара труда, и этим больше осложнялась работа.

Не имея никаких указаний со стороны Центра и И. К. Совета, пришлось руководствоваться теми познаниями, которые я получил в подпольной работе, и революционной совестью.

Конфликты рабочих с фабрикантами и заводчиками с каждым днем все увеличивались и увеличивались, так что от комиссара труда требовалось быстрое решение этих вопросов. При существовании меньшевистско-эсеровского совета и комиссара труда Гутермана эти конфликты первоначально разрешались в примирительных камерах, а потом уже передавались на разрешение комиссара труда, и все эти решения фабриканты и заводчики в большинстве случаев считали для себя необязательными и часто рабочих угощали посулами,—в конце концов рабочие после долгих хождений ничего не получали. Такой метод решения конфликтов после Октябрьского переворота был неприемлем: с одной стороны, конфликты все увеличивались, с другой—предприниматели не считались с этими решениями и с третьей—конфликты требовали скорейшего воздействия. Видя стремление предпринимателей к закрытию фабрик и заводов, стремление увеличить кадр безработных, стремление проводить политику Рябушинского—„Костлявая рука задавит рабочий класс“—нам пришлось выработать положение, обеспечивающее рабочих и служащих при сокращении штатов и при закрытии фабрик, заводов и мастерских, установив при сокращении плату за один месяц вперед, а при закрытии—за три месяца. Все конфликты,

происходящие между рабочими и предпринимателями, разрешались комиссаром труда в присутствии уволенных рабочих и предпринимателей. Первое время предприниматели не признавали решения комиссара труда, указывая на то, что это насилие, что не имеется средств и т. д. Они, наверно, не знали, что всякая революция есть насилие. Первоначально я применял способ морального воздействия, которое, конечно, не могло повлиять на них. Потом я применил способ более радикальный к тем, которые не подчинялись постановлениям комиссара труда,—при помощи красногвардейцев направляя их в тюрьму. Такой способ воздействия здорово повлиял на предпринимателей, и они стали выполнять все решения комиссара труда.

С теми работами, которые возлагались на комиссариат труда, мы, хотя с трудностями, всетаки справлялись. Кроме этой работы мне пришлось работать в Исполкоме, а впоследствии возложили на меня обязанности председателя Г. С. Н. Х. Тогда мне пришлось расширить аппарат комиссариата труда для того, чтобы известное количество времени отдавать для работы Г. С. Н. Х., но центр тяжести моей работы был в комиссариате труда. Ответственных работников для той колоссальной работы, которую приходилось выполнять Коммунистической партии и Исполкому, не хватало, и потому на каждого члена Исполкома приходилось возлагать несколько обязанностей. Исполкому Совета пришлось принять соответствующие меры борьбы с Калединым, стремившимся захватить революционный Царицын—с одной стороны, и с другой стороны—с восставшими астраханскими казаками, осадившими Астрахань и распространявшимися по ж. д. на Саратов. Были брошены соответствующие воинские силы для ликвидации вышеупомянутых фронтов. Вот та работа, которая была проделана в продолжении короткого времени Саратовским Городским Советом.

Чаяния рабочих и солдат в проведении в жизнь лозунга „Власть—Советам“ совершились, и временное правительство рабочими и солдатами России было похоронено навсегда и безвозвратно.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НОЧЬ.

(ВОСПОМИНАНИЯ).

В. Бабушкин.

Жарко. Душно. Зал консерватории набит битком. Блузы, серые шинели и золотые погоны—все смешалось вместе. Народу набралось так много, что не хватало не только стульев, но просто не было свободного куска пола в квадратный аршин величины. Шло историческое заседание, и все это понимали, чувствовали, а потому были серьезны до суровости. Меньшевики, в блоке с эсерами и кадетами, кривлялись и паясничали, и огромной важности вопрос—быть или погибнуть революции?—они пытались сделать маленьким, ничтожным. Когда им это сделать не удалось, они вылезли на свет во всей своей гнусной шкуре предателей и заявили, что образовался военный комитет из офицеров, и требовали от Совета, чтоб власть перешла в руки этих авантюристов. Было противно и зло смотреть на всю эту пошлую игру хамов, так нагло старавшихся обмануть Совет. Но Совет было трудно обмануть, ибо во главе его стояла рабочая партия, которая и поныне крепко держит знамя диктатуры пролетариата. С этой кучкой авантюристов все-таки считались, старались им доказать неизбежное историческое явление власти рабочих и крестьян над капиталом и помещиками; считались с ними, ибо ведь все-таки, все-таки.. это были „социалистические партии". Но когда их наглость дошла до угроз реальной силой, когда они заявили, что спасти город от дикого казачества и „анархии" могут только их золотые погоны,—о! тогда чаша терпения у рабочих и солдат переполнилась, и из тысячи грудей вырвался вопль возмущения:

„Вон, негодяи!.. Прочь, предатели революций!"

Под крики и улюлюканье солдат „своих" частей они жалкой трусливой рысцой бегут из зала, побледневшие, с дрожащими губами.. А вслед им, как из жерла пушки, летят стальные стрелы большевистского председателя совета, т. Антонова:

„Изменники! Предатели революции, пусть вся кровь рабочих и крестьян падет на вашу голову. Товарищи солдаты и рабочие! вы слышали здесь, что замышляют эти господа, идите сейчас же в свои роты, казармы, полки. Рабочие! идите на фабрики и заводы, беритесь за оружие! Спасайте революцию!"

Поднялось невероятное движение, крики и шум негодования слились в единый вопль злобы и мести, и только отдельные командно-призывные слова выделялись из общего гула голосов:

— Товарищи! такого-то пулеметного полка! Собирайся сюда-а! Товарищи железнодорожники... Саперная р-о-о-о,.. това-а-а!.. А-а-а! О-о-о!...

По жесткой лестнице быстрой змеей извивается серо-черная толпа. Скорее... Скорее...

Вышел на улицу. На улице как-то тихо стало вдруг. Многотысячная толпа быстро растаяла. Крапает мелкий, осенний дождь, по небу плывут рваные отрывки облаков. Шагаю по блещущим лужам, освещенным мутным бликом фонарей. Шагаю по Вольской улице, кто-то шлепающий торопливой походкой догоняет. Оглядываюсь, чтоб рассмотреть, но кроме мутных рож фонарей ничего не вижу.

В губернаторском доме тихо. Подымаюсь по мраморным белым лестницам наверх. Часы. Ага! Скоро три... Красивый белый зал. Яркие холодные люстры ослепляют. В углу за большим столом с зеленой скатертью—три человека.—Мало. Но вот еще шаги—один, два, шесть. Всего пятнадцать. Исполнительный Комитет в полном составе.

Т. Антонов открывает заседание исполкома.

— Товарищи, члены исполнительного комитета! Считаю заседание исполкома открытым.

И потом.—

Постановляем заседание исполкома вести круглые сутки...

Антонов бледный, под глазами появилось много морщинок. Обсуждается текущее событие. Все спокойны и деловиты, нет обычных острот и шуток. Слишком великую берем на себя ответственность. Слишком коварны и гнусно-жестоки враги. Склонилась кудлатая голова Корнеевой, огрызком карандаша пишущей протокол. Ведь секретарь меньшевик сбежал с ними. Антонов читает выработанный проэкт воззвания к жителям Саратова, но с шумом отворяется белая тяжелая дверь, и быстрой походкой входит товарищ...

— Товарищи! сюда идет рота юнкеров, чтоб расправиться с вами. У Думы строятся баррикады...

Юнкера!... Расправиться... Кое-кто сжал губы, загорелись изумрудом глаза. Ну, что-же? пусть идут! Меры приняты, послан товарищ в ж.-д. мастерские за помощью и защитой Совета от юнкеров.

Заседание продолжается. О юнкерах забыли, но сердце немного сосет злоба. Какая это глупая сволочь—юнкера!

Внизу захлопали двери, корридоры наполнились шумом и лязгом оружия. Ага, это—юнкера! Сердце забилось учащенно. В кармане нет даже револьвера! Что-ж, расправа—штыком в грудь, выстрел в голову или.,. Топот приближается. Идут сюда к нам по лестнице. Резким поворотом Анто-

нов идет к двери. Дверь отворяется, появляются концы штыков и серые шинели...

— Что вам, товарищи, нужно, и кто вас прислал?—

резким властным голосом спрашивает вошедших солдат Антонов.

— Третья пулеметная рота пришла защищать Совет,—

бойко и громко кричит голос из прутьев штыков.

— А-а! Спасибо, товарищи, идите сюда и размещайтесь.

— Первый взво-о-од....

Команда, лязг оружия. Боком в дверь проходят пулеметчики в красивый белый зал, размещаются на стульях, на полу, нежная шелковая обивка диванов и кресел быстро почернела от об'ятий солдатских сапог. Включили еще люстры, и зал засиял тысячами маленьких солнц. Солдаты кашляют, закуривают, некоторые с детским любопытством, сидя на корточках, слушают заседание исполкома. Ну, вот, самое главное и готово. Т. Антонов читает солдатам декрет о социализации земли у помещиков и передаче ее крестьянам. Громкое „ура" будит уснувших, которые спросонья хватаются за винтовки.

В груди теплеет, подхожу к славному красивому солдату и крепко жму руку.

— Ну, вот, товарищ! И без учредилки справились с землей.

Улыбаются белые зубы солдатика.

— Мы, товарищ, ведь завсегда за большевиков, потому што вот она земля-то...

Посланный в ж.-д. мастерския, шагаю по темным улицам спящего Саратова. Обыватель спит крепко, даже не слышно собачьего лая. Ежеминутно утопая в саратовском благополучии, спешу, что есть силы, но, выбравшись на Астраханскую, крепко выругался—черную туманную муть прорезал рев гудка—я опоздал...

В завкоме 4-го класса вагона тускло горела лампочка, крупные ленивые капли капали на стол, и брызги их разлетались на „отношения". Поздоровался с Ерасовым. Угостили хлебом и чаем, вспомнил, что не ел уже давно, давно.. Докладываю о текущих событиях. Слушают молча, невнимательно, как-будто все это им давно известно.

—Ну, что-же, мы готовы, иди, скажи в Совете.

И снова, по ямам и лужам бреду в исполком. Светает. Течет мутная вода по грязной мостовой, попадаются навстречу лисьи морды торговцев и заспанных чиновников.

По дороге зашел в партийный комитет, в крытый рынок 10. В комитете одна молодежь, идет спешная возня с „Социал-Демократом".

Но вот и дом губернатора. Исполком заседает попрежнему, но бурно и торопливо. Трещат звонки, по лестницам носятся военные и штатские. В углу в военной секции, вздрагивая всем корпусом, плачет прапорщик Жебров. Это—раскаявшийся большевик, заблудившийся под напором красных слов „той сволочи". Его товарищи были ночью и тоже просили прощенья, и их простили. Поплачь, Жебров, это—твои последние девичьи слезы мечтаний и грез о красивой сказке паиньки - революции в переплете Тургенева, а завтра ты уже будешь железным бойцом—ленинцем. Поплачь... Внизу, в бывшем кабинете бывшего губернатора работа кипит, там идет „великое разоружение керенской гвардии". Разоружают милицию, приводят их солдаты и рабочие, а подчас и просто „злые" бабы, коим они за короткое время „чижало" достались. Пленники глупо и в страхе разоружаются, безропотно отдают „казенное" оружие.

В комнате весело и суетливо, какая-то молодежь усердно угощает чаем и хлебом. Молодцы—молодежь!. — А грозные вести лезут и в двери и передаются телефоном. У Думы строят баррикады. Студенты, юнкера, гимназисты—там, в Думе. Нужно что-то делать, но диван так тепл и уютен, и глаза так тяжелы, что нет силы воли встать с места.

— Витька, оглох что-ли, иди, тебя Антонов спрашивает, как дело в мастерских?

Мигом слетает усталость и сонная одурь, спешу по лестнице мраморной, но не белой а грязно-красной, в исполком наверх.

У зеленого стола суета. И сидят, и стоят, а кто спит и ест. Сообщаю о положении дела в мастерских.

— Ладно, иди на телеграф, там арестованы наши товарищи.

Спешу на телеграф, а Октябрь уже смеется. Улыбается улицами, домами. Теперь все ясно, ясно и хорошо... Мы или они?—посмотрим!

На углу Немецкой и Ильинской лихо с песнями идет рота солдат.

— Куда, товарищи?

— Кадетов бить!—несется в ответ. В душе заиграла музыка, налились мускулы энергией, и, как на стальных пружинах, полетел на телеграф.

Кадетов бить—это правильно: если мы не побьем—они побьют... Да здравствует Власть Советов рабочих и солдат! А события развертывались быстро, быстро...

Саратов, октябрь, 1922.

БОРЬБА С ДУМОЙ.

Марциновский.

На второй день после исторического заседания, где разбирался вопрос о переходе власти к Совету, штаб красной гвардии при жел.-дор. мастерских получил приказ не расходиться домой и ждать распоряжения Исполкома. Все гвардейцы собрались при железнодорожных мастерских в колизее и ждали распоряжения. В это время нам дали японские винтовки,—мы их разобрали, вычистили и зарядили. В 12 часов начальник штаба т. Ерасов и помощник его т. Федоров велели строиться, и мы пошли к дому губернатора, где находился Исполком.

Я знал, что не даром нас вызвали—наверное, кое-что серьезное есть. Когда мы пришли на место, я пошел к некоторым товарищам узнать, в чем дело. Оказалось, что меньшевики и эсеры устроили баррикады около городской Думы и не допускают за несколько кварталов. Известие это придало мне энергии и силы. Хотелось борьбы—столкнуться лицом к лицу с врагом. Я не мог усидеть на месте, и вместе с Букиным и еще некоторыми товарищами, фамилии которых я не помню, решили итти к баррикадам.

На улицах была жуткая тьма: за несколько шагов ничего не было видно. Вдалеке раздавались отдаленные выстрелы. Нас несколько раз останавливали и спрашивали—откуда и кто, откуда из дома, и т. д., но все-таки мы добрались до чайной „Михаила-Архангела", где находился наш красный крест. Настроение было воинственное. Видно было, что здесь шла подготовка к борьбе. Сидели мы там с т. Букиным недолго, так как сейчас-же началась стрельба. Мы вышли по направлению к баррикадам, где стояли наши, на Московской улице, около Никольской. Наша баррикада была очень бедна: стояли пулеметы и одна трехдюймовка. Отсюда нам велели итти к бирже, где стояли железнодорожники. Это было около 2-х часов ночи.

Стрельба продолжалась всю ночь до утра, перед рассветом к нам пришел начальник школы прапорщиков и предложил нам прекратить стрельбу. Вел он переговоры с т. Ковылкиным, который ответил ему, что мы прекратим стрельбу, если они сдадутся. Начальник обещал и просил проводить его. Т. Ковылкин и я провожали его до стоянки их войск. Кругом свистели пули. И, несмотря на пароль, который знал прапорщик, они не переставали стрелять по нас.

Когда мы вернулись обратно, снова началась стрельба; наши не отставали. Светало. Опять пришел прапорщик и обвинял нас в неисполнении обещания и просил т. Васильева итти для переговоров к ним. Т. Васильев категорически отказался и сказал, что может итти лишь при условии, если они немедленно сложат оружие.

Через некоторое время нас известили, что оружие сложено, и просили т. Васильева придти для переговоров. С Васильевым пошли я, Букин, Дроздов (жел.-дор.) и еще двое, фамилии которых я не помню.

По правде сказать, итти было очень жутко. Нельзя было поручиться за то, что они нас не угостят хорошей порцией пулеметных выстрелов. Поручиться за свою жизнь в тот момент нельзя было. Перед тем, как еще итти туда, наши солдаты нас предупредили, чтобы мы вели врагов с поднятыми руками, а иначе они будут обстреливать.

Когда мы туда пришли, то, действительно, оружие было сложено. Сначала зашел туда т. Васильев. Вся их публика (гимназисты, офицеры) была в городской управе. Бледные, усталые. Когда я зашел с винтовкой, ко мне подошел один „молодец", как видно, принявший меня за своего, шепотом предупредил—„бросьте винтовку, сюда пришли большевики для переговоров". Т. Васильев предложил им немедленно сдаться. Тогда выступил Майзель, видный меньшевик в то время (впоследствии большевик), и требовал гарантии, что наши солдаты их не растерзают. Васильев дал им слово в нашей безопасности и передал требование наших солдат итти с поднятыми руками. Сам же он решил итти впереди и обещал, что наши товарищи будут их охранять. Но „храбрые" прапорщики так растерялись, что не знали, как и что делать. Каждый спрашивал нас—как же итти? Нам пришлось поставить их по четыре в ряд. Скомандовали: „Руки вверх" и с белым флагом (который заменял носовой платок) отправились к нашим.

В это время наши солдаты, увидев толпу белых, не выполнили нашего предупреждения и бросились на них, и, если-б не мы, они-бы с ними покончили. Рядом со мной шел Максимович, врач, н.-соц. К нему бросился наш солдат, сорвал погоны, и, если-б я не остановил, он-бы его зарубил.

Так мы дошли до баррикад и с красноармейцами довели их до Исполкома. Посреди них не оказалось самых видных меньшевиков и эсеров—Майзеля, Телегина и Черткова. Этим кончилась борьба. Враги были разбиты.

Там мы боролись с прихвостнями буржуазии, меньшевиками и эсерами, за укрепление пролетарской власти. И с этих дней Советская власть быстро шла по пути к укреплению и существует уже пять долгих и тяжелых лет борьбы.

Вооружившийся пролетариат.

Федоров.

Глухо раздаются во мраке неравномерные шаги многочисленных человеческих ног... Ни малейшаго звука человеческого голоса... Лишь двигается темная длинная масса, и движение ее без малейшего говора создавало вокруг таинственный смысл. Вдруг неожиданно разрезал ночной осенний воздух резкий, отрывистый, одинокий выстрел... и смолкло... Среди движущихся силуэтов густой человеческой массы произошло некоторое замешательство. Ночную тишину нарушил этот выстрел, а вслед послышался глухой, сдавленный человеческий шепот, негодующий на этот провакационный звук, с целым каскадом всевозможных угроз... В ответ—нервное оправдание: „Не удержал, сорвался палец при спуске!"..

— „Какой чорт позволил без команды заряжать винтовки!.."

Тут же улеглось короткое замешательство, и снова темное пятно задвигалось, отдаляясь все далее от саратовских желдорожных мастерских, вдоль по Астраханской улице... Это двигался желдорожный отряд Красной Гвардии к зданию Совета рабочих депутатов, где некогда обитал саратовский губернатор. Сигнал к восстанию был подхвачен самой пролетарской гущей, и в атмосфере осенней ночи нависла жуткая сокрушающая сила... Развернул саратовский пролетариат свои могучие плечи—вместо молота в руках его очутилась винтовка...

Поравнявшись с зданием Совета, отряд красногвардейцев желдорожников выстроился и двинулся к освещенным дверям белого дома. За дверями он влился в другие заводские и фабричные отряды Красной Гвардии. Внутри помещения стоял дым коромыслом от неровных нервных разговоров, и первое время новым людям трудно было ориентироваться.

Повсюду бросался в глаза необычный душевный под'ем всех присутствовавших, бесцельная суетливость отдельных лиц придавала обстановке таинственно-прекрасный вид... Цельных мыслей, определенных фраз не было возможности получить,—говорилось что-то про последнее заседание Совета, про саратовский гарнизон, который стал на сторону большевиков, и многое другое, разноречивое...

Ночь прошла в высшей степени необычайной обстановке—без сна, в сутолоке и гуле разноречивых разговоров... На утро получились сведения, что городскую управу заняли юнкера с Майзелем и Телегином во главе с намерением оказать сопротивление... После таких известий аудитория превратилась в упорное ожидание исхода начавшегося, твердо решив: победить или умереть...

Таким образом прошли полных три дня надежд, сомнений и ожиданий... Наконец, последовало распоряжение от начальника гарнизона тов. Щербакова выступить Красной Гвардии в подкрепление войск гарнизона к зданию биржи, которая, под градом пуль миновав Царицынскую улицу, без всякого урона присоединилась к регулярным войскам.

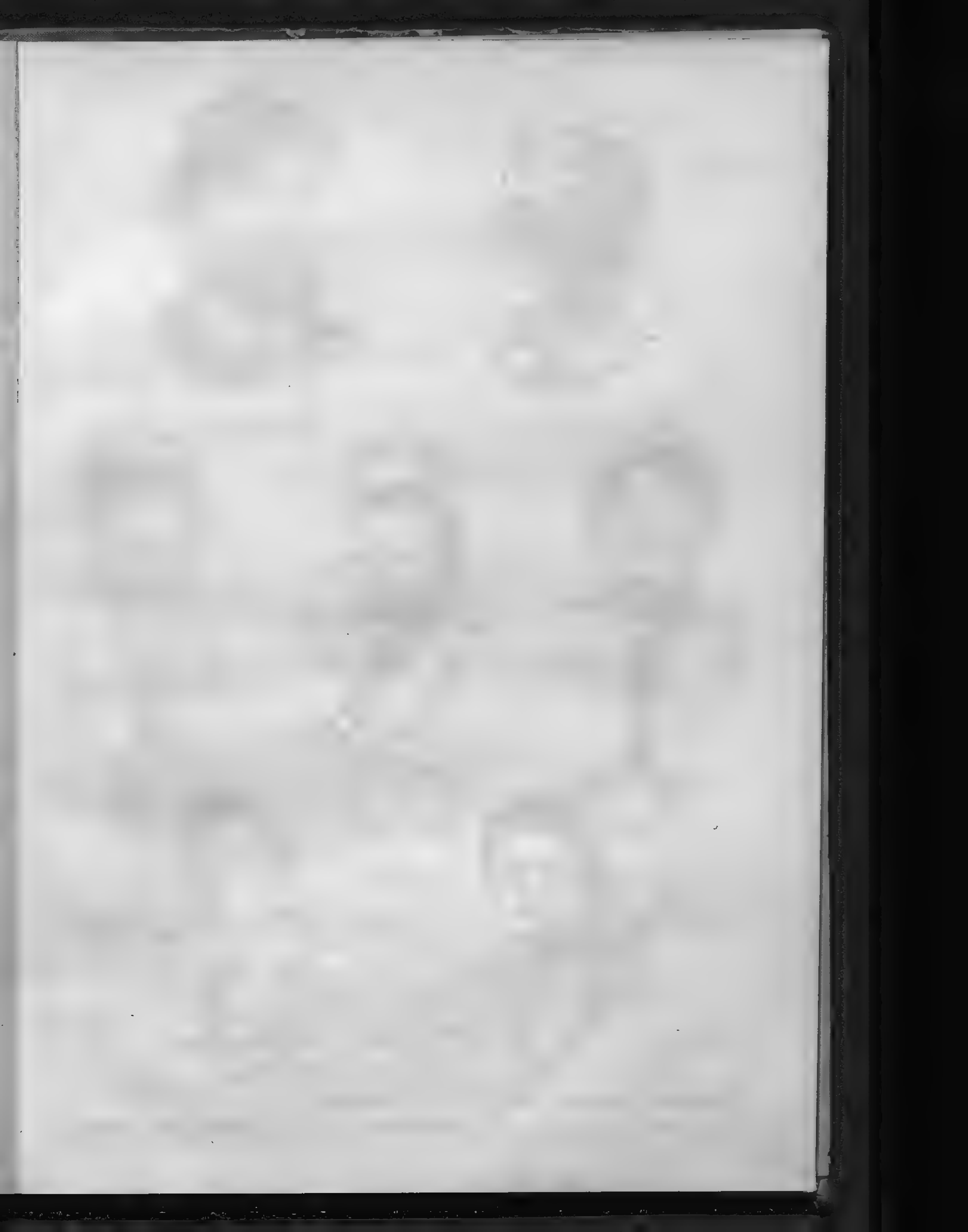
К этому времени получилось извещение, что затянувшиеся переговоры между городской управой и большевиками подходят к концу.

Утром начались приготовления к решительной атаке управы,—стоявшие на углу Никольской и Московской улиц пушки приготовились открыть бомбардировку; солдаты залегли в цепи... В это время раздались крики: „Идут, идут... сдались!.." Все засуетились... артиллеристы схватились за снаряды, стремясь зарядить трехдюймовку и открыть пальбу... Более спокойные, выдержанные бросились этому воспрепятствовать, дабы избежать ненужного кровопролития сдавшейся, обезоруженной толпы юнкеров, кадетов и меньшевиков... Произошла полная свалка, и казалось: пальбы не миновать...

Вдруг чей-то громкий, неожиданный, зычный крик: „Впереди идет товарищ Васильев!.." и это магическое слово—тов. Васильев,—как электрический ток, парализовало все движения взвинченной массы вооруженного пролетариата, и в миг замерло,—все устремили лихорадочно-горевшие от первого напряжения взоры вперед, на точку движущейся медленно людской лавины с поднятыми вверх руками.

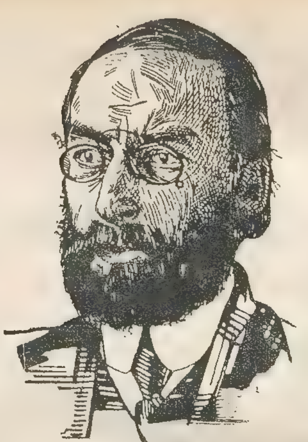
Ближе и ближе... поровнялись... Мигом окружена эта масса вооруженным победителем и задвигалась по направлению Совета... Жутко смотреть на помертвевшие от неизвестности лица побежденных, как затравленные звери, озирающихся вокруг, дрожащих всем телом от страха ..

Градом сыпалась ругань со стороны победителей, и ни звука со стороны побежденных. Словно расходившаяся стихия, готовая все снести на своем пути, мешающее дальнейшему ее продвижению... Поднялся от сна векового силач-богатырь, расправил одеревеневшие члены и пошел своей неловкою поступью, ломая по пути мешающие ветви... А коли уже встал—так посторонись подобру—по здорову!

Тов. ВАСИЛЬЕВ.

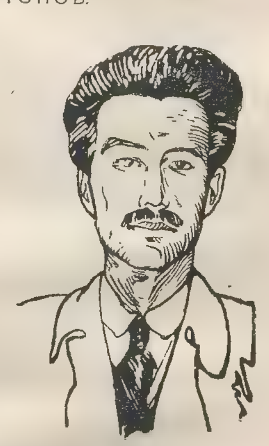
Тов. АНТОНОВ.

Тов. ЛЕБЕДЕВ.

Тов. САВЕЛЬЕВ.

Тов. ПЛАКСИН.

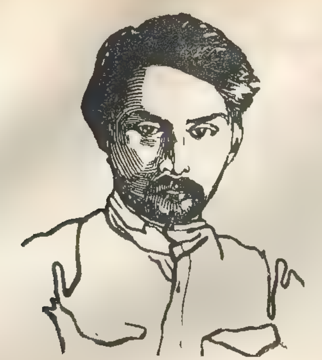

Тов. КУБРЯКОВ.

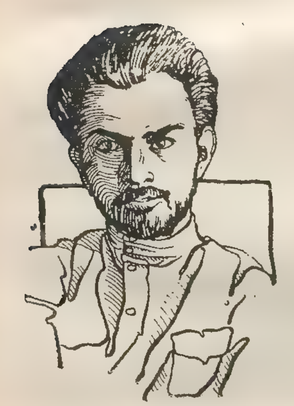

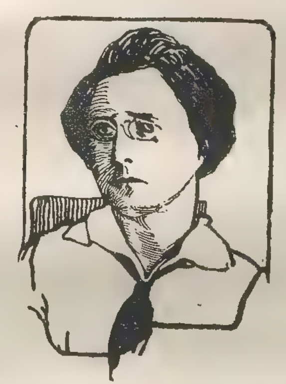
Тов. БАБУШКИН.

Состав первого Исполкома.

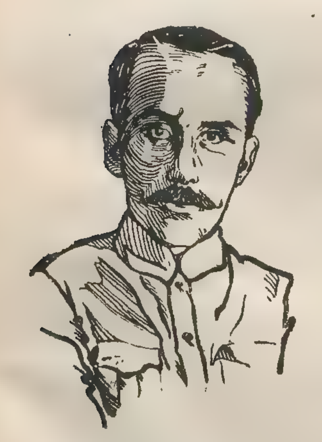

Тов. ВЕНГЕРОВ.

Тов. ШЕЛУХИН.

Тов. ЩЕРБАКОВ.

Тов. КОРНЕЕВА.

Тов. ОСИПОВ.

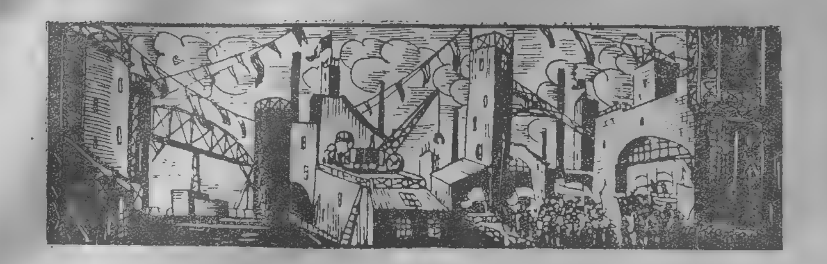

Тов. ЛЕВИТ.

Тов. ЗЕЛЕНСКИЙ.

Тов. СЕРГЕЕВ.

Состав первого Исполкома.

Воспоминания о деятельности Исполнительного Комитета в первые дни Октябрьской Революции.

Корнеева.

Первое заседание Исполнительного Комитета было с 26-го на 27-е октября 1917 г. в 4 ч. ночи.

После исторического заседания Совета, с которого ушли все—меньшевики, эсеры и с ними все офицерство,—члены И. К. отправились на свое место (т. е. б. дом губернатора) на заседание И. К. Заседало членов немного, не более 14 человек. Всех было больше, но они не были на заседании, так как им было очень тяжело, что они оказались обманутыми эсерами, часть из которых состояла в комитете „спасения революции". А когда историческое заседание Совета определенно решило, что никаких „комитетов спасения революции" Совет не признает, как эсеровскую затею, наши товарищи оказались в небольшом количестве.

Присутствовали следующие т.т. (первый протокол утерян): Антонов, Васильев, Бабушкин, Кубряков, Корнеева, Лебедев, Винотовский, Степняк, Пищик, Сергеев, Савельев, Алексеев, Тренин, Хвесин.

Председателем был тов. Антонов, секретарем избрана была я. Повестка дня была небольшая, но боевая:

1) О начальнике гарнизона.
2) Воззвание к населению.
3) Декрет о земле.
4) О ж.-д. связи.

По первому вопросу—о начальнике гарнизона—И. К. сразу стал втупик (так как в то время в гарнизоне насчитывалось более ста тысяч): кого же назначить? Нет никого из командного состава выше прапорщика. Вызвали из военных частей наших товарищей и просили указать подходящего товарища. Был предложен один прапорщик т. Кучин, который тотчас явился, и, когда И. К. предложил ему быть начальником гарнизона, тов. Кучин чистосердечно отказался, так как не мог справиться с такой задачей—„он—сын крестьянина и может командовать лишь небольшой частью, а не гарнизоном". Тогда было поручено военной секции запросить по гарнизону, нет-ли там какого-нибудь офицера, желающего работать на благо революции. В военной секции тогда были: Осипов, Баранов, Кучин и еще из солдат, а самые главные отсутствовали (Соколов, Куликов, Жабров). Во время заседания является дежурный из военной секции и сообщает мне на ухо, „что из военного городка вышли все юнкера и офицеры вооруженными и отправились в город". Мною это сообщение было оглашено заседанию И. К. Все как-то смутились, но никто даже не встал со своего места, оставаясь продолжать заседание, ожидая прибытия юнкеров. Лишь только тов. Васильев задал мне вопрос: „А охрана здесь есть?". Я отвечаю: „Нет ни одного человека".—„Почему?"—„Потому, что нет начальника, который мог-бы распорядиться поставить караул". Заседание продолжается. Следующий вопрос—о красной гвардии. Решили немедленно создать красную гвардию к И. К., поручив тов. Бабушкину идти на ж. д. и узнать о настроении железнодорожников. Следующий вопрос—о воззвании,—которое написать к заседанию И. К. поручено было т. Васильеву. Тов. Антонову было поручено написать декрет об отчуждении помещичьих земель и передаче их крестьянам.

Заседание продолжалось. К утру И. К. получает сведения о юнкерах, которые прибыли в городскую думу, где идет заседание гласных вместе с офицерством. Через некоторое время приходит красная гвардия(созванная гудком ж.-д. мастерских). С началом дня начали прибывать и другие члены И. К. Заседание продолжается с новыми членами, зачитывается воззвание, вносятся поправки, сдается в печать, потом опять начинается обсуждение вопроса о начальнике гарнизона. Является какой-то офицер в чине поручика (немолодой), и на вопрос И. К., желает ли он работать на благо революции, тот не отказался, но когда ему было предложено стать начальником гарнизона, то он заявил, что он не справится с этой тяжелой задачей. Через несколько времени является еще один офицер, в чине подпоручика, которому также задаются те-же вопросы, и он согласился при условии, если ему будут помогать. „Кто вы—большевик или сочувствующий им?"—„Я—сочувствующий большевикам, был всегда с народом и теперь с

ним".—„Кто вы по профессии?"—„Артист".—„Ваша фамилия"?—„Щербаков".—И. К. принимает т. Щербакова начальником гарнизона, и он проводится приказом по гарнизону. Штаб начальника гарнизона помещался тут-же (в доме б. губер.). На этом заседании был поставлен вопрос о контроле над телефоном и телеграфом, куда послали своего человека. По вопросу о смещении губер. комиссара Топуридзе решено было немедленно сместить его и арестовать. Вместо него был назначен тов. Лебедев. Когда пошли на квартиру Топуридзе,—его и след простыл.

Так началась работа И. К. Городская дума была главным вопросом, которым занят был не только И. К., но и весь саратовский гарнизон. Мы все были в боевой готовности. На улицах появлялись разного рода листки против Советской власти. Меры принимались нами самые беспощадные. Поручено было т. Зенковичу следить за типографиями. И. К. был издан приказ по всем типографиям: если они будут продолжать печатать противосоветскую литературу, то будут отвечать своим имуществом. Через несколько дней все-же удалось взять думу, а думцы все были арестованы и приведены в здание И. К. По постановлению И. К. все были отправлены в тюрьму за исключением детей и женщин. Тюремное дело пока было поручено тов. Антонову и Лебедеву.

Только что разделался И. К. с думой, как получаем сведения, что прибыло несколько эшелонов казаков и высадилось перед самым Саратовом. Одновременно вели переговоры с казаками, и проводилась другая работа, занятие продовольственной управы. Казаки находились не очень долго, но были опасны и заставляли нас не только думать о боевой готовности; а уже приготовить окопы, проволочные заграждения и т. д. Казаки то прибывали, то уходили, но так или иначе удалось и с ними справиться. В это время для И. К. подоспели новые события. Служащие всех учреждений не пожелали работать с чумазой властью, начались протесты, забастовки, саботаж. И. К. разрывался на части, заседал день и ночь. В здании Исполкома жили и спали, немытые, нечесаные, походили неизвестно на кого. Думцы сидели недолго и были освобождены с условием, если будут работать, на что они согласились. Но юнкера оставались сидеть потому, что И. К. не знал, как с ними поступить, хотя Совет рабочих и солдатских депутатов настаивал уничтожить их. Майзель, Чертков и Телегин продолжают сидеть. Темп революции усиливался. И. К. становился втупик, не получая никаких сведений из центра, как и что там творится (так работали наши чиновники почтово-телеграфного ведомства). И. К. в этих случаях держал связь иным способом: время от времени посылал своего делегата в Питер за сведениями о ходе перехода власти к рабочим. Для этого составлялся специальный поезд из одного вагона и паровоза, и отправляли кого-либо из ж.-д. товарищей (ездил т. Ковылкин). С переходом власти к рабочим и крестьянам И. К. распределил работу между членами Исполкома. Сначала было избрано исполнительное бюро (призидиум) из девяти человек, а потом определили следующие функции каждому:

1) Комиссар и председатель И. К.—т. Антонов.

2) По внутренним делам—т. Лебедев Петр.

3) По крестьянским—т. Иванов Ф., его помощник Ежов.

4) Комиссар труда—т. Плаксин, помощн. Корнеева.

5) Комиссар военных дел—тов. Щербаков.

6) Торговыми делами ведал Хвесин.

7) По народному образованию—т. Антонов.

8) По финансовым делам—т.т. Антонов и Косолапов.

9) По партийным и общественным—тов. Васильев.

10) По делам юстиции - тов. Лебедев.

11) По продовольственным—т. Садаев.

12) Почтово телеграфным—тов. Тренин.

13) По делам печати—тов. Зенкович.

По вопросу о печати И. К. решил (это обсуждалось не раз) закрыть все гаеты, кроме большевистского и советского органа. Газета конфисковывалась и привозилась в И. К.

Снова вопрос о юнкерах на заседании И. К.: что делать, и куда их деть. Было несколько предложений; некот. тов. предлагали отправить их на передовые линии, другие—просто уничтожить, а третьи—посадить их в баржу и пустить по Волге; потом юнкера были освобождены и отправлены по своим частям. А думцы, хотя и были освобождены, и обещали работать, но не работали. И снова пришлось И. К. вооруженную силу применять против думцев, после чего был создан свой орган—Совет Городских Комиссаров, в который входили: Мгеладзе, Минина, Хвесин, Романенко и др. Продовольств. управа тоже была изменена: был составл. Совет Комиссаров из Бонквицера, Морозова, Садаева и друг. И. К. предложил продовольственной управе провести реорганизацию органов по продовольствию по всей губернии. Снаряжались эмиссары и отправлялись по губернии. Одновременно были захвачены и банки, где работали т.т. Антонов, Бабушкин и друг. На железной дороге впоследствии оказался злостный саботаж по продвижению грузов, что заставило И. К. произвести арест в управлении дороги. Работа на железной дороге велась тов. Ковылкиным, Сергеевым, Агеевым, Лаловым, Ерасовым, Акимовым и др.

Немалой важности был вопрос с офицерством, которые были еще вооружены и ждали случая проявить себя. И. К. постановил разоружить их. Был издан приказ о сдаче оружия. Сдача происходила несколько дней, и что творилось в здании И. К.,—понять трудно: одни приходили сдавать, другие приводились арестованными и проч. По губернии были неурядицы: крестьяне не понимали, в чем дело, и много являлось делегатов от крестьян разных уездов. Мы их снабжали декретом „о земле" и другими листовками.

Вскоре постановлением И. К. был назначен 1-й губернский с'езд Советов с широким представительством (которым руководил т. Иванов) от крестьян. Был избран I губернский Исполнительный Комитет из 36 человек: С. Загуменный, А. Кривенков, П. Иванов, М. Носачев, И. Максимов, А. Шустов, С. Клипаев, П. Палеев, Т. Волков и др. По окончании с'езда члены И К., вновь вошедшие, были сразу разбросаны по всем отде-

лам, где имелось соприкосновение с крестьянством,—в первую очередь земельные управы, как губернская, так и городская (они именовались губернскими земельными комететами и уездными земельными комететами). Во всех этих земельных комететах раньше сидели исключительно эсеры. Они бежали, и не от кого было принять дела.

И. К. одновременно разрешал и все остальные вопросы: о кражах, драках, бракоразводных делах, квартирный вопрос, продовольственный, о безработных Упомнить было трудно, о чем только и зачем ни приходили люди и больше всего—семьи взятых на войну. Организован был союз солдаток, куда комиссаром была назначена т. Петерсон. Забастовка почтовиков тяжело отразилась на ходе революционной работы в Саратовской губернии; на этой почве из маленьких недоразумений разыгрывались целые восстания. Кроме того, Саратов находился в кольце казаков, против которых не мало требовалось вооруженной силы. В связи же с участившимися грабежами по городу И. К. пришлось прибегнуть к мерам „самоохраны“, что и было утверждено и проведено в жизнь; были утверждены районные старосты. Потом также скоро потребовался и суд, проект которого несколько раз обсуждался на заседании И. К. Первые судьи при Совете были т.т. Иост и Каборинин. Также были созданы и районно-революционные суды, куда были назначены т.т. Деичь, Муравьев и Савельев. Следственная комиссия состояла из следующих лиц: Каборинин, Яковлев и Писарев.

А потом при Совете был создан революционный трибунал из семи человек: Дианов, Антонов, Иванов, Ежов, Клипаев, Романенко, Пестряев. Работа тут была разграничена.

Военными делами И. К. мало занимался, а для этого был выделен военный совет из членов И. К. военных и гражданских.

К концу декабря для Исполкома опять начались тяжелые дни. Служащие всех учреждений, недовольные тем, что им по несколько месяцев не платили жалованья, подняли целую бурю. И. К. пришлось потратить массу энергии и силы, пока удалось уладить этот конфликт. Деньги получены были из центра, но до этого пришлось провести громадную агитационную работу. Много вреда в этот момент принесли почтово-телеграфные служащие, которые определенно подкладывали палки в колеса. Протоколы И. К. на продолжении трех месяцев пестрят делами почтово-телеграфных служащих Они в то время сыграли немалую роль в саботаже, в деле организации контр-революционных выступлений.

На этом я заканчиваю свои краткие воспоминания о деятельности И. К. за период от 26-го октября по 27-е января.

ЗАХВАТ БАНКОВ.

Виктор Бабушкин.

Великое свершилось—власть из рук буржуазии перешла к трудящемуся народу—рабочим и крестьянам. Быстрым и смелым ударом рабочая партия большевиков смела жалких защитников буржуазии—меньшевиков, эс-эров, кадетов и прочих лизоблюдов передних капитала.

В Саратове переворот удался еще лучше, скорее и безкровнее, чем в других городах России. Сделав переворот, саратовская организация немедленно захватила те важные учреждения, без коих немыслимо было существование власти, а именно: телеграф, почту, телефон, думу, водокачку и т. д. Работа по захвату этих учреждений проводилась молниеносно, так сказать, налетом.

Не получая ниоткуда никаких деректив и распоряжений, саратовская организация действовала и руководствовалась только своим опытом, а опыта было очень мало, разве только Пятый год и исторический материал разных революций? Но, несмотря на этот скудный опыт, организация Саратова со своей задачей справилась, если не блестяще, то, во всяком случае, очень хорошо.

Проделав лихорадочно все работы по захвату могучих орудий власти капитала, как телеграф, телефон, почта, завоевав реальную силу солдат и полузавоевав транспорт, — саратовский исполнительный комитет в одном из своих ночных заседаний (заседание исполкома шло круглые сутки) выделил инициативную группу для спешных и ударных работ. Группе этой было дано право проводить свои решения быстро и без предварительного обсуждения исполкомом. В эту инициативную группу входили: *предгубисполкома т. Антонов и члены президиума т.т. Хвесин и Бабушкин.*

Глубокой ночью эта тройка удалилась в комнату Антонова и принялась за дело. А нужно сказать, что жизнь в исполкоме (дом бывш. губернатора) кипела день и ночь; в то время как-то дико и нелепо было слышать—„устал, домой", и т. д. Почти весь президиум жил, ел, спал там-же, на работе в исполкоме, или где его свалит усталость.

Владимир Павлович Антонов информировал нас о том, что некоторые банки финансируют начавшееся движение контр-революционных генералов на Дону—Корнилова, Алексеева и других, а потому быстро и решительно нужно было забрать банки в свои руки.

Дело с захватом банков для нас с т. Хвесиным было довольно-таки неприятным, так как после захвата какого-либо учреждения захватчик обязательно становился и во главе его, как управитель. Управлять-же хитрой машиной банковских операций—нам не улыбалась, так как я в то время, да, думаю, и тов. Хвесин понимали в банковских делах столько, сколько понимает сазан в библии. Эти опасения мы высказали Владимиру Павловичу. Но на динамичнаго Антонова эти доводы не повлияли нисколько, а мы пережили несколько мучительных часов слушанья экспромтной лекции о строении и деятельности банков.

С смутной головой от усталости и смыкающимися глазами от ряда бессонных ночей мы сидели и слушали „лекцию". С тех пор и до нынешнего дня я ненавижу всякие „лекции" до отвращения. Помню, как туго залазили в голову хитрые операции банков и всевозможные специфические термины, в роде „акцептант" и т. д.

Инициативной группой было постановлено на-завтра захватить банки в свои руки и только после проведенной операции сделать доклад Исполкому.

План захвата был радикален и прост. Было решено с утра смешанной воинской силой солдат местного гарнизона и красной гвардии под руководством железнодорожников одновременно оцепить банки.

В пасмурное холодное утро, когда ветер мелкой пылью разметал сухой, только что выпавший снег по замерзшей кочками земле,—я с телефонной книжкой в руках разбивал, смешивал отряды солдат с красной гвардией и посылал с напутствием для захвата банков, предварительно справляясь по телефонной книге абонентов адреса банков. Неумело, не по-военному скомандовав, двинулся первый со своим небольшим отрядом в двадцать человек Сережа Кособоков, а за ним тронулись второй, третий отряд и т. д.

Отослав все отряды, я сообщил т. Антонову, и мы трое, Антонов, я и Хвесин на автомобиле поехали отнимать у капитала капитал, последнее могучее орудие, посредством которого он еще боролся с диктатурой пролетариата. Под'езжая к „государственному банку", я увидел небольшие кучки народа, и сейчас-же мелькнула мысль о нелепых слухах, которые полетят по городу со скоростью радио. Впоследствии так и вышло. „Интеллигенция" и обыватель с пеной у рта доказывали, что большевики вывозили ящики с золотом, а тройка на автомобиле так нагрузила автомобиль, что деньги прямо сыпались на землю, и кое-кто из подбиравших потом „человеком стал".

В „государственном банке" нас встретили воем и истерикой, так как, кроме служащих, была задержана и вся „публика", пришедшая „вложить" или „выложить". В кабинете директора нас встретил „сам", с широкой, седой, холеной бородой и, как говорится, „солидный". Об'ясняем цель прихода и диктуем: дать сводку операций банка, опечатать сейфы и т. д. „Сам" стал сопротивляться, доказывать, что он отвечает только перед центральной властью временного правительства и т. д.

Полились убеждения и доказательства со стороны т. Антонова. „Сам" не сдавался. Когда переговоры начали принимать затяжной характер, я не вытерпел и предложил взять в работу ретивого чиновника. Это резкое предложение человека в рваной солдатской шинели быстро привело к соглашению солидного директора, и мы, выпустив публику домой и заставив чиновников составлять сводку, двинулись дальше.

И так мы ездили из банка в банк и везде встречали одну и ту-же картину. Задержанную и волновавшуюся публику мы выпускали из временной золотой тюрьмы домой, а чиновников заставляли работать. Наша комиссия почти везде, во всех банках встречала самый ярый саботаж чиновников первого разряда. Нам везде заявляли, что наши требования о составлении сводки невыполнимы, что „это дело 5-ти дней", а кое-где заявляли, что на сводку нужно 1½—2 месяца сроку. Несмотря на такие „страшные" заявления чиновников, мы твердо заявляли им, что до тех пор они не пойдут домой, пока сводка не будет готова.

— А если для этого понадобится год?—кричали чиновники.

— Будете сидеть здесь год! — отвечали мы невозмутимо.

Видя такую твердость с нашей стороны, чиновники оставались делать сводки, и самая поздняя сводка поступила к нам в два часа ночи. В этот исторически-революционный момент не обошлось и без курьезов. Посланный мной отряд под командой т. Черненко (железно-дор. рабочего) с адресом, мною взятым из телефонной книжки, попал не в банк, ему указанный, а в „страховое общество", ибо банк давно уже перебрался в другое помещение, и адрес в старой телефонной книге был старый. Ошарашенные страховики пытались-было доказывать, что они-де—не банк, а „страховое общество", но... Черненко был непреклонен, и „банк" был им атакован. Самым последним и скандальным местом было казначейство (где ныне губпрофсовет). В казначейство мы попали только в 12 часов ночи, а там вся публика задерживалась до нашего приезда; легко себе представить испуганно-озлобленных голодных чиновников и публику, которая нас встречала. В то время, когда мы появились около „Волжско-Камско-Комерческого банка", чтоб наложить пролетарскую „лапу" на золото капиталистов, нас встретила „делегация думских деятелей". „Думские деятели" призывали нас „побояться бога" и не трогать „святой собственности". К сведению потомства сообщаю, что в этой „альтруистической" делегации были столпы кадет, меньшевиков и эсэров, а также представители попов, черной сотни и просто торгашей с Верхнего базара. Просьбы их „остановиться от грабежа" были полны угроз и кары возмездия. Вот это—истинные слуги капитала!.. В час ночи мы были в доме быв. губернатора и информировали исполком о переходе капитала в валюте от капиталистов в руки рабочих и крестьян. В это время у нас были в руках почти все сводки банков, и мы, делая информацию, оперировали цифрами.

Исполнительный Комитет, заслушав наше „лихое дело" по захвату банков, признал его своевременным и правильным. Таким образом, эта огромная работа была проделана ровно в 24 часа, без длинных и скучных словопрений и заседаний. Через несколько дней инициативной группой был разработан и приведен в исполнение другой план —захвата (вторичного и окончательного) думы и ее ликвидации. С захватом думы ушел туда работать т. Хвесин, а я, к своему крайнему недовольству, засел управлять финансами губернии. Работа была сложная и трудная, но это не входит в мою задачу, и я ограничусь этим беглым очерком захвата банков в Саратове. Может быть, мои соучастники этой славной инициативной группы дадут более подробные сведения, чем эти, но я оговариваюсь и оправдываюсь тем, что события пяти лет непрерывной, тяжелой, но славной, Великой революции затушевывают все эти, исторически теперь забытые, дела, а тогда большие и важные.

Вот как были взяты в Саратове в руки рабочих капиталы саратовской буржуазии в лето 1917 года, в дни великой Октябрьской пролетарской революции.

Саратов. Октябрь 1922.

Организация добровольческих отрядов и создание Красной Армии в г. Саратове.

(ВОСПОМИНАНИЯ).

В. Ведринцев.

Участие в Саратовском Октябре.

В Октябрьский переворот, будучи нестроевым одной из местных частей, я, вместе с тов. Блиновым М., пошел первым в отряд для помощи большевистским войскам на зов одного из членов военной секции, проходящего во время боя с наганом в руках по Московской улице, около угла Б.-Сергиевской. Он, заметив наш разговор за полуотворенной бригадной парадной дверью, воскликнул: „Пассивных не должно быть!“ В этот момент от нас вышло человека 4—5, пошли вооружиться в дружине, где исполняли поручения старшего отряда по охране орудия 5-й батареи, поставленного на площади старого собора, около управления Р.-У. ж. д., а также держали телефонную связь с большевистским штабом, где руководил боем т. Щербаков.

Пред Октябрьским боем, вечером часа в 4—5, мы вместе с т. Блиновым гуляли по городу и неожиданно наткнулись на юнкерские караулы по Московской улице (угол Приютской) и здесь-же догадались, что в Думу большевиков пускать не хотят, и подготовлялся бой. Несмотря на некоторые препятствия, мы все-таки пробрались в свою часть. К сумеркам начался сначала ружейный, а затем пулеметный и артиллерийский бой. Солдаты нашей бригады, большинство которых не разделяло большевистских течений, ныло, а мы кричали: „Раз нет толку от временного правительства за 8 месяцев,—к чертям его!“ На временное правительство мы с т. Блиновым и еще третьим т. Нехочиным особенно были недовольны за закрытие саратовской газеты „Социал-демократ“, которую мы исправно читали вместе с газетой „Земля и Воля“.

После Октябрьского боя, утром, мы пошли в гор. управу, где в беспорядке находилось оружие, оставленное юнкерами. Мы выбрали себе на случай дальнейших боев по одной русской винтовке и десятка по два патрон.

Вскоре после Октябрьского переворота, зная наше большевистское направление, солдаты местной бригады вместе с офицерами, желая от нас постепенно избавиться, в частности от меня, делегировали меня от бригадной конференции на казанский военно-окружной с'езд.

Работа в г. Казани.

В начале ноября я выехал в Казань, где пробыл на с'езде тридцать один день. В конце работы с'езда я был избран членом Казанского военно-окружного Комитета (КВОК). После с'езда недели три проводили организационную работу по секциям. На втором же заседании КВОК-а по докладу комиссара по управлению военным округом КВОК принял решение о посылке большинства членов КВОК-а в советы депутатов по всем губернским городам округа для формирования добровольческих отрядов по борьбе с контрреволюционным казачеством, предвестником которого являлся г. Оренбург. Я был делегирован в саратовский Совет, куда прибыл во второй половине декабря месяца 1917 г. Кроме обычного мандата, дающего право на формирование отрядов, я захватил с собой документ на право получения неограниченного количества снарядов и патронов из Тамыловских складов (ст. Иващенково, около Самары).

Работа в г. Саратове.

Прибыв в Саратов, в военной секции я встретил т. Блинова М. Он, будучи членом секции, представил меня Владимиру Павловичу Антонову. Вскоре в Саратов пришел поезд вагонов в пятнадцать из Иващенкова со снарядами и патронами, затем поезда с патронами прибывали и еще.

Президиум саратовского Совета и военной секции (в последнем были т.т. Осипов, Блинов М. и Молдавский) поручил мне разоружать прибывающие с фронта эшелоны казаков. Разоружение казаков на товарной станции шло хорошо, несмотря на то, что оно производилось почти всегда с одним вооруженным солдатом при помощи рабочих железнодорожников, которым иногда выделяли несколько револьверов за помощь при обысках. Казаки оружие скрывали, однажды было скрыто два вагона, где оказались пулеметы с принадлежностями, винтовки и пики. Все отбираемое оружие у казаков свозилось в склад военной секции, помещавшейся в доме б. губернатора (угол Вольской и М.-Сергиевской).

Некоторые казачьи части были большевистски настроены. Во время разоружения был особенный порядок: тактичность, вежливость; кроме оружия и принадлежностей ничего не отбиралось.

Организация добровольческих отрядов.

До 10-го января 1918 г. в Саратовском Губисполкоме, куда я входил с совещательным голосом, как представитель КВОК, поставлен был вопрос об организации добровольческой армии, и в частности—о срочном сформировании отряда для

оказания помощи астраханским большевикам, державшимся долгое время в астраханской крепости под обстрелом восставших казаков. Отряд был послан. В тот момент также был разгромлен уральский Совет, где помощь была совершенно необходима. Приступлено было к формированию Восточной армии, и на ряду с этим являлось настоятельной необходимостью планомерно демобилизовать солдат старой армии, оставив в Саратове наиболее надежную часть гарнизона для ликвидации беспрерывно назревавших восстаний в городе—фронтовиков, группы украинских террористов, ездивших в буржуазных фаэтонах с верными усатыми слугами, и пр.

От КВОК мне было поручено принять все меры к сохранению в гарнизонах предметов снабжения при демобилизации старой армии, почему необходимо было посещать казармы для предотвращения анархистского раздела военного имущества.

Когда Губисполкомом был решен вопрос об организации Восточной армии по борьбе с контрреволюционным казачеством, я был назначен по приказу Командующего армией т. Загуменного комиссаром снабжения армии. Штаб у нас был сначала в военной секции (у меня даже не было особой комнаты), а дальше, через несколько дней, штаб армии помещался в классном вагоне, в тупике пассажирской станции Саратов. Чрезвычайно срочная работа, как полное формирование армии, была построена на взаимном, товарищеском доверии; это доверие действительно оправдывалось, энтузиазм в работе был неимоверно велик. На-ряду с подбором штаба армии, в котором был и политический отдел, были сколочены два пехотных баталиона из числа солдат и красноармейцев. Командные должности занимали солдаты. Командирами пехотных баталионов были т.т. Сухов и Зелинский, командиром артиллерии—солдат Рачков. Кроме пехоты и артиллерии были сформированы пулеметные команды и даже один аэроплан. Численность Восточной армии была до двух тысяч человек. Почему назывался этот большой отряд армией,—читатель без труда может догадаться, судя по одному тому, что однажды т. Антонов В. по прямому проводу грозил уральским контр-революционным казакам артиллерией из Саратова в тот момент, когда надежных, подготовленных (и то не совсем) было всего 60 человек.

По сформировании Восточной армии я находился в Саратове для продолжения работы по выкачке из Тамыловских складов снарядов и патронов, а также для регулярного снабжения Восточной армии из Саратова. Еженедельно формировали и отправляли на фронт один поезд с продовольствием и обмундированием. С фронтом говорили по прямому проводу из комнаты Губисполкома, где в настоящее время помещается губком РКП. С фронта помимо сводок получались категорические приказы о высылке дрожжей, что быстро делали, хотя иногда, из-за недостатка денег и по техническим затруднениям в дороге, были задержки. Тогда получались телеграммы (обычно ночью часа в 3—4) такого приблизительно содержания. „Шлите нарочным дрожжей, задержку отвечаете головой“.

На-ряду с посылкой на фронт снабженческого подкрепления, Губисполком возложил на меня обязанность создать в Саратове базу снабжения из имеющихся запасов, прибывающих с демобилизованными частями остатков и путем реквизиции и конфискации у буржуазии, и организации пошивочных мастерских и продуктовых заготовок.

Здесь была взята линия организации „складов народного хозяйства“—так красовалось на вывесках военных складов. Наряду-же с этим существовали склады Губсовнархоза, с которым вели работу в полном контакте по части заказов, поддержки сырьем (каустическая сода, кожа и т. д.), был пущен в ход Покровский консервный завод, и закуплен в Заволжьи скот. Спустя месяц—полтора удалось создать до пятнадцати складов различного военного имущества; были большие запасы обуви, кожи, седел, консервов, одного сахару было до восемнадцати тысяч пудов. Иногда приходилось воевать с „крестьянской“ секцией Губисполкома из-за того, что она забрала военные повозки и даже ветеринарный лазарет конского запаса с больными лошадьми и микроскопами.

На-ряду с работой по созданию базы снабжения штабом Восточной армии было поручено формировать в Саратове для пополнения фронтовых частей третий баталион добровольцев. Набран был командный состав из унтер-офицеров человека в 3—4, и в здании гимназии, на Гимназической улице, вербовались добровольцы.

Этот баталион сформирован был неудачно, состав добровольцев был ненадежный; он был распущен не только поэтому, но и на основании того, что непосредственно на фронте формировались пополнения из крестьян, куда было дано оружие.

В это время, во второй половине января месяца, у нас, военных „спецев“ (Осипов, Блинов М., Шварцман и др.), зародилась мысль организовать добровольческую армию не только в г. Саратове, но и в уездах, где имелись такие-же случайные добровольческие отряды, как и в Саратове.

На-ряду с перечисленной работой приходилось сдерживать лаву демобилизуемого тридцатитысячного саратовского гарнизона старой армии, что было и достигнуто; гарнизон демобилизовался планомерно,—лучший его элемент влился в добровольческую армию.

Создание военного отдела Губисполкома.

В первых числах февраля месяца 1918 г. по постановлению Губисполкома был создан военный отдел. В коллегию комиссаров были назначены т. Блинов М. и Шварцман; мне было поручено заведывать отделением снабжения. На одном из заседаний коллегии военного отдела, куда входили и заведующие отделениями: строевым, агитационно-вербовочным, снабжения, квартирным и медицинско-санитарным,—было принято решение о составлении плана по организации добровольческой армии из рабочих и крестьян. Составление плана было поручено командиру одного, недемобилизованного еще, баталиона—капитану Тумановичу, лойяльному к Советской власти офицеру, а главное, желавшему работать по организации армии. План со схемами был построен на формировании трех-

полковой дивизии со специальными частями артиллерии, кавалерии и пр. с расквартированием дивизии в Саратове и в уездных городах губернии. В это время из Москвы были присланы 17 военных специалистов, в том числе и полковник Гриневич на должность начальника дивизии. Ко всем спецам приходилось относиться с большой осторожностью, многих возвратили в Москву, а Гриневич чрез некоторое время работы в формируемой дивизии был арестован.

В феврале месяце, сначала чрез военных комиссаров, а затем чрез аппарат агитационно-вербовочного отделения принимались добровольцы в организуемый 1-й Саратовский пехотный советский полк.

Помню, как сейчас: 1-я рота, в тридцать человек, была помещена в здании школы, в железнодорожном районе, близ моста. Мы втроем (я, т.т. Блинов и Шварцман) ездили на автомобиле в час ночи произвести внезапный осмотр новой армии; в роте нашли относительный порядок: чистое, теплое помещение, армейцы спали на железных койках, матрацы были не у всех; каптенармус даже в такое позднее время выдавал продукты.

Сначала принимали добровольцев только чрез 15-20 минутный опрос-беседу, а затем были установлены рекомендации двух партийных или надежных беспартийных и подписи о шестимесячном сроке службы в советской армии. Таким путем формировались и другие части, как кавалерийский полк,—всем им давали название Саратовских Советских полков. Однажды, во время вооруженной демонстрации 1-й годовщины февральской революции, когда была не только пехота, но артиллерия, кавалерия и пулеметные команды,— эти полки разбежались в панике (растеряли пики) во время одного-двух провокационных выстрелов, превратившихся затем в уличный бой на углу Вольской и Немецкой, около гостинницы „Астория". В этот момент одним из армейцев летучего отряда т. Бондаря был застрелен наповал из нагана секретарь Губисполкома т. Цыркин (был принят за студента контр-революционера).

При помощи увеличивавшейся, далеко некрепкой армии, в Саратове приходилось ликвидировать ярко контр-революционную организацию „фронтовиков", террористов, мелкие крестьянские непорядки, выпады анархистов и т. п.

Эти добровольческие советские отряды, будучи организованы по военному, были несколько стройнее и обученнее по сравнению с красногвардейскими отрядами, которые также выполняли колоссальные задачи, как например: однажды на тревожные фабрично-заводские гудки в момент опасности со стороны „фронтовиков" в Совет пришло до 700 человек вооруженных рабочих прямо с заводов.

Командный состав в советские полки набирался осторожно, однако туда пролез такой, как руководитель Саратовского майского восстания офицер Викторов, который формировал советский кавалерийский дивизион. Он пользовался авторитетом украинских солдат, часто проявлял партизанщину включительно до того, что, будучи руководителем восстания, по адресу Совета громко сказал: „Что мне Саратов, я Одессу развалил артиллерией."

Организовать армию трудно было, но ее вербовали, укрепляли и пришли к заключению о приеме военных специалистов, как полковника Рымвид, бывшего саратовского уездного воинского начальника.

В мае месяце из Москвы усиленно стали прибывать военные специалисты; им наши военные „спецы" и передали бразды военного управления.

Т. Блинову было поручено организовать первые Саратовские пехотные командные курсы.

Согласно февральского декрета 1918 года о создании красной армии, военный отдел был упразднен, и организован губернский военный комиссариат, комиссарами которого были назначены т. т. Молдавский и Соколов В. Созданные военным отделом Губисполкома добровольческие советские полки были переименованы и влиты в Красную армию, и только в октябре месяце 1918 года был ликвидирован агитационно-вербовочный аппарат, и об'явлена мобилизация рабочих и крестьян с 1893 по 1897 год, унтер-офицеров, обер-штаб-офицеров и других военных специалистов, и тогда только было приступлено к созданию регулярной Красной армии.

Город Саратов пережил несколько периодов организации и реорганизации боевых единиц для завоевания и защиты Советской власти: *первым* из них была активная, большевистски настроенная, группа солдат старой армии, штурмовавшая городскую управу в Красный Октябрь вместе с рабочими; *вторым*—организованная Красная Гвардия из саратовских рабочих; *третьим*—надежнейшие части гарнизона, удержавшиеся от стихийной демобилизационной тяги; *четвертым*—формирование Восточной армии; *пятым*—создание Саратовских советских полков и *шестым*—переход советских полков в ряды Красной Армии, как преддверие вскоре об'явленных обязательных мобилизаций, в первую очередь, унтер офицеров, а затем уже офицеров и генералов.

Только в настоящее время, в период мирной работы, убеждаешься, как Советская власть, в условиях смертельной усталости от войн и хозяйственной разрухи, смогла создать постепенно такую военную силу, как Красная Армия, способную не только отражать внутренние контр-революционные армии, но, главным образом, поражать стройные, с большой, сложной военной техникой, армии международного капитала, окружавшего долгое время железным кольцом всю Советскую территорию и оставившего на ней массу военных трофеев, включительно до чудовищных гигантов—танков.

ОДНА ДУША.

(Женщине посвящаю).

Андрей Винокуров.

Мы сердцами с тобой одинаковы,
И душа в нас с тобою одна.
Оттого, что днем солнечно-маковым
Пили с площади радость до дна

В нашем сердце Весну зори выткали,
Распахали, как трактором, мысль.
Под расстрелом теперь и под пытками
Не разлюбим Весны этой мы.

Мы с тобой на любовь оба падкие.
Я-то так, но ты—женщина ведь?
А, как я-же, в заводе украдкою
Не стыдилась признаньем гореть...

Когда в грудь была горечь запаяна,
В сердце вбиты стальные болты.
Мы искали Ее на окраинах,
Я, влюбленный, как в солнце, и ты.

До утра там бродили подвалами,
Кто смеялся, кто: „скоро придет"!
Не дождавшись, больными, усталыми
Уходили опять на завод.

А как вновь распинали нас полосы
Чугуна и хлестали ремни,
Ты бросала расплавленным голосом
Огневые слова:
— Придут дни,

Она встанет вот здесь—за колесами,
Чтобы с душ наших копоть стереть,
Будут всюду улыбки разбросаны,
На полу, на стенах, на дворе. .

Сердце билось под синими блузами,
Радость встречи пел звонкий чугун.
А вверху, стопудовыми грузами,
Гулко рельсы сгибались в дугу.

День за днем так... Но вот, помню рано я
Шел к тебе, чтобы боль показать.
А уж площадь качалась, как пьяная,
И кому-то смеялись глаза...

. . . .

Мы сердцами с тобой одинаковы,
И душа в нас с тобою одна.
Оттого, что днем солнечно-маковым
Пили с площади радость до дна.

ПОД ЗНАМЕНЕМ СОВЕТОВ.

Ив. Советский.

„Советы—это найденная русским пролетариатом форма диктатуры пролетариата",—определяет роль Советов тов. Ленин.

„Советы—это совершенная, открытая русской революцией, форма пролетарской диктатуры",—говорит т. Бухарин и поясняет (в другом месте): „это есть власть массовых организаций пролетариата и деревенской бедноты".

Всякая „демократия", хотя-бы самой расцивилизованной страны, есть обман—с одной стороны и иллюзия—с другой. Рабочие и трудящиеся вообще в этих „демократиях" приглашаются один раз в 4 года „для выполнения гражданского долга", и—кончено. Выполнил долг—и довольно, можешь спать спокойно: за тебя поработают, о тебе позаботятся в парламентах (буквально: говорильнях) выбранные тобой „депутаты", которыми, несмотря на подавляющее большинство трудовой бедноты, долженствующей участвовать в выборах, почему-то всегда как-то выбираются из враждебного пролетариату и бедноте класса: землевладельцы, миллионеры-фабриканты, банкиры, их управляющие и „знаменитые" адвокаты.

Классовые-же представители трудящихся, если и попадают, то в таком меньшинстве, что их участие в говорильне решительно никакого влияния на ход дела не оказывает, если-б даже они и убереглись от растлевающего влияния сотрудничества с буржуазией, что удается лишь очень немногим...

Как орган диктатуры пролетариата и деревенской бедноты (полупролетариата), Советы выступают по всей России с первых дней революции (с февраля—в столицах и с начала марта—в других городах).

Революция ставит им задачу—организовать массы для борьбы сначала вообще за революцию, а потом—за революцию пролетарскую, за захват власти—за диктатуру пролетариата.

Еще не сознав себя новой государственной властью, еще имея в себе большинство мелкобуржуазных „социалистов"—прихвостней крупной буржуазии—эсеров и меньшевиков, Советы уже стихийно играют роль госвласти, санкционируя тот или иной состав министров, утверждая ту или иную программу „кабинета".

Взяв власть в свои руки (25 окт.—7 ноября), Советы сразу превращаются *в новую систему* государства, становятся новым аппаратом нового существа власти—диктатуры эксплоатируемого большинства над эксплоататорским меньшинством.

По существу—старое государство также было диктатурой, но диктатурой меньшинства над большинством. Эта диктатура позволяла капиталу эксплоатировать массы, и весь аппарат был приспособлен для наилучшего проведения этой задачи в жизнь: он весь был щупальцами огромного паука—капитала.

Ясно, что с переходом власти к об'екту эксплоатации — пролетариату, эти щупальца стали непригодны, ибо большинству эксплоатировать меньшинство и жить на его счет не приходится.

Советы становятся новым аппаратом власти снизу доверху, охватывая всю стра-

ну и разбивая на местах аппараты старой власти.

Следовательно: подготовка масс к захвату власти и осуществление этой власти—вот две первые задачи, выполненные Советами с изумительной быстротой, силой и стройностью.

Но, как только переворот произошел, как только первые, общие формы новой власти отлились на местах и в центре, перед новой властью встали во весь свой колоссальный рост задачи экономического характера: перестрой всей экономической системы в соответствии с тем огромным сдвигом, который произведен был величайшей революцией.

Прежде, чем Советы успели оглядеться в новой обстановке, началась эсеровская и белогвардейская контр-революция, развернувшаяся в интервенции мирового капитала, и эта обстановка потребовала от Советов напряжения всех сил страны и направления деятельности в сторону организации обороны революции и ее завоеваний.

Три года ушли на беспримерную оборону, и только два последние года Советы постепенно развертывают мирно-творческую работу в более или менее спокойной обстановке, одновременно борясь на фронтах голода и эпидемий—стихийных последствий войны и революции.

Саратовский Совет прожил все эти стадии и вписал в историю этих великих пяти лет славные, красные страницы.

Саратовский пролетариат создал свой Совет, едва получились известия о начавшейся в Питере революции.

И хотя городская дума вкупе с „общественными деятелями“ буржуазного характера создала свой „общественный комитет“, но и она, и этот комитет сразу почувствовали, что почва под их ногами колеблется, что не они, заседающие „наверху“, а он—Совет рабочих депутатов, заседающий „внизу“ помещения думы,—есть настоящий хозяин положения.

Сразу-же началась борьба, которая с возвращением из ссылки т. Антонова получила огненного и преданного пролетариату руководителя. Совет организует массу. Совет воспитывает и перевоспитывает ее в идеях революционного марксизма, готовит ее к „последнему решительному бою“, и масса, темная еще, но чуткая и активная, быстро сгруживается вокруг Совета, вокруг его большевистской фракции.

В кипучей борьбе создаются и закаляются вожди и командный кадр пролетарской революции: т.т. Антонов, Васильев, Бабушкин, Корнеева, Зенкевич, Плаксин, Савельев, Баранов, Иванов, Петерсон и др.

Восемь месяцев идет подготовка, и едва до Совета долетают первые, еще смутные, звуки начавшейся битвы „за власть Советов“, как саратовский Совет бросается в борьбу с героической беззаветностью и под'емом

Историческое заседание Совета рабочих и солдатских депутатов в ночь с 26 на 27 октября—сплошной героизм большевистской фракции Совета и рабочей и солдатской массы его.

Несколько сот делегатов рабочих и солдат бросают вызов старому миру с таким революционным энтузиазмом, с такой твердостью и зрелой решимостью, что даже и теперь невозможно читать без величайшего волнения то, что сохранилось в бледных записях очевидцев об этом героическом заседании.

Уходят меньшевики, не желая „делить безумия“ с большевиками; уходят господа офицеры, эсерствующие и меньшевиствующие, грозя Совету гибелью от рук каледенских казаков, которые движутся к Саратову; уходят все, кому дорога собственная шкура, а Совет остается на революционном посту, без страха и—теперь скажем—без упрека!

Гремит вдохновенно голос т. Антонова:

„Вы, социалисты,—остановитесь! Я отвечаю вам от имени Совета. Вы уходите. Вы, подобно Пилату, умываете руки! Что-же, уходите. Но знайте и помните, что никогда вам этот уход не простят рабочие и крестьяне! Из поколения в поколение они будут передавать: в величайший момент нашей жизни, когда мы брали власть и выдерживали бешеные удары буржуазии, меньшевики и эсеры покинули нас и ушли к врагам! Как имя Каина, ваше имя будет вспоминаться с проклятием! Помните эту великую ночь! И знайте: мы победим! Победим всех врагов рабочих, трудовых масс!“

Бурей энтузиазма отвечает масса Совета своему вождю, серые солдатские шинели одна за другой предлагают себя в командиры частей на место сбежавших с поля битвы офицеров.

И Совет, действительно, побеждает!

В грозе и буре, невиданной по напряжению и широте разлива, гражданской войны Совет борется и строит новую жизнь.

Он создает политику, вырабатывает основную линию поведения, часто не имея связи с центром. Он ведет дипломатические переговоры с соседними, образовавшимися в революцию, „государствами" и заключает договоры с ними. Он устанавливает власть на местах в губернии и ведет войну. Он борется с враждебными партиями—меньшевиками и эсерами, применяет репрессии и разлагает их. Подавляет восстания в городе и уезде. Откликается на общую государственную политику, всегда поддерживает высшую Советскую власть. Ведет снабжение фронтов, часто выручая центр в самую критическую минуту посылкой хлеба. Организует все виды хозяйственной деятельности в порядке социализации производства. Проводит целый ряд мобилизаций и ликвидаций. Борется с бандитизмом зеленых. Борется с саботажем чиновников. Борется с авантюристами, грабителями и спекулянтами. Воспитывает массы отставших рабочих. Ведет финансовую политику и строительство производства. Налаживает сельское хозяйство и продовольствие. Организует аппараты отделов, развивает их и приспособляет к требованиям момента и ситуации.

Совет—весь в огне боевой и строительной деятельности. И так из года в год, все время „полной нагрузкой", всегда без задержки и откладываний, всегда полный инициативы и энергии!

Какое другое учреждение могло бы выполнить эту многообразнейшую и напряженнейшую работу? Только дивная машина Совета, рожденная самой революцией—для себя, для своих великих целей,—только она могла все это выполнить и не сломаться, а окрепнуть!

Без Советов та революция, которая стояла на исторической очереди, и которую выполнила Россия,—без Советов эта революция была-бы невозможна, неосуществима.

Но вот кончена борьба фронтовая. Совет из боевого органа становится руководителем мирной жизни—идеальнейшим органом самоуправления.

Как раньше он развертывал отделы Исполкома—делающие руки при руководящей голове—исполнительного своего органа, так теперь он развертывает новые органы—секции Совета, которые являются глазами хозяина, зорко смотрящими за новым хозяйством.

Может быть, еще не так много сделали секции Совета, но этому есть много причин, об'ясняющих дело. То состояние промышленности и сел.-хоз., к которому они пришли после разрушительных действий войны и стихий, не дает еще почвы для размаха деятельности самоуправления Советов.

Но и то, что сделано секциями, громадно.

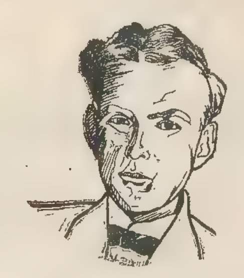
Совет втягивает широкие слои массы в работу по самоуправлению, воспитывает их общественными и государственными работниками, осуществляя высказанное т. Лениным требование: „Надо, чтобы каждая кухарка научилась управлять государством".

И это—будет! Советы доказали, что они способны развертывать работу во всех направлениях с одинаково мощной энергией и всегда с успехом.

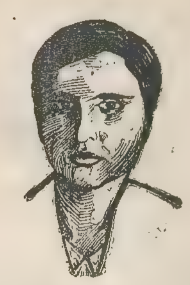

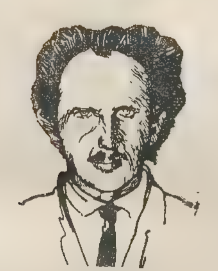
Тов. ЕРАСОВ.

Тов. ИВАНОВ.

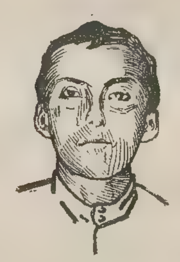
Тов. ЦЕЙТЛИН.

Тов. ФЕДОРОВ.

Тов. КОСОЛАПОВ.

Тов ОСИПОВ.

Тов. АГЕЕВ.

Тов. ЕЖОВ.

Тов. КОВЫЛКИН.

Деятели Октябрьской революции.

История Саратовского Совета за 5 лет.

(КРАТКИЙ ОЧЕРК).

Л. Цехер.

Бешеный бег событий величайшей в мире эпохи, в которой мы имеем счастье жить, совершенно не дает нам возможности полно и всесторонне останавливаться на развитии социальной революции. Мы, современники и участники грандиозных событий, лишь мельком имеем возможность оглянуться назад и фиксировать отдельные моменты борьбы российского пролетариата за торжество коммунизма.

В радостный для нас праздник пятой годовщины Октябрьской революции необходимо остановиться, освежить в памяти саратовских рабочих деятельность Саратовского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, хотя-бы в отдельных ее моментах. Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов возник, вернее, стихийно вырос в первые же дни февральской революции и сейчас же, на-ряду с властью временного правительства, стал решающей силой.

Однако, как и в большинстве городов России, Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов оказался в руках партии мелкой буржуазии— меньшевиков и эсеров.

Но по мере того, как на поверхности февральской революции резко обозначилось различное понимание задач и целей революции, по мере того, как стала вырисовываться пропасть между трудом и капиталом, прикрытая на время радостью избавления от гнилого и гнусного царизма, широкие рабочие и солдатские массы стали отходить от меньшевистско-эсеровских партий. Уже середина лета 1917 года обнаружила всю беспомощность, никчемность у власти представителей мелкой буржуазии. К этому времени отечественная буржуазия все наглее и откровенней чрез свою печать стала требовать намордник для рабочего класса—„обуздать взбунтовавшихся рабов".

Но было поздно—революция развивалась бешеным темпом... „Империалистическая война с об'ективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна была превратиться в гражданскую войну между враждебными классами. Это превращение начато февральско-мартовской революцией 1917 года"...

Так писал тов. Ленин в те дни в „Правде", в своих „Письмах из далека".

В дни Октября и долго после него меньшевики и эсеры повторяли сказку, как большевики-захватчики захватили власть и проч.. А между тем нижеследующая таблица выборов в Саратовский Совет 3-го Созыва (половина сентября 1917 года) совершенно наглядно рисует процесс быстрого роста сознания рабочих масс и правильно намеченного пути к власти:

Совет 2-го созыва.

	Рабочих.	Солдат.
Меньшевиков . . .	120	90
Соц.-революционер.	50	260
Беспартийных . . .	—	—
Большевиков . . .	40	50

Совет 3-го созыва.

	Рабочих.	Солдат.
Меньшевиков . . .	72	4
Соц.-революционер.	43	60
Беспартийных . . .	34	—
Большевиков . . .	164	156

Совет 3-го созыва, как видно, становится в подавляющем своем большинстве большевистским. Рабочие и солдаты окончательно отвернулись от меньшевистско-эсеровских болтунов. Саратовские рабочие и солдаты не отстают от питерских и московских пролетариев. Они также проникаются необходимостью решительной борьбы за власть Советов, за социализм. Судьбу революции они доверяют подлинному своему вождю—партии большевиков.

Уже 16-го окт. Саратовский Совет в своем заседании принимает резолюцию, предложенную тов. Антоновым по текущему моменту, которая подлинно знаменует формальное об'явление восстания против временного правительства. Саратовский Совет этой резолюцией кладет грань между истекшими месяцами революции и грядущей социальной революцией. Им брошен популярный для рабочих и солдатских масс лозунг—„Вся власть Советам!"

Представители партий мелкой буржуазии, потерявшие всякое влияние на массы, переносят свою работу в городскую думу, противопоставляя „большевистскому" Совету—цензовую думу.

24-го октября по Саратову упорно циркулируют слухи о восстании рабочих и солдат в Питере. В этот-же день вечером было устроено совещание партийных комитетов—большевиков, меньшевиков и эсеров. Лидер меньшевиков Чертков делает доклад, что в Питере большевистское восстание, подавляемое войсками временного правительства. Чертков призывает к благоразумию саратовских большевиков и предлагает создать единый фронт демократии и осудить авантюру питер-

ских большевиков. Т.т. Антонов, Васильев и Лебедев отказываются солидаризоваться с соглашателями и на вопрос—поддерживают ли они „петроградское безумие" (Октябрьскую революцию!)—ответили, что безусловно поддерживают.

Ночью—заседание городской думы. Соглашатели всполошились. Они организуют „комитет защиты революции" (от революции, как их правильно поправил тов. Мицкевич) и об'являют свои заседания перманентными.

День 26-го октября буквально кипел в политических спорах, переговорах и пр.

В ночь на 27-е октября происходит историческое заседание Саратовского Совета. Зал консерватории переполнен. Напряженность общая.

В час ночи т. Антонов открывает заседание. Лидеры соглашателей предостерегают аудиторию от „большевистских безумств". Чертков оглашает телеграммы о победах войск Керенского и просит верить „уважаемому вождю" Керенскому (крики—„долой").—„Совет должен признать правительство народа, он должен осудить безумную авантюру большевиков" (шум и крики). После него выступает тов. Антонов: „Товарищи! Вы слышите, что говорят они, эти социалисты, эти вожди? В страшный для нас час, в час величайших исторических событий для рабочих России, быть может, всего мира, в час, когда наши братья, наши товарищи—рабочие Петрограда—ломают скрижали прошлого, когда они с оружием в руках восстают против векового врага угнетателя, против буржуазии,—они не нашли ничего лучшего, как требовать от нас, послов рабочих и крестьян, гнусного и позорного отказа от поддержки восставших товарищей! (крики: „позор! негодяй!"). Эй, вы—социалисты! Вы, кого мы недавно называли товарищами, как осмелились вы оскорбить Совет?! Как смели вы хоть на минуту подумать о саратовских рабочих, о саратовском гарнизоне, как о предателях, как о людях, ради шкуры, ради жалкого страха способных отказать в помощи бойцам Петрограда?! (Бурное негодование, крики: „по себе судят! сволочи!"). Рабочие!.. солдаты!.. кто из вас против восставших рабочих и солдат Петрограда?! Кто из вас против власти Совета? Кто? (Поднимают руки небольше десятка и быстро опускают при общем шуме и резких выкриках). Кто за Совет? Кто за рабочую и солдатскую власть? (Лес рук. Громовое „ура". Бурные аплодисменты.) Так я и знал.—Вот вам ответ Совета".

Меньшевики, эсеры и офицеры покидают заседание под враждебные крики. В три с половиной часа утра заседание Совета закрывается. Громадная масса рабочих и солдат спешит на заводы, в казармы—поднять всех на защиту Совета.

В 4 ч. утра открывается первое заседание исполнительного органа пролетарской власти (в б. д. губернатора). Выбирается исполнительное бюро, в которое входят: т.т. Антонов, В. Бабушкин, Васильев, Венгеров, Зенкович, Лебедев, М. Савельев, Баранов. На этом заседании составляется воззвание к населению и декрет о земле.

Городская дума не дремлет. Она, в свою очередь, обращается к населению с воззванием. В эти и последующие дни она становится центром, вокруг которого соглашатели, вкупе с юнкерами, белогвардейцами, учащимися высшей и средней школы и просто обывательским сбродом группируются для борьбы с Советом. Здание думы юнкера превращают в штаб, окружив его баррикадами.

Дума стремилась довести дело до вооруженного столкновения. И действительно, думцы решили померяться силами с саратовскими рабочими и гарнизоном. Суточный бой—и дума капитулировала. Тов. Антонову, Васильеву стоило огромных усилий удержать солдат от расправы с предателями.

Пред своим смещением меньшевик Топуридзе, б. губ. комиссар, успел вызвать оренбургских казаков для подавления „большевистского бунта". 29—30 октября стало известно, что казаки двигаются на Саратов со стороны Баланды. Саратовскому Совету пришлось лихорадочно готовиться к защите Саратова. Немедленно был создан военный совет (Щербаков, Антонов, Васильев). Солдаты гарнизона вступили в переговоры с рядовыми казаками, и после некоторого времени казаки „разложились", т. е. отказались наступать на Саратов. Казачьему офицерству пришлось согласиться на мирный договор.

Пребывание казаков под Саратовом окрылило думу, меньшевиков и эсеров. Они организуют забастовку служащих городского самоуправления—служилой интеллигенции, мелкого чиновничества. Совету пришлось самым энергичным образом бороться с массовым саботажем во всех учреждениях. Совет назначает в учреждения комиссаров, разгоняет гнездо саратовской контр-революции—городскую думу, разгружает старые цензовые институты (суды, казенную палату и проч.). Исполком Совета организует Совет Городских Комиссаров—вместо разогнанной думы.

Капиталисты с лихорадочной поспешностью вынимают свои капиталы из банков, они проявляют отвратительную жадность; им содействуют работники банков. Они подготовляют денежный кризис. Совет об'являет национализацию банков под вой и скрежет зубовный буржуазии и ее лакеев.

В связи с созывом учредительного собрания вопрос о власти стал крайне остро. Совет, как орган власти широких рабочих и крестьянских масс, твердо высказался за то, что учредительное собрание должно быть выразителем воли открывшегося к тому времени 2-го с'езда Советов, или его не должно быть. Поэтому роспуск учредительного собрания Совет приветствовал, как акт самозащиты рабочих и крестьянской бедноты от организующейся контр-революции.

На-ряду с вопросом о власти пред саратовскими рабочими, пред Саратовским Советом встал не менее острый вопрос о войне, о мире. Совет категорически высказался против требований германских генералов и требовал созыва по вопросу о мире экстренного с'езда Советов. Делегатам на с'езд Совет дал наказ голосовать против подписания Брестского мира. Делегаты на с'езде остались в меньшинстве. Время показало, что Совет в этом вопросе был неправ.

Демобилизованные солдаты, оказавшиеся на первое время без работы, организовали союз фронтовиков. Этот союз не замедлили взять в свои руки эсеровские молодцы, пролезшие в

правление союза, и, играя на голоде, попытались использовать союз для борьбы с Советом. Белогвардейское правление подбило собрание фронтовиков принять резолюцию о разгоне Совета. Дело чуть не дошло до кровавого столкновения. Совет после некоторой борьбы с фронтовиками разогнал союз, арестовав белогвардейское правление.

Саратовский Совет еще задолго до решения Ц. И. К. в общем масштабе изгнал из своей среды партии мелкой буржуазии—меньшевиков и эсеров, ибо слишком ненавистна всем честным рабочим стала их предательская роль.

Ко всей тяжелой обстановке, в которой приходилось работать Саратовскому Совету, обстановке массового саботажа интеллигенции, предательства, забастовок, заговоров, —прибавилось майское восстание (1918 г., 16—20 мая). В саратовский гарнизон проникло много всякого сброду, любителей мародерства и грабежа. Проник этот сброд в войсковые части в виде добровольцев и разложил некоторые неустойчивые части. Восставшие выкатили на Ильинскую площадь батарею, пулеметы, открыли орудийный и пулеметный огонь по Совету и советским учреждениям. Канонада продолжалась несколько дней. Восстание было подавлено подоспевшими с уральского фронта Саратовским баталионом и частями из Ртищева и Аткарска. Восстанием руководили эсеры, слишком поспешно об'явившие в своей листовке, что „армия и фронтовики свергли насильническую большевистскую власть".

Лето 1918-го года было крайне тяжелое для Сов. республики. Кругом белогвардейские фронты. Чехо-словацкое восстание, падение Самары, уральская и астраханская контр-революция—окрылили кулацкие элементы Саратовской губернии надеждой скорого падения Сов. власти. По губернии прокатилась волна кулацких восстаний (Вольск, Хвалынск, Сердобск, Кузнецк), отличавшихся страшной жестокостью—много погибло преданных революции товарищей от рук озверелых кулаков, руководимых эсерами (погиб славный тов. Струин—председатель Вольского исполкома). Саратовский Совет при единодушной поддержке рабочих масс, мобилизуя для борьбы с кулацким движением лучших пролетариев, справился с восстаниями, не дав превратить Саратов в центр белогвардейщины, как об этом мечтала последняя.

Саратову и его Совету рабочих депутатов в течение длительного времени пришлось быть аванпостом в борьбе против астраханского и, в особенности, против уральского казачества. Уральская контр-революция отнимала массу сил и средств, и только с появлением регулярных красных частей на уральском фронте, саратовским рабочим была облегчена тяжесть борьбы.

В бешеной злобе российская контр-революция, бессильная вернуть историю вспять, прибегла к физическому уничтожению рабочих и их вождей. Убийства т.т. Цыркина, Алексеева и др. вызвали постановление Совета—на белый террор ответить красным террором.

Саратов по своему географическому и экономическому положению вызывал и у Колчака, и у Деникина упорное желание превратить его в белогвардейский центр. Сибирская контр-революция, подкатывавшаяся к берегам Волги, вызвала громадный революционный под'ем рабочих масс. Саратовский Совет—пролетарский штаб—мобилизуется, вооружается, посылает свои части на борьбу с Колчаком. Деникинские молодцы, насаждавшие в захваченных Царицыне, Камышине и др. городах кнутом и виселицей „единую неделимую Россию", устремились на Саратов и оказались совсем близко. Саратовский Совет, борясь с уральской Вандеей, не замедлил организовать оборону города. Был создан укрепленный район с военным советом, куда вошли т.т. Флеровский, Куликов, Крыленко. Власть перешла к Военно-революционному Комитету, председателем которого являлся т. Плаксин.

Заседания Совета, очень частые, отличаются колоссальным под'емом, как в первые дни Октября. Помню одно такое заседание в одну из июльских ночей. Зал консерватории битком набит. Нечем дышать. В напряженной тишине раздается звонкий металлический голос т. Крыленко. Страстный призыв к борьбе за грядущий коммунизм и твердая уверенность в успехе борьбы. Тов. Крыленко кончает, и зал наполняется грохотом аплодисментов. Расходимся с революционными песнями. В Саратов прибывает т. Каменев, Калинин, Троцкий. Слишком дорог для Республики красный Саратов, и не отдали его Деникинским бандам.

В течение двух слишком лет осуществляя диктатуру рабочего класса, Совет напрягал всю свою силу и энергию для отражения классовых врагов. Совет производил мобилизации, ездил с агитацией по воинским частям, работал в продотрядах и при малейшей передышке переходил с фронта войны на фронты голода, холода, хозяйственной разрухи.

Выборы в Совет 8-го созыва прошли незаметно, благодаря победам, которые Республика одержала на внешних фронтах. Про печальный конец Деникина т. Вардин в Саратовских „Известиях" писал следующее: „Революция победила еще одного своего злейшего врага. Рабочие и крестьяне России бросили всему буржуазному миру бездыханный труп очередного палача". Но зато выборы проходили в этот раз под знаком оздоровления Совета. Новый Совет должен зажить бурной творческой жизнью. В выборах участвовало около 40,000 избирателей. Круг избирателей был расширен—к ним прибавились жены красноармейцев, рабочих, домашние хозяйки и кустари. Из прошедших в Совет 385 депутатов от рабочих организаций—300 были коммунистами. Воинские части исключительно посылали коммунистов; железнодорожные мастерские дали 53 коммуниста и 2-х беспартийных; водники дали исключительно коммунистов. Истекшие годы тяжелой борьбы, колоссальная работа проделанная за эта время, убеждали рабочих в том, что только под руководством коммунистической партии они могут выдержать борьбу со старым миром и победить. Совет был разбит на 14 секций по числу отделов Исполкома, где каждый выбранный мог научиться управлять своей страной и превратиться в активного участника советского строительства.

Губернский с'езд советов, прошедший под знаком борьбы с разрухой, нашел необходимым в целях экономии сил и средств и устранения параллелизма в работе создать единый Губерн-

ский Исполком—вместо существовавших Губернского и Городского Исполкомов. В связи с этим были организованы единые отделы Исполкома (вместо существовавших Губотздрава—Горотздрава, Губотнароба—Горотнароба и т. д.). От с'езда до с'езда контроль над Исполкомом был передан Саратовскому Совету.

Основным и главным моментом в работе Совета 8-го созыва была перестройка его рядов по линии борьбы на фронте труда.

Кроме руководства и определения задач, стоящих перед хозяйственными органами, Совет во второй половине марта (1920 г.) проводит неделю трудового фронта. После с'ездов совнархозов, профсоюзов Совет предложил своим органам немедленно реорганизоваться по указаниям этих с'ездов и дал ряд заданий хозяйственным органам. Им было поручено Г. С. Н. Х. разработать единый хозяйственный план по Саратовской губернии, пересмотреть коллегии хоз. отделов, произвести реорганизацию управления промышленностью, перейти к единоначалию, оказывать всемерное содействие ремонту железнодорожного, водного и гужевого транспорта, разработать планы заготовок, обеспечить фабрики и заводы топливом и т. д.

Работа эта не была полностью проделана. Вспыхнула война с Польшей, необходимо было ликвидировать Врангеля—„занозу в теле Советском“,—и опять хозяйственная работа откладывалась. Война с Польшей заставила Совет вновь перейти на военный темп работы. Под руководством Совета и при участии членов его прошли военно-продовольственный месяц и „месяц помощи тыла фронту“. Сотни товарищей участвовали активно в „месяце помощи тыла фронту“.

Совет провел „неделю тыловика—красноармейца“ и „воскресник—казарме“.

Наступление на Варшаву нашей Красной армии грозило в момент ликвидировать буржуазную Польшу. Английское правительство поспешило со своим посредничеством между Сов. Россией и Польшей. Скрытая цель посредничества была ясна—дать передышку растерявшимся панам. Совет приветствовал твердый ответ Совнаркома. В постановлении Совета говорится: „Нам нужны твердые гарантии в том, что Польша перестанет быть белогвардейским мечом в руках международных разбойников капитала“.

Для проведения посевной кампании был создан Губпосевком, и Совет для проведения кампании отправил на места в деревню более ста членов Совета в качестве ответственных руководителей.

Когда железнодорожное движение частично начало останавливаться (февраль 1921 г.), Совет мобилизовал целый ряд членов на топливную работу.

Первая половина 1921 года была крайне тяжелой для республики. Контр-революция, потерпевшая полное поражение на фронтах внешних, переносит свою предательскую работу внутрь страны. Ей удается поднять Кронштадтский мятеж, она сваливает под откосы продовольственные эшелоны, усугубляя страдания голодных миллионов рабочих и крестьян. Контр-революция всячески дезорганизует хозяйственную жизнь Республики. Все эти явления создают возбужденное настроение в рабочих массах, разжигаемое меньшевиками и эсерами, подло спекулирующими на голоде. К тяжелой продовольственной обстановке в Саратовской губернии, как и в соседней Тамбовской, развился злостный бандитизм, вдохновляемый эсеровскими мерзавцами. Много товарищей, как беспартийных, так, в особенности, членов Р.К.П., было с дикой жестокостью замучено бандитами.

В Саратове меньшевистско-эсеровским шептунам, пользующимся, как я уже сказал, усталым и голодным состоянием рабочих, удается создать в среде рабочих недовольство Советской властью, и начинается „мартовская волынка“. Саратовский Совет понял намерения врагов, ясно учел положение и на расширенном заседании своем (6-го марта 1921 г.) раскрыл пред всеми пролетариями Саратова ужасающую картину лжи, предательства меньшевиков и эсеров, толкавших рабочих в пропасть. Саратовские рабочие ясно поняли, чего добивались антантовские приказчики, и движение вошло в нормальное русло. Была создана контрольная комиссия. Совет перед ней открыл двери всех своих учреждений, чтобы рабочие могли видеть, что в них делается. Этот момент для саратовских рабочих будет памятен тем, что всякое затруднение рабочей власти меньшевики и эсеры, как верные слуги капитала, пытаются использовать для борьбы с Советской властью.

Настоящий год был годом неслыханного голода, постигшего Поволжье. От целого ряда уездов Саратовской губернии повеяло могилой. Ели человечину. Совет стал в центре помощи голодающим и спасения детей.

На расширенном заседании (6-го февр. 1922) Совет заслушал доклад о борьбе с голодом и принял резолюцию, всесторонне и полно указавшую все пути и возможности помощи голодающим. Характерны пункты 6-й и 11-й. В 6-м пункте резолюции Горсовет, „считая совершенно недопустимым в условиях окружающего голода безудержный разгул спекулятивных элементов, проматывающих миллионы на разные игры в лото, рулетку, шантаны, и обжирающихся тортами, пирожными и т. д.,—предлагает президиуму Губисполкома принять срочные соответствующие меры к прекращению этих позорных явлений“. В 11-м же пункте резолюции Горсовет протестует против служителей религиозных культов, равнодушно взирающих на голод и не отдающих ценностей на борьбу с голодом.

Весною, летом и осенью настоящего года Совет проводил свою работу под знаком борьбы за урожай, за посевы и борьбы с последствиями голода.

Заканчивая беглый обзор истории Саратовского Совета за пять лет, считаю нужным отметить, что ни подход к Саратову оренбургских казаков в Октябрьские дни, ни майское восстание, ни чехо-словацкое движение на Волге, ни один из многочисленных генералов белогвардейщины—не посмели побывать в Красном Саратове.

Совет рабочих депутатов крепко держал в своих руках знамя пролетарской борьбы и стойко отстаивал подступы к Саратову.

НА СТРАЖЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Воплем злобы и ненависти встретила буржуазия всего мира появление органа защиты революции и ее вождей— „Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и саботажем“.

Лютая ненависть эта не потухла и поныне, когда этот орган грозной защиты и возмездия, с прекращением открытой контр-революции, эволюционировался в Государственное Политическое Управление—ГПУ.

Буржуазия, крича о „зверствах ЧК“, клевеща на нее неустанно и нагло, как будто забыла, что ее политические охранки, защищающие власть меньшинства над большинством, в тысячи раз более жестоки и при этом служат не делу защиты прав трудового, угнетенного народа, а делу насилия над ним.

Буржуазия, применявшая и применяющая в контр-революционной борьбе самые свирепые репрессии, самые невероятные пытки, считает это такой же своей „священной“ привиллегией, как и „священную собственность“.

Она хотела-бы, чтоб революция вышла на борьбу с буржуазной контр революцией в бархатных перчатках и гладила-бы по головке тех зверей контр-революции, которых буржуазия высылала и одиночками, и группами, и десятками тысяч.

Пусть, дескать, благородные защитники прав трудящегося человечества борются только благородными средствами—убеждением, непротивлением и любовью с терпением,—вот это будет хорошо!

Но борющийся пролетариат, не будучи жестоким и мстительным, не может быть и мягкотелым непротивленцем-толстовцем. Победив же, он не мстит, как это всегда делала буржуазия, а зовет на работу.

Но, когда ему в спину наносят удары,—он отвечает ударом на удар. Он обязан это делать, ибо бесконечно ценно то, что добыл он в борьбе впервые в мире!

Органы пролетарской защиты—ЧК образовались лишь тогда, когда буржуазия, эсеры и меньшевики повели вооруженные нападения на Советскую власть, ее вождей, ее работников.

Эти органы защиты не только отвечали на удары, но и предупреждали их. И мы можем теперь сказать, что зоркий глаз чекистов спас тысячи жизней пролетариям и их вождям, предупредив во-время развитие заговора или вооруженного выступления.

Из отчета ЧК мы знаем, что число жертв ее репрессий очень немногим превосходит число жертв ее органов, принесенных во время исполнения революционного долга охраны завоеваний пролетариата.

Саратовским органам защиты революции, ЧК и ГПУ, пришлось выполнять в высшей степени ответственные и трудные задачи и тоже принести не мало жертв.

Начиная с майского восстания в 18 году, которым руководил офицер-черносотенец Викторов, продолжается почти непрерывный ряд контр-революционных выступлений в городе и в губернии.

Чехо-словаки, заняв Вольск и Хвалынск, где эсеры организовали бандитские восстания, жертвами которых пало много товарищей—коммунистов и беспартийных рабочих и крестьян,—сливаются в общий белогвардейский восточный фронт.

В августе 18 г.—новый военный заговор „поспеловской группы“ (генерал Буринин и др.), задавшейся целью прорыва фронта.

В 19 г.—ликвидация саратовского отростка „Национального центра“. 20 г.—памятный всем и особенно обманутым эсеро-меньшевиками рабочим март. Волны бандитских движений: Антоновщина, Сапожковщина, Поповщина, Вакулиновщина, Серовщина и др.—„Советы пяти“ и „Реввоенсоветы“.

Со всем этим контр-революционным походом мог бороться только крепкий и зоркий орган. Его вызывала к жизни, его организовывала и выковывала сама контр революция.

В этих органах работали сами рабочие и крестьяне—труженики. Они боролись на фронтах, они строили Советскую власть, они же и здесь стояли на зоркой страже и своей железной рукой пресекали контр-революцию, проявляя героизм не меньший, чем на фронтах.

В „Известиях“ не раз помещались письма сдавшихся бандитов, которые, каясь в своих преступлениях против трудового народа, благодарили агентов ЧК за то, что те бесстрашно являлись прямо в лагерь бандитов, идя на верную мученическую смерть, и там убеждали заблудших сдаться, обещая им от имени Сов. власти прощение.

Борьба с заговорами и бандитизмом, повидимому, окончена. Но органам защиты и охраны мирного социалистического строительства еще не мало дела. Пережитки старого—взяточничество, спекуляция, грабежи—все это требует борьбы, ибо все это—претворенная контр-революция.

НЭП развязывает старые инстинкты эксплоатации и наживы.

Г. П. У.—на-чеку и здесь.

Б.

Обзор военного дела и военных событий в Саратовской губернии (с 1917 по 1922 год.).

В. Врагин.

I.

Рассмотрение развития военного дела и прохождения военных событий—вообще, и в условиях нашей Революции—в частности, никак не может ставиться вне зависимости от общего хода истории—вообще, и нашей Революции—в данном случае; все наше военное строительство и военно-оперативная работа носит ярко выраженный революционно-политический характер; только этим обстоятельством можно об'яснить успехи нашего военного дела и оружия в условиях голодовок, недостач в боевом вооружении и отсутствия правильно сформированного войска в атмосфере контр революционных движений и летучести фронта.

Все четыре года старая Россия являла собою кипучий котел; в нем она вываривалась, обреченная на гибель всем предшествующим своим политико-экономическим развитием, доведенная до кипячения империалистической войной, чтоб возвестить величайшие социальные идеи и превратить их в реальные ценности с властью восставшего против порабощения и эксплоатации класса; над старыми устоями история поставила крест, но умирающий класс не мог сдать добровольно своих позиций и крепостей, хватаясь за соломинку, чтоб отстоять свое существование, хотя и был обречен на гибель; борьба, следовательно, была не на жизнь, а на смерть, по всем линиям и фронтам: борьба шла на митингах, в прессе, дома, в учреждениях; вооруженная борьба была лишь одной из разновидностей этой исторической схватки и являлась только наиболее кровавым ее напряжением.

Инстинкт рабочего и крестьянского индивидуума, превратившись в стихию класса и истории, гнал его, голодного, холодного и безоружного, на захват поместий, фабрик и власти против пушек и пуль; ему было безразлично, вымирать ли под пятою капитала или схватить последний за горло, чтоб его раздавить и царствовать; этот инстинкт и стихия вооружали массу кулаком, палкой и ружьем, организуя его стихийно в процессе борьбы и успеха.

В этой борьбе отдельные восстания постольку, поскольку они не были выявлением контр-революционного под'ема, были иногда отражением успокоения этого инстинкта, откалывавшегося от общего движения в силу достижения на месте успеха; но там, где не чувствовалось частичных успехов, масса геройски продолжала борьбу; именно этой силой и была Красная Армия.

Революционное движение было восстанием всей подневольной России; вне этого успех его не был мыслим; но движение в отдельных местностях имело оформляющее его значение, служило сигналом для других, давало им успех и предрешало в них борьбу; в этом смысле надо рассматривать значение движения в столицах для провинции, но и Саратовская губерния заняла не последнее место.

Плодородная, не знающая унаваживаний и трудолюбивой вспашки центральных губерний, усеянная богатейшими поместьями, извлекавшими громаднейшие доходы без переработки сырых продуктов земли в фабрикаты, Саратовская губерния представляла собою яркий пример развития крупного земельного капиталистического хозяйства, вокруг которого жил мелкий крестьянин-собственник, подправлявшийся кабальной арендой земли у помещика или через занятие ремеслом; плодородие почвы и подсобный промысел ремесленничества или работа в поместьях давали ему сносное существование. Но капитализировавшееся сельское хозяйство неуклонно вело к расслоению крестьянского населения, выделяя из него хуторян-богатеев и даже целые кулацкие села, пролетаризируя другую часть в виде сельско-хозяйственных рабочих различных специальностей, гоня других в город и создавая вокруг мельниц, молочных ферм и ссыпных пунктов рабочих, служащих и купцов. Словом, Саратовская губерния ускоренно шла по пути капитализации производства.

Оно вызывало необходимость создания буржуазно-интеллигентских сил, выращиваемых вокруг производства ради его потребностей через

насаждение высших учебных заведений в своем политико-экономическом центре, в г. Саратове, а последний, будучи таковым и стоя на границе с богатейшими степями на востоке, с полудиким их населением, с малоразвитым ближайшим к себе севером и с отдаленным от центров югом, превращался справедливо в столицу Поволжья, сохранявшего в себе буйный и упрямый дух разиновщины и пугачевщины.

Все эти причины должны были сделать Саратов и губернию революционным очагом, который варил в Революции не последнюю и не малую кашу. Ход общероссийской борьбы еще более усугублял его значение тем, что он, захватив экономические и политические блага и самостоятельно отстаивая и отстояв их, в силу этого, естественно, сделался единственной житницей для Красной Армии и столиц, расположенных в полосе нехлебородных губерний и частенько отрезывавшихся от своих более близких, удобных питательных баз; правда, это впоследствии истощало губернию, на почве какового явления находили себе иногда место отдельные восстания крестьянства, но эти жертвы и заслуги губернии в целом от нее не отняты

Лишь именно тем, что Саратов по своим особенностям должен был занять третье место в Революции, можно об'яснить, что ни одного раза он не сделался жертвой контр-революционного захвата, каковому подвергались прочие многочисленные города, имевшие крупное значение, и до настоящего времени ведет твердую политическую линию с сильной организацией Коммунистической Партии, поборов и разложив прочие партии, свившие было себе в губернии крупные силы и опорные пункты на почве благоприятствовавших им особенностей капитализации в ней производства, и разбив у своих стен полчища Деникина, Колчака и банд.

II.

Ненавистная царская власть пала; это знаменовало, что натурально-помещичий и торговый уклад пал; победил промышленный капитал, долженствовавший начать владеть и править; у власти должен был он вст ть и встал (было после февраля), имея в центре кадет - партию промышленного и финансового капитала, на услужение которому путем предоставления кадетами уступок пошли право-социалистические партии, по своему классовому (служивому) положению и экономическим интересам промышленно-финансовому капиталу сродные.

Рабочий класс и некоторые группы крестьянства должны были остаться в благородной позе парламентской оппозиций в будущем учредительном собрании, подвергаясь всем прелестям эксплоатации развитого капиталистического хозяйства, обремененного военными долгами, перекладывающего их через налоги на плечи рабочих, расстроенного войною, алчущего новых колоний и рынков, чреватого войнами, экономическими кризисами, локаутами и безработицей.

В этих предвидениях ближайшего будущего рабочему не оставалось ничего более, как углубить революцию до разрешения проблем капиталистического строя путем внесения в жизнь начал социалистического хозяйства; это значило продолжение борьбы, но не по линии фронта капитала, а против этого фронта; кровавые июньские события семнадцатого года в Питере показали, как резки противоречия интересов этих двух классов, какая ожесточенная, более трудная, чем февральская, борьба предстоит, и что капитал свои позиции будет отстаивать до последней капли, до последнего вздоха.

Стихийное сознание, что покориться, вымирая, и вести тягучую мучительную борьбу впоследствии—дороже, чем открыть борьбу сейчасже, ближе к целям и более осуществимо,—решило вопрос.

Возможность претворения целей в жизнь не могла казаться химерой: не было оснований думать, что рабочий класс не справится с управлением страною, с контролем и регулированием производства и распределения; но это мыслилось не достижением сотрудничества классов, а политической и экономической диктатурой пролетариата. Борьба была открыта.

Ее удары должны были быть направлены по всем фронтам. Советы депутатов противопоставили себя министрам, давая свои законы для рабочих, крестьян и солдат; но в советах были и соглашательские элементы,—надо было от них отмежеваться, надо было ярче отразить борьбу на улице, надо было разложить армию, классово нечистую, управляемую враждебным рабочему офицерством. *Разложение армии началось.* Но каждая сторона концентрировала свои силы в процессе разложения власти, армии и населения. *На место своей армии рабочий выдвинул красную гвардию*; пролетарские элементы об'единялись вокруг лозунгов—долой войну, фабрики рабочим, земля крестьянам; буржуазия группировалась под лозунгом - учредительное собрание—и организовывала ударные, казацкие, юнкерские, корниловские отряды. Враждебные группы размежевались и вступили в последний и решительный бой. Октябрь его разрешил, но не добил: три года остатки погибающего мира цеплялись за жизнь и, как чахоточные, вспыхивали ярким огнем страсти—к жизни. В условиях разорения хозяй-

ства и истощения материальных и психических сил для пролетариата борьба оказалась тяжелой, способной принести Пиррову победу. Но пролетариат вышел из нее победителем.

Ход развития Революции в Саратовской губернии—точное эхо изложенных общих обстоятельств, условий и борьбы. Разложение армии, появление красной гвардии, расслоение населения, борьба советов с право-эсеровскими комиссарами временного правительства, захват земли, переход власти к советам, конструирование органов власти, формирование красной армии, борьба с заговорами, восстаниями, бандами и полчищами—точная копия событий в общероссийском масштабе, не отстававшая по времени совершения от событий в столицах.

III.

Самостоятельно вооружившийся рабочий, неорганизованно и случайно поддерживающий порядок и защиту своих свобод,—красногвардеец; несколько позже, к концу 1917 г., организованно вооружившиеся рабочие—тоже назывались красногвардейцами. Это были первые боевики, однако, еще не действовавшие на фронте или вообще в бою, как его мы понимаем. В первом виде в Саратове они появились вскоре же после Февральской Революции, во втором виде—после Октября; Городской Совет и Губисполком своим постановлением ввели этот институт; в уездах он стал появляться с марта 1918 г., когда начали формироваться уже красноармейские отряды.

Разложение местных полков, расположенных в Саратовской губернии и Саратове, началось с июня 1917 года; 6 ноября начался их роспуск в бессрочный отпуск; к маю 1918 г. они были официально распоряжением органов старого еще командования расформированы, и личный состав демобилизован.

Ближайшим поводом к разложению полков послужили отмена чинов и погонов и введение выборности командного состава, об'явленное в Саратовской губернии в промежуток октябрь—декабрь

Эти распоряжения Советов послужили активной радостью для солдат, как символ раскрепощения их от гнета, и усилило в офицерстве организованную враждебность Советам, особенно резко проявившуюся в Саратове в майском восстании 1918 г.; инциденты со снятием погон и арестом упорствовавших офицеров были мелкою, для нас уже потешною и безобидною, деталью этого времени.

Они же послужили началом расслойки офицерской среды, пошедшей потом частью в Красную Армию, частью к белым, частью скрывших свое звание.

Наиболее большевистским был 141 пехотный запасный полк, переброшенный летом в Саратов; в этот период еще была со стороны офицерства попытка руководить политической жизнью полков, для чего был создан даже Военный Комитет, председателем которого состоял некто Осипов; входил в него т. Соколов, вскоре же примкнувший к большевикам и впоследствии назначенный Губернским Военным Комиссаром; был в нем некто Викторов, впоследствии один из ярых руководителей юнкерского восстания. Такой состав не сулил прочности Комитету, не давал ему авторитета и влияния, и он перед Октябрем сам по себе развалился.

Для иллюстрации настроения солдат следует отметить результаты голосования в Учредительное Собрание 1-го полка в ноябре 1917 г.: кадеты получили 62 голоса, эсеры—около 1000 и большевики—2600; голосование происходило под давлением эсеров или, в лучшем случае, беспартийного офицерства избирательной комиссии полка.

Материальная часть расформированных полков в Саратове ушла немедленно же на сформирование красноармейских частей; в большинстве же случаев она была или расхищена, или бесхозяйственно использована, или брошена.

Но останавливаться на этом излишне, так как главный предмет изложения—формирование советских военных органов и Красной Армии

IV.

В то время, как пролетариат провинции напрягал усилия на завоевания свобод, стихийно к тому влекомый независимо от достижений в центрах, буржуазия зорко учитывала успехи революции в последних и заблаговременно покинула провинцию; Октябрьский переворот в Саратове существенного ничего не изменил в фактической обстановке: воинствующей буржуазии уже не было, ее присоски—чиновничество и офицерство—без нее были ничтожною силою, развал дореволюционных учреждений был в полной мере, Исполнительный Комитет Рабочих и Солдатских Депутатов вел неуклонно свою линию работы.

Октябрьский переворот для Саратова имел существенного лишь то, что вопрос о власти стал окончательно ясным—вся власть Советам фактически и юридически,—и что местному Исполнительному Комитету надо не только ниспровергать старое, отжившее, но и начать строить, строить государственно.

Революция поступала гигантскими шагами вперед и давать руководство из центра низам не могла быстро; сам центр нуждался в опыте и указаниях мест. И надо сказать, что Саратов с первых шагов оказался на высоте положения, быстро и энергично конструировал власть, принимая собственные ответственные решения, тем укрепляясь и укрепляя центр.

Всем делом руководил старый партийный работник, энергичный и умный тов. Антонов; ближайшим его помощником была не менее сильная личность—тов. Васильев. Тесная спайка в их работе с другими товарищами долго еще и потом выделяла из рядов партийной организации преданных делу Революции товарищей, прозванных антоновцами. В памяти Саратова антоновцы будут жить.

В первое время после Октября военной опорой Исполкому служила красная гвардия во втором ее смысле; существовавшая самооборона, созданная в период керенщины, как покоившаяся на мелкой буржуазии и порядка в охрану города не вносившая, была распущена.

Казалось, Октябрь дал возможность рабочему возвратиться к станку, положив оружие; это движение в настроении рабочих масс было, и его пришлось разбивать, призывая рабочих не оставлять винтовок; но процесс развития революции шел своим чередом; красная гвардия отживала свое время; под ее видом оставалась новая, темная группа, продолжавшая носить винтовку, самовольно делать обыски и выемки; с этим преступным элементом новой власти пришлось бороться; борьба с нею была покончена при подавлении майского восстания, где она являлась не последним ядром, искавшим наживы в мутной воде. На такие элементы опиралось юнкерство Мая.

Выкинутые из обихода жизни буржуазия и правосоциалистические партии, между тем, начинали повсюду копошиться: в одних местах они оперлись на остатки старой армии, в других—бандитствовали и разжигали темные или сочувствующие им элементы населения. Последнее обстоятельство имело место в Саратовской губернии: то в одном, то в другом кулацком селе подымались восстания, а этих кулацких сел после Октября возникло больше; часть крестьянства, захватив поместья и поделив их богатства, самоублажалась и дальше за революцией идти не хотела.

Правда, эти восстания были не часты, не повсеместны и широкого отклика в крестьянстве не находили, ибо Октябрь обнаружил, что эсеровская социализация, как владение землей общиною, не разрешает аграрного вопроса, так как не удовлетворяет землею крестьянство в целом, создаются в нем привилегированные группы, и что разрешения вопроса надо искать в национализации земли, поставленной на началах технически оборудованного производства.

Но эти восстания могли иметь чреватые последствия не только для Саратова, но и для всей Республики; во многих местах шли вооруженные отряды; в заволжских степях и на юге вскоре начал организовываться Каледин, Корнилов; к чести Саратова надо признать, что предстоящую обстановку он предвидел; он предвидел вооруженную борьбу в поле.

А для боя в поле красная гвардия не годилась. *Нужно было создать постоянно готовые вооруженные отряды. Саратов это учел и вскоре же после Октября приступил к их формированию.* Следовали этому примеру и уезды.

Эти отряды были вторым этапом в вооруженных способах опоры Социалистической Республики.

V.

Всем военным делом города и губернии ведала первоначально военная секция при Исполкоме, реорганизованная позже в военный отдел; во главе стояли Блинов, Бедринцев, Шварц; вошли позже (с февраля 1918 года) в него т.т. Брагин, Новиков, Вальтер и другие. Приглашены в него были разновременно и военные спецы—Туманович, Юстус, Антонов и другие, в большинстве бледные, без революционного размаха и без революционной энергии; выделялся несколько Антонов, командовавший в ближайшие два года короткими фронтами; комендантом города в это время был спец Рымвид, бывший воинский начальник, впоследствии начальник Саргубмоба.

Секция ведала разностороннейшими делами—реорганизовывала Управление Воинского Начальника, оказывала содействие демобилизованным солдатам, вела среди них агитацию, об'единяла их, вербовала и формировала красноармейские отряды; оперативного значения однако не имела.

Не имела потому, что военные операции того времени не являлись точно таковыми, а были военно-революционными действиями, где успех имел не спец, а революционер, не талант и не опыт первого, а второго. Майское восстание подавил не военный спец, а присяжный поверенный Антонов; тоже было и в марте 1921 г.

Отдел образовывал отряды из добровольцев, им вербуемых и поверяемых в их классовой принадлежности и революционной стойкости. Правда, эти отряды еще не были достаточно дисциплинированы и склонны были митинговать по вопросам, имевшим революционное значение лишь

при разложении старой армии, как о равенстве оплаты красноармейского и командно-инструкторского состава; были митингования перед посылкой в бой, но все же для своего времени они сделали свое: их силою было разбито не одно мелкое восстание, их сила наводила порядок в уездах, их сила взаимно укрепляла самое себя, готовя почву для создания настоящей красной армии.

Первоначально эти отряды были немногочисленные и мелкие; в некоторых местах губернии они возникли самостийно, никому не подчинялись, сами себя содержали наложением контрибуции на окрестную буржуазию, по собственному почину вели боевые операции; таков был ртищевский отряд Сережникова; позже пришлось эти отряды распустить, так как они начинали в государственное строительство вносить своеволие; но успех действий под Ртищевом над чехами обязан отчасти и им, особенно отряду Солонина.

Революционно-военного значения таких первичных формирований нельзя отрицать; Саратов ими дважды в первое полугодие 1918 года поддержал даже Москву, выслав на ведшиеся ею операции свои небольшие части (латышей).

Они послужили ядром и для дальнейших войсковых формирований, они выростали в форменные войсковые единицы, пополняемые тридцатками из волостей.

VI.

Ход революции первых двух месяцев 1918 года еще не требовал крупных и правильных воинских формирований. Буржуазия задвигалась после, когда над учредительным собранием, где согласно общих результатов выборов она должна была преобладать над пролетарскими голосами, был поставлен крест, когда всем стало воочию видно, что строится решительно Советская власть, с которой нужно начать бороться уже вооруженно.

Пока буржуазия разбиралась в создавшейся обстановке и, оформляя свое понимание, готовилась к борьбе, Советская власть строила свой аппарат, серьезно еще не безпокоимая крупной буржуазией; но движение ее пахло в воздухе и требовало крупных военных формирований.

Указания Центра об этом докатились до Саратова лишь в апреле 1918 года. Вербовочное отделение Военного отдела усиленнее начало вербовку; военспецы держались в это время в лучшем случае выжидательно.

Весна 1918 года ознаменовалась для Саратова первыми серьезными военными операциями; через западную и северную полосу губернии проходили чешские полки, державшиеся двусмысленно; в Вольске произошло восстание буржуазии, рассчитывавшей на соединение действий с волжскими белыми войсками; в самом Саратове поднялось восстание; с юга подкатывал Каледин.

Первые чешские эшелоны прошли по линии Ртищево—Пенза—Сызрань спокойно, сдав в Сердобске значительное военное имущество—аэропланы, автомобили и т. д.; вторые эшелоны (около 2000 чел.) простояли в нем около двух недель, обучаясь, кормясь из средств местного Исполкома, но держась обособленно; приказ Центра о сдаче ими винтовок не был выполнен; на требование товарища председателя Сердобского Уисполкома Щеголькова командиром чешского полка было заявлено, что оружие сдано не будет, что при попытках их разоружить они окажут сопротивление. Но Сердобск имел один отряд в 50 штыков, с помощью которого разоружить их нельзя было. Однако, чехи той-же ночью постарались продвинуться дальше.

Сердобск принял меры к встрече следующих эшелонов: вооружил рабочих города, призвал на помощь крестьянство и усилился ртищевским отрядом Сережникова. Но эшелоны, теснимые с запада отрядом Солонина и с востока отрядами Саратова, в Ртищеве дали бой ртищевским рабочим и, разбив его, продвинулись к Сердобску, где, предупредив встречу с мчавшимся на их поезд пустым паровозом, высадились, обошли пешим ходом Сердобск, не приняв решительного боя, и ушли на Пензу; в бою под Сердобском студеновские крестьяне потеряли до 100 человек ранеными и убитыми.

По пятам чехов двигался Солонин, отряд саратовцев и сердобчан; но отряды были слишком малочисленны, внутренне не спаяны и между собою не согласованы, чтоб иметь успех в преследовании. Впрочем Саратов для руководства преследования выслал своего представителя—организатора Красной Армии тов. Брагина с высшей военной инспекцией, которые употребили больше энергии на борьбу с дезорганизующими началами в этих отрядах, особенно, в Пензе, перед Кузнецким боем (кто должен быть командующим).

Позже, но около того же времени, поднялось восстание в Вольске; белогвардейский отряд составился из кадет местного кадетского корпуса и гимназистов, ушедших в степи после того, как против них был выслан саратовский отряд под командою Горбатова; наблюдение за операциями было возложено на члена Губисполкома т. Сергеева Михаила.

Большую роль т. Сергеев сыграл и в подавлении майского восстания в самом Саратове. Волна боев в сфере территории Саратовской гу-

бернии организовала движение безработных инвалидов и демобилизованных солдат, юнкеров и преступников. Восстание началось внезапно. Стреляли, били артиллерией; никто не знал, где свои, где чужие, кто и почему выступил; но удары снарядов по Губисполкому ясно давали понять, против чего направлено движение. Руководить операциями в такой сумятице было трудно, но Губисполком и его председатель тов. Антонов твердо повели борьбу, отчетливо разобравшись в обстановке.

С этих пор Саратовская губерния находилась непрерывно в зоне или в сфере военных действий до конца 1921 года.

VII.

Около мая 1918 г. поступили в Саратов декреты о создании красноармейских частей, военных комиссариатов и о всеобщем военном обучении; военное дело вступило в новую фазу развития. О необходимости правильной постановки военного строительства говорили Саратову и предшествующие события.

Ответственным работникам Военного Отдела 1-го июня было приказано в два часа сформировать Губернский Военный Комиссариат, по счету третий в республике, таковое же распоряжение дано было и уездам; с 4-го июня уездные комиссариаты уже приступили к работе. Так формировать может только Революция.

За время своего существования военные комиссариаты пережили многочисленные переформирования, но основания их структуры и функции оставались неизменно одни и те же; в этом проявился гений Революции.

Правда, и в них, но не надолго, был внесен принцип коллегиальности—было два комиссара. Но и время было такое, когда два ума было лучше.

Первое время комиссар являлся не только главою учреждения, руководителем военного управления и формирования частей, но и боевиком; последнее вскоре отпало.

Первым Саратовским Комиссаром был Соколов. Из других комиссаров следует отметить Щербакова, Молдавского, Крапивина, второго Соколова; прочие были мелкими личностями; из военных руководителей, как спецев,—помощников комиссаров—умницу Шарскова и Разумовского, из прочих спецев—Рымвида и Николаева; из уездных комиссаров—Горбачева, Дворянчикова, Шустова, Персидского и Понятовского.

Все комиссары были недолговечны на посту—обстоятельства перебрасывали их через 5—8 месяцев на другую работу.

Первично Комиссариат состоял из следующих отделов—общая канцелярия, секретариат, политод, адмоб, всевобуч, снабжения, квартирный, инженерный, санитарный, юридический, транспортный и т. д., т. е. охватывал все функции государственной жизни; впоследствии некоторые отделы получили самостоятельность, например, вместо квартирного и инженерного был создан Губвид, другие, как юридический, были ликвидированы вовсе, третьи реорганизованы с уменьшением числа отделений и штатов; но до сих пор комиссариаты, свернувшись, выполняют те же функции.

Комиссариатом сформированы полки, бригады и не одна дивизия, которые немедленно отправлялись на фронт; знаменитая дивизия Киквидзе—это формирование Саратовского Губвоенкомата.

VIII.

Как остаток опоры власти на красную гвардию, надо считать существование в Саратове до середины 1919 г. Штаба Внутренней Охраны, во главе какового стоял тов. Сидов.

Штаб брал на учет всех рабочих, обучал их военному делу, собирал их на казарменное положение, нес с помощью их охранение города.

Но с возникновением Комиссариатов и правильных войсковых формирований, с укреплением Всевобуча, обучавшего и организовывшего рабочих, и Штаба Коммунистических частей при Губкоме Р. К. П., обучавшего военному делу коммунистов, Штаб Внутренней Охраны оказался ненужным и был ликвидирован.

IX.

В обстановке условий 1918 года идея всеобщего военного обучения в Саратовской губернии была популярна.

Во главе Губернского отдела Всевобуча встал беспартийный, но энергичный подпоручик Попов, впоследствии бывший Губернским Военным Руководителем.

Вся губерния в 1918 году была охвачена обучением. Обучались с призывного года до 49 лет. В одном этом году оказалось официально обученными до 160.000 человек.

Всевобуч кипел, захватывал в свои руки спорт, растворяя идею чистого военного обучения в необходимости физического оздоровления и развития масс.

В 1919 г. он выступил на трудовых общественных работах, впитавши в себя и эту идею, и принес громаднейшую пользу для фронтов.

Транспорт был разрушен, дороги заносились снегом, нуждались, как и города, в топливе, а

между тем, он составлял нерв военных операций, который нужно было спасти во что-бы то ни стало. Тысячи допризывников были брошены на снегоочистку и заготовку топлива в морозы и при недостатке питания. Сотен верст очищенной от снега железной дороги и тысячей кубов нагтовленных дров допризывниками 1900 и 1901 года рождения Саратовская губерния не забудет.

Не одна тысяча допризывников копала окопы по окраинным уездам губернии для встречи на них донской контр революции.

И Всевобуч словно вырос. В 1920 г. он был выделен в самостоятельное учреждение—Полковой Округ, присоединил к себе Штаб Коммунистических частей; обучая казарменно допризывников и принял энергическое участие в борьбе с бандитами, в ликвидации каковых ему принадлежит большая доля участия.

Во главе Полкового Округа стоял т. Брагин.

Под влиянием успехов работ Полковых Округов в центре долго еще стоял открытым вопрос, быть-ли милиционной или постоянной армии. Отсутствие твердо, классово дифференцированного населения в обстановке постоянной угрозы со стороны капитала решило вопрос во втором смысле. Полковые Округа были в 1921 г. вновь влиты в Комиссариаты.

X.

Находясь в зоне военных действий, Губвоенкомат с 1919 года начал испытывать на себе многочисленные давления: с одной стороны, мобилизации лошадей, повозок, хлеба, фуража и людей в порядке приказов Р. В. С. Р.; с другой—произвольные распоряжения и мобилизации оседавших на территории губернии штабов армий, не считавшихся с выполнением Комиссариатом общих заданий. На этой почве шли трения, а губерния истощалась во всех отношениях. В конце 1920 года поставка на армию, например, лошадей находилась уже в критическом положении. Экстерриториальные части все же с этим не считались.

Сам Саратов нуждался в продовольствии и неоднократно оказывался в тяжелом продовольственном положении, а войск в нем стояло много. С конца 1919 г. в нем был сформирован штаб Укрепленной обороны, просуществовавший до года.

Штаб располагал крепостной бригадой, брошенной вскоре на фронт в заволжские степи. Штаб все же оставался.

В конце 1919 года положение Саратова от подхода Деникина сделалось угрожающим; часть учреждений уже эвакуировалась, часть готовилась к тому; комиссариат должен был выехать последним, но обстановка изменилась—Деникин не дошел до Саратова за 50 верст.

Зато в Саратов нахлынули армии: стояли попеременно четвертая, девятая и десятая. Четвертой армией командовал саратовский парикмахер, талантливый т. Хвесин, сражавшийся потом с своей армией на Западе и Юге России, фронтом же спец.—Шорин, человек железной воли и больших способностей; из других лиц отметил себя Авксентьевский.

Сейчас мы входим в русло мирной обстановки, в которой незаметны у станков таланты по всем отраслям человеческой деятельности; только в известных условиях они проявляют себя, и их стоит отметить; в обстановке текущего момента они кажутся небольшими, но, обозревая события в прошлом, их фигуры вырастают, становится понятен их талант, геройство масс и величие событий; в лице Хвесиных Российская Революция выдвинула полководцев новыше Французской Революции; потому-то приходится приводить и имена.

XI.

Нельзя особо не отметить способов и форм укрепления Красной армии, тех средств, которые спаяли ее и сделали сильной.

Первые отряды ее были набраны из добровольцев; нельзя сказать, чтоб такой выбор был удачен, несмотря на поверку принимавшихся; в состав отрядов вошла значительная доля тех, кто отбился от работы в империалистическую войну; такой состав не сулил крепости и политической стойкости, но другого выхода в первое время не было.

Уже в марте 1918 г., когда стали обнаруживаться дефекты такового набора, прибегли к наборам среди рабочих организаций; среди них шла добровольная вербовка и по профессиональной мобилизации; совместно с коммунистами эти кадры укрепили отряд и дали возможность развернуть в полки.

С осени 1918 года формирование красной армии перешло на начало обязательных призывов, при чем из буржуазного элемента первоначально формировались специальные рабочие дружины, которые по укреплении красной армии были влиты в нее без особого опасения за это.

Но непрерывно и особенно в опасные моменты и места профессиональные и партийные организации продолжали вне общих наборов давать своих членов, цементируя армию. Эти мобилизации взяли лучшую часть из саратовских организаций, ослабили их, что резко сказалось в марте 1921 года, когда рабочие подверглись было панике от наскока мелко-буржуазной стихии, но за-

то для укрепления военной мощи Республики они принесли незаменимую пользу.

Саратов разновременно по партийным и профессиональным мобилизациям дал за три года до 20.000 человек, что составляет к общему числу призванных за это время до 8%.

Были моменты, особенно во время подхода к Саратову Деникина, когда части, состоявшие до 30—60% из рабочих и коммунистов, бросались в опасные места, несли тяжелейшие потери или просто гибли, но эти жертвы несли победу, ибо от них ослаблялся или разбивался противник.

Способ таких ударных формирований применялся и во время операций против банд: курсанты, коммунистические и рабочие отряды были действительным кулаком, который больно ударял по бандам; особенно характерны в этом отношении операции в марте 1921 года.

Революция куплена действительно кровью и страданиями рабочего класса и коммунистической партии.

XII.

Лишь гений Революции мог вести военные операции так, как они велись, в тех условиях, в которых они находились. Военная история примеров этим операциям не знает.

Фронты возникали и падали стихийно; моментом переменяли свое направление; то тянулись длинной линией, то линией с глубокими клинами, то образовывали линию круга, то в этом кругу образовывались свои фронты.

Гражданская война знает переходы частей, превзошедшие переходы Суворова и империалистической войны; переходы доходили до 120 верст в сутки; с негодными средствами переходили Дон и Волгу; войска перебирались вплавь; брали голыми руками проволочное заграждение; впервые в военной истории получил значение уличный бой.

Сами укрепления строились так, что могли вызывать удивление, для кого они выстроены, как, например, окопно-проволочное заграждение вокруг Саратова; строились иногда с явным отсутствием понимания военного дела, а, может-быть, и с затаенными целями, но какими-то чудесами и они для красной армии приносили пользу.

Действия и части не были взаимно связаны; каждая часть тянула за собою громадные малоподвижные обозы; сражались с повозок; повозки служили и укреплениями.

О жестокости боя и отношениях к пленному говорить нечего: пощады не было, добивали раненых, забот о них никаких; из пленных составляли части и пускали их в бой; они переходили вновь на прежнюю сторону, вновь попадались и вновь уходили; Советская власть долго вопияла к человечности врагов, минуя и щадя их сама.

XIII.

Наиболее многострадальными уездами от военных операций явились заволжские и Балашовский; правда, доставалось Камышину, подвергался разорению Хвалынский и Вольский; от бандитизма и восстаний пострадали Аткарский, Петровский, Вольский, Саратовский и Сердобский, но то, что непрерывно переживали первые, не пережил ни один прочий уезд.

Восстание крестьян в конце 1918 г. под Татищевом у Саратова, восстание их в Няше и Бакурах Сердобского уезда в том же году, сопровождавшееся убийством председателя Уисполкома,—были мелкими фактами.

События развернулись тогда, когда, начиная с 1919 года, поднялись уральские казаки, и к Саратову двигался Деникин, а через западные уезды губернии проходили изменившие революции кавалерийские части Миронова и Мамонтова; положение было угрожающим и тогда, когда восставали вблизи Саратовской губернии части в роде дивизии Сапожкова, из остатков которых набирались впоследствии банды; положение было угрожающим потому, что нельзя было знать, какой из командиров увлечет свою часть на измену рабочему делу.

Если в самой Москве был открыт заговор кадета Щепкина, заделавшегося коммунистом и приобретшего в партийных кругах доверие, естественно было недоверие даже к командирам коммунистам из офицеров с классово-неустойчивой их психологией, как это показал Сапожков.

Военные операции надо считать революционными операциями не только по существу дела и по прочим причинам, изложенным выше, но и потому, что командир должен быть классово определившимся; а у нас был непроверенный в этом спец; лишь комиссар при нем словно исправлял положение, но зачастую именно он и руководил боем, вдохновляя его, и командовал; спец-командир зачастую при нем оказывался иногда даже ненужным советчиком; правда, когда операции приняли более военный характер, вмешательство комиссара сделалось даже вредным, но из рядов комиссаров вышел зато не один прекрасный полководец. Таково было значение комиссаров.

Их влияние на массы было громадное. Полк, составленный из крестьянской массы, не желавший слушать приказ командира, слушал комиссара, хотя он был единственным в полку коммунистом.

Сердобский красный полк, стяжавший себе на фронте Тамбова красное знамя весною 1919 г., не пошел осенью с отдыха в Сердобске опять в бой; командиры грозили, дело доходило до того, что хоть разоружай полк. Но революционное слово комиссара двинуло полк в поход; перенеся величайшие страдания от переходов, голодовок и морозов в Заволжье, взяв Астрахань, он частями сдался было уральским казакам, потом, вновь, раскаявшись, вернулся. Но не красноармейцы виноваты в измене—виноват предавший их командный состав. Из полков, сформированных Саратовской губернией, это был единственный случай печальной памяти; неустойчивость в бою проявила позже и крепостная бригада, — но только неустойчивость; но эти части не имели рабочего состава: были или чисто крестьянскими без коммунистических ячеек или со слабым рабочим составом, ушедшим ранее в другие части; прочие саратовские части за собою не помнят грехов.

Упомянутый выше Сергеев фактически командовал первой Саратовской бригадой на уральском фронте с конца 1919 года до середины 1920 г., официально считаясь помощником начальника штаба, так как командир бригады бывший губернский военный комиссар т. Соколов по делам службы часто отсутствовал. Вот те, кто были действительными командирами, ведшими операции успешно.

Саратовская бригада была послана на фронт, когда легендарный Чапаев с своими чудо-красноармейцами, влюбленными в своего вождя, таял в непосильной борьбе, изнемогая, хотя бил и бил, гнал непрерывно лучшие части белого уральского казачества; бригада подошла во-время добивать все еще сильные отряды казаков, сильных тем, что они не стеснялись пожить за счет населения и ежедневно черпать из него ремонт конского состава, чтоб пролетать в сутки одну, другую сотню верст, не жалея лошадей; это был единственный у них козырь.

Бригада обошла все заволжские степи, перенося лишения, испытывая налеты казаков, вступая с ними в бой, побеждала и была бита; были трудные моменты; был момент, когда, казалось, бригада умрет, окружившись повозками; был момент панического бегства; мужество бригады восстановило порядок, оправило части и привело к победе.

XIV.

Деникин то осаждал, то брал, то отступал от Царицына. Линия фронта непрерывно менялась, принимая причудливые формы глубоких и узких клинов; эта линия в среднем шла по южным границам губернии; перед этими границами отдельные части Деникина, словно перед заколдованным кругом, останавливались; но не те окопы, которые были в Балашовском уезде допризывники, служили преградой,— они лишь демонстрировали, что в Саратовской губернии белая банда встретит серьезное препятствие; но налеты продолжались непрерывно.

Главные массы Деникина шли по берегу Волги; здесь была разбита не одна наша часть; Саратов должен был непрерывно выделять из себя бойцов; их жизнью Деникин был ослаблен и откатился назад, хотя момент был такой, что, казалось, и мы потеряли уже всякую боеспособность.

Для Саратова были эти моменты жуткими. Горсточка 20 пех. курсов, отбиваясь, защищая подступы к Саратову, задержала их на несколько дней, тем самым стяжав неслыханную в истории славу, даже среди противников.

XV.

Деникин и уральские казаки были разбиты, но они встряхнули мелко-буржуазную стихию, переутомили борьбою пролетариат и раскидали повсюду свои остатки, отщепившиеся от общества, которым нечего было терять.

Этим воспользовались эсеры: по сигналу из Парижа началась организация ими восстаний, движений и заговоров. Появился Антонов, изменил Вакулин, подняв гарнизон в Николаевске Донобласти. Грандиозный пожар в Саратове в июне 1920 г. поднял клику и в самом нем. Взрыв складов.

С августа 1920 года со стороны Тамбовской губернии Антонов начинает делать налеты на губернию, правда, первоначально осторожные и не глубокие; заметно зашевелились банды и в заволжских степях; измена Вакулина на юге окончательно подняла мелко-буржуазную стихию. Вакулин прогулялся по южным частям губернии, брал дважды Камышин, хотя и не задержался в нем.

В борьбе с этими налетами части Вохра оказались неустойчивыми, распущенными, в действиях не связанными с командным составом, вызывавшим подозрение; таков был комбат Сельский, ведший бестолково операции; таковы были и другие.

Вся тяжесть борьбы легла на коммунистические части, своевременно организованные Саратовским полковым округом, который первый в Республике дал опыт их мобилизации, работы и ведения операций; банды встретили в них организованную военную силу, правда, снабженную оружием и обмундированием в изобилии тогда, когда операции утихли; о снабжении коммуни-

стических частей оружием Полковой Округ бил тревогу, но в них не было у нашего командования веры; была одна лишь ирония, была одна лишь попытка подчинить их себе, своему разрозненному командованию; Полковой Округ бил тревогу и об этом, указывал на отсутствие в ведении операций единой воли, но и это учлось лишь тогда, когда все было ликвидировано.

Уже под Камышиным камышинские коммунистические части понесли крупные потери; но и эти потери были грозным предупреждением для банд.

Понесли потери два отряда коммунистов южнее Баланды из-за самовольного снятия с позиции двух рот Вохра и непредупреждения об этом командира коммунистических отрядов т. Петрова; т. Петров в свои части добавил кавалерийский полуэскадрон допризывников, стоявший в Баланде; все части его и здесь были вооружены плохо, вернее, никак не вооружены. В результате часть коммунистов и допризывников была взята в плен, другая побита, третья, поскитавшись, возвратилась в Баланду, ограничиваясь в дальнейшем охранением мостов и разведкой.

А при всех этих операциях разведка играла большую роль; противник действовал умело: так, например, под Еланью он продвинулся под видом крестьянского обоза; лишь коммунисты могли распознать сущность этого обоза. Но данные разведки приходили поздно,— где то застревали на местах.

Чем дальше шло время, налеты бандитов принимали все более дерзкий и глубокий характер. Ими были захвачены все западные уезды губернии. Антонов совершал непрерывные кавалерийские рейсы то в одном, то в другом месте; во время одного из них было взято Ртищево. Понятно, что коммунистические части этих уездов поставлены были под ружье, а несколько позже и в других уездах они были приведены в боевую готовность.

В самом Саратове Начальник Гарнизона вызвал подозрение; его арест в феврале 1921 г. возбуждал подозрение; что на его защиту подымется вся контр-революционная свора города; правда, сделать этого она не посмела, но зато муссировала слухи, клепала; назначенный Начальником Гарнизона Начальник Полкового Округа тов. Брагин обнаружил преступное состояние охранения города и артиллерийских складов; борьба шла глухая.

Между тем Вакулин перебрался за Волгу, был убит, его место заступил другой бандит Попов, умевший убийством на месте ликвидировать несогласия в своей среде со стороны своих сообщников; Попов с изумительной быстротой двигался по Заволжью, будоража население, нанося молниеносные удары нашим войсковым частям и ускользая от наших кулаков из курсантов; под Пугачевом он прорвался в семиверстную полосу, несмотря на наши превосходные качественные силы, однако, слабо руководившиеся командованием.

Он переправился через Волгу, взял Хвалынск, где была проявлена полная растерянность, и направился к Вольску, угрожая Саратову.

В Саратове, наконец, осознали отчетливо опасность в связи с движением в рабочей среде, возбужденной эсерами, особенно, среди железнодорожников, центр которых был в Управлении дороги, и как-будто поняли недочеты командования. Был создан Губревком. Для непосредственной оперативной работы был образован Штаб Обороны Саратова, Начальником коего назначен был тов. Брагин с заместителем тов. Блиновым; Начальником Штаба был введен талантливый командир пехотно-пулеметных курсов т. Викулич; к работе были привлечены инспектора Полкового Округа—заместитель Начальника тов. Щегольков и инспектор Ларионов.

Для наблюдения за операциями Штаб выслал на юг тов Молостова, на север—тов. Альтшулера. Штаб был сорганизован в один час, в течение ночи был разработан оперативный план. Построен был он на том, чтоб, не обнаруживая силы, можно было бы поднять их в любую минуту не более, чем через полчаса, и на любое место; артиллерия курсов могла открыть огонь по любой части города и по любому подступу к нему через 10—20 минут. Разведке было придано первостепенное значение; Штаб осведомлялся лучше Губчека о настроении населения, знал, что делается в любом районе через 5—15 минут, не возбуждая, умело ликвидировал сборища.

Важнее не допустить разыграться событиям, предупредить их, чем, дав развиться, потом их ликвидировать,—таков девиз был штаба. И надо сказать, что он оправдал себя и был проведен талантливо.

Так как войсковые части, особенно Военного городка,—обнаруживали неустойчивость и являли угрозу,—Штаб осторожно и безболезненно их обезоружил, оставив эсеров-агитаторов в дураках, а сам создал ударный кулак из курсов, коммунистов, сводного батальона допризывников со школой младшего комсостава и из них же и кавдивизиона Полкового Округа.

Когда Попов наседал на Вольск, ударные части хозяйств. курсов Штаба Обороны находи-

лись уже под Базарным Карабулаком, а два кавалерийских полуэскадрона под командой Скорохода и Иванова, ведшие и впоследствии успешно борьбу с бандами до последнего времени, перейдя в состав Губштаба Ч. О. после переформирования Полкового Округа, снабженные в двадцать четыре часа лошадьми и оружием, со своими беззаветно смелыми красноармейцами, среди которых особо надо отметить Вдовенко, убитого в 1922 году бандами, уже летели на юг, где к Увеку подходили кулацкие тысячные отряды бандитов.

Попов ударился о Базарно-Карабулакский кулак, откатился было на Кузнецк-Колышлей на соединение с Антоновым, но прослышав, что дорогой курсируют бронепоезда, повернул к Петровску, обошел его, не принимая боя, и направился к Лопуховке.

Сюда уже прибыли войска Буренина, способные померяться с целой армией, но Попов сумел, благодаря ошибок командования, с незначительным отрядом прорваться, оставив обоз с вооруженными казачками, смял в Баланде безоружный отряд допризывников Петрова, непредупрежденный Аткарском, и ушёл в Донскую Область.

А отряды Скорохода и Иванова в 200 всадников на юге били тысячные банды; под Голо-Карамышем отряд Скорохода разбил двухтысячный отряд, нанеся ему потери в 400 человек, а сам потеряв одного убитого и несколько раненых; был ранен и сам Скороход; за этот бой он получил орден Красного Знамени.

Другой отряд бился не менее доблестно; с войсковыми частями, кроме трений и стремлений влить их в свои части, приписывавших себе победу, ничего не было. Кулацкое колонистское — из немцев — население, образовав свое управление пятерки — по заданию эсеров, враждебно встречало наши части.

Хватало работы и 31 батальону В. Ч. К. Были привлечены и немалую роль сыграли парткурсы Губпартшколы по из'ятию бандитских и других элементов.

Фактически всеми операциями губернии над курсантами всех родов, коммунистическими частями, пешими и кавалерийскими отрядами Полкового Округа руководил Штаб Обороны Саратова.

Банды были ликвидированы, оставались мелкие шайки, с которыми Губштаб Ч. О. Н. и вел борьбу до лета 1922 г., потеряв в этом году тов. Кучеренко, участника событий в Саратове в 1921 г. Крестьянство, измученное и разочарованное в эсерствовании, отвернулось от банд; наступило успокоение. В мае 1921 г. Штаб Обороны был ликвидирован, отчасти и под давлением командования, недовольного местным происхождением Штаба, но нужды в нем уже не было. Губерния могла возвратиться к мирной жизни.

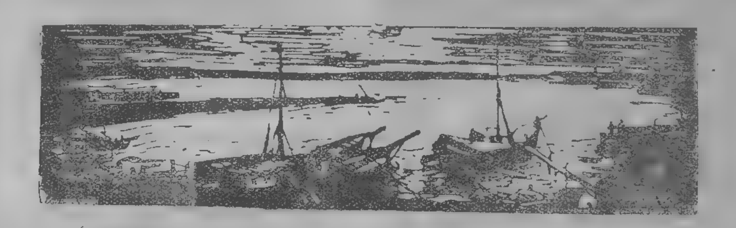
XVI.

С осени 1921 года наступает мир по всей стране.

Операции Врангеля на юге не удались. Западный капитал увидел бесполезность борьбы с рабоче-крестьянской страной; как отрыжку своих военных операций, он некоторое время продолжал еще вести экономическую блокаду Республики, но убедился в несостоятельности и этого и начал вступать со страной Советов в торговые и деловые сношения, боясь еще признать ее юридически.

Страна Советов, переходя к мирной жизни, к восстановлению хозяйства и к проведению с этой целью своей новой экономической политики, должна была быстро расцвести, но обнаружившийся с осени 1921 года голод подорвал вновь силы и, в частности, Саратовской губернии. Но капитал и контр-революция уже не посмела поднять на нее свою вооруженную руку; наоборот, день за днем она восстанавливает на развалинах старой империи от далекой Сибири до знойного Кавказа власть рабочих. Ея знамя мерещится народам Востока.

В военно-революционных выступлениях будущего на Востоке и Юге Азии Саратову суждено сыграть немалую роль, как революционно-культурному центру, связующему Коммунистическую Москву с возрождающимся Востоком.

Земельная политика и с.-х. строительство.

(От Февраля—к Октябрю).

Лясковский.

„Следовательно, крестьяне могут теперь опереться, как на естественных союзников и вождей, лишь на городской пролетариат, задача которого тоже сводится к низвержению буржуазного строя".
К. Маркс. („18-е Брюмера.")

Вопрос о том, какая революция открывается Февралем, буржуазная или социалистическая,—не вставал перед деревней, и не его теоретическим разрешением определялась роль крестьянства в революции: крестьянство в массе привыкло к тому, что с именем царя для него были связаны все невзгоды для деревни и крестьянского хозяйства: малоземелье, помещик, кулак, кабальная аренда, тяготы войны, полуголодное существование даже в урожайные годы и т. д. и т. п.,—и поэтому свержение самодержавия было воспринято деревней, как начало устранения всех этих невзгод, как начало экономического раскрепощения крестьянского хозяйства.

Опыт 1905 года был еще свеж в памяти деревни; попытка освободиться от царя окончилась неудачей и контр-атакой самодержавия в форме столыпинского землеустройства; поэтому первым революционным шагом деревни была ликвидация последствий этой контр-атаки. Прошла эта ликвидация сравнительно очень мирно: отрубщикам и хуторянам заявили, что они должны вернуться в общество, столбики на границах отрубов и хуторов были весной повыдерганы.

Здесь необходимо отметить одно характерное обстоятельство: хутора и отруба ликвидировались не как *новые формы и способы ведения хозяйства на сведенной в один кусок земле*, а как формы *мелкой частной собственности на землю*; хуторянину и отрубщику ставилось в вину не его желание вести улучшенное хозяйство, а то, что он „усвоил землю в собственность" или „усвоил больше того, что причиталось по разверстке", или „скупил души", или „усобствовал землю"; таким образом, вся ликвидация хуторов и отрубов с самого своего начала уже проходила под лозунгом *уничтожения частной собственности на землю*, хотя бы частным собственником являлся и крестьянин.

Не может не обратить на себя внимание и второе характерное обстоятельство: при ликвидации хуторов и отрубов уже выяснилось классовое расслоение в деревне и классовые противоречия: хуторянин или отрубщик из кулацких и зажиточных элементов крестьянства сметался самым беспощадным образом, вплоть до разгрома хутора или отруба; наоборот, бедняк и средняк, вышедший на отруб или на хутор, мирно возвращался в общество, а местами последнее даже разрешало оставаться фактически при хуторе или отрубе, поскольку таковые не превышали средних норм земельного наделения, и поскольку с них снимался ярлык „собственности", и земля поступала обратно на учет в общество, как „общинная".

Ликвидация результатов столыпинского землеустройства явилась как-бы разрешением аграрного вопроса „внутри" самого крестьянства, крестьянство выравнялось в смысле однородности земельных отношений внутри общины и как-бы подготовило себя как, однородную массу, для дальнейшего выступления в развертывающейся революции; ликвидация прошла стихийно и настолько быстро, что временное правительство не успело опомниться, как очутилось перед совершившимся фактом.

Наступившая весна, а с нею приступ к весенним сельско-хозяйственным работам поставили деревню перед вопросом: „Как же быть с землей?" К этому времени временное правительство уже успело выявить свою буржуазную классовую сущность и разрешило этот вопрос вполне определенно: „оставить все по старому и ждать разрешения земельного вопроса учредилкой"; в качестве же клапана, через который можно было-бы выпустить накипавшую революционную энергию крестьянства, были учреждены земельные комитеты смешанного классового состава, которым было предоставлено право равномерного распределения между малозем. и безземельным крестьянством арендовавшихся им до революции земель нетрудового пользования с внесением арендной платы в казну, и на которые возлагалась обязанность учета земель и предварительных подготовительных разработок материалов для разрешения земельного вопроса учредилкой.

Не удовлетворяясь таким решением временного правительства, крестьянство хотя и приняло земельные комитеты с их правами и обязанностями, но тем не менее от методов фактического захвата нетрудовых земель не отказалось, и формула—„оставить все по старому"—все более и более утрачивала свое жизненное содержание. То там, то здесь обнаруживалось, что помещик, не выдержав сгущенной революционной атмосферы, бросал имение и скрывался под крылышко временного правительства; земля имения поступала ближайшим обществам, а живой и мертвый инвентарь неоффициально шел тоже в распределение, а оффициально—„брался на учет" земельным комитетом.

Поскольку земельные комитеты вначале могли еще кое-как справляться с возложенными на них задачами, постольку с каждым последующим днем роль их становилась все труднее и труднее. Они оказались зажатыми в тиски классовой борьбы. Центр грозно приказывал сидеть смирно и оставить все по-старому, т. е. защищать интересы помещиков; изголодавшееся земельным голодом и в конец разоренное войной крестьянство требовало фактического осуществления перехода земель в руки трудящихся. „Селянский министр" Чернов В. со свойственной ему и его партии двуличностью правой рукой в угоду помещикам и капиталистам писал строжайшие приказы земельным комитетам не обижать помещиков (а иногда и арестовывал комитеты за такие „обиды"), левой же рукой, по секрету от своих „товарищей"—министров-капиталистов, для поддержания своего авторитета среди крестьянства, давал земельным комитетам туманные и неопределенные обещания вырешить земельный вопрос в духе многообещавшей земельной программы эс-эровской партии.

Последствия многовекового угнетения деревни, углубленные непомерными тяготами империалистической войны, легшими всею тяжестью на плечи пролетариата и крестьянства,—углубили классовые противоречия; падение царизма и быстрое разрушение его наследия—государственного аппарата, приспособленного к угнетению рабочих и крестьян, расчистили поле для классовой борьбы; в таких условиях попытки создать соглашательское правительство не только не могли притупить или сгладить классовых противоречий, а наоборот, помогали их выявлению, и все это вместе взятое ставило ребром вопрос о конструкции власти, вопрос, вокруг которого скрестилось оружие классовых врагов: рабочих и крестьян, с одной стороны, и помещиков и капиталистов—с другой.

И неудивительно поэтому, что осень 1917 г. и связанный с нею приступ к осенним полевым работам поставили вопрос о земле еще острее, чем весной этого года; весна и лето показали всю безнадежность мирного разрешения вопроса о земле, никчемность межклассовых земельных комитетов и необходимость для крестьянства усилить революционную борьбу за землю.

Вот почему деревня с ее земельным вопросом вошла в осень 1917 года под знаменем партии рабочего класса—большевиков, с лозунгом фактического осуществления права трудящихся на землю; и там, где она встречала на своем пути отпор со стороны пытавшихся „оставить все по-старому",—там она входила в новую фазу революции при свете пылающих помещичьих усадеб, под звуки выстрелов и лязганье нападающих крестьянских вил и кос и обороняющихся казачьих и офицерских шашек.

Великий Октябрь.

„Только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, рабочее правительство может положить конец его экономической нищете".

К. Маркс. („Классовая борьба во Франции.")

Победа пролетариата в городе в его борьбе с капиталом обеспечила крестьянству победу в деревне. Дружный натиск рабочих и крестьян завершился полным поражением капиталистического строя и утвердил диктатуру пролетариата. Великий Октябрь явил истории второй случай в мире, когда власть перешла в руки эксплоатируемых и угнетенных; повторилась история Великой Парижской Коммуны 1871 года—с тою громадной разницей, что там пролетариат Парижа был одиноким и не имел союзника в лице многомиллионного крестьянства. Страна вступила в новую фазу развития—социалистического строительства в условиях диктатуры пролетариата и крестьянства.

То, что было невозможным при господстве капитала, то, что было неосуществимым для временных правительств, различных и по классовому количеству, и по классовому качеству составов,—стало возможным в рабоче-крестьянском государстве.

Декрет о земле, основной закон о социализации земли, временная инструкция по применению этого закона и целый ряд отдельных распоряжений, изданных в их развитие и раз'яснение—с одной стороны, фиксировали начавшийся фактический переход земли в руки трудящихся и ликвидацию земельных отношений на основе частной собственности на землю, и с другой стороны—намечали общие вехи в этой работе и будировали крестьянские массы в тех районах, где они оказывались отставшими от общего хода революции.

Октябрь разорвал тот заколдованный круг собственных противоречий капитализма, которые делали невозможным дальнейшее развитие сельского хозяйства страны. Уничтожив частную собственность на землю, он разрушил границу и помеху для дальнейшего развития крупного и мелкого земледелия; ликвидировав громадную задолженность земледельческого населения и государству, и капиталисту, и крупному земельному владельцу, и кулаку, он отвел от крестьянства неизбежное для последнего в условиях капиталистического общества обеднение; поставив у власти пролетариат, он спас миллионы крестьянских хозяйств от необходимости пасть жертвой капиталистического производства и открыл для них возможность свободного перехода к общественному ведению хозяйства.

Октябрь похоронил все те муки и ужасы, которые надлежало пережить деревне в условиях дальнейшего существования капиталистического строя при господстве эксплоататоров, и открыл

для нее, для крестьянства и для всего дела сельско-хозяйственного строительства широкую и просторную дорогу для дальнейшего перехода к новому строю, характеризуемому, как уничтожение всякой эксплоатации человека человеком.

Первые этапы земельной политики и сельско-хозяйственное строительство в условиях военного коммунизма.

„Ст. 3. Для окончательного уничтожения всякой эксплоатации человека человеком, для организации сельского хозяйства на основах социализма с применением всех завоеваний науки и техники, воспитания трудящихся масс в духе социализма, а также об'единения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом—необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. Крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования являются наилучшим средством для достижения этой цели,—поэтому на все виды единоличного землепользования следует смотреть, как на преходящие и отживающие.

Ст. 4. В основу должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда".

„Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию".

Так формулировал первый всероссийский С'езд земорганов, комбедов и коммун в декабре 1918 года основные цели и ближайшие задачи земельной политики и сельско - хозяйственного строительства.

Такая формулировка диктовалась двумя обстоятельствами. С одной стороны, имелась полная возможность предполагать все ускоряющийся темп быстро развертывающейся социальной революции; уже вспыхнули ее первые огоньки на Западе; казалось, что русский пролетариат не останется на значительное время одиноким, и что при социалистическом переустройстве русская революция получит реальную поддержку от ближайших промышленных стран Запада, поддержку, которая позволит забросать русскую деревню техническими сельско-хозяйственными средствами и ускорить в ней процесс перехода к коллективным формам землепользования. С другой стороны, имелся целый ряд общественно-экономических предпосылок в виде увеличения числа разоренных войной крестьянских хозяйств, возвращения из старой армии крестьян, побывавших за-границей и успевших ознакомиться с улучшенными техническими приемами ведения сельского хозяйства, увеличения кадров деревенской бедноты, тяги промышленного пролетариата из голодающих центров в деревню, наличности брошенных помещиками и не присвоенных крестьянами больших имений, горячего порыва влившегося в деревню промышленного пролетариата и местной деревенской бедноты к немедленному воплощению в жизнь идей коммунизма и т. д., и т. п.,—все эти предпосылки таковы, что позволяли не только констатировать, но и предполагать в будущем громадный рост советских хозяйств, с.-х. коммун, с.-х. артелей, общественных обработок земли и др. видов товарищеского общественного ведения сельского хозяйства.

Эти два обстоятельства позволяли строить земельную политику с сильным уклоном в сторону организации советских хозяйств и товарищеских форм земледелия и отодвигали на задний план судьбы единоличного крестьянского хозяйства, которое рассматривалось, как временные и быстро преходящие формы, имеющие быстро изжить самих себя; в отношении этих форм ближайшей задачей стояло лишь возможно быстрое проведение в жизнь земельного поравнения, как необходимого корректива к тому временному распределению земель, которое сложилось стихийно в процессе революции, и которое сопровождалось сплошь и рядом большими неудобствами в хозяйственном отношении (длинноземелье, чересполосность, вклинивание и т. д); поскольку государство не располагало достаточным землеустроительным аппаратом, значительная часть которого отвлекалась на работы по землеустройству совхозов и растущих с невероятной быстротой товарищеских форм землепользования, постольку и землеустройство единоличных землепользователей вынуждено было отставать, и, таким образом, последнее постепенно отодвигалось на задний план. Если принять во внимание, что советские хозяйства и большая часть видов товарищеского землепользования (коммуны и артели) рассматривались, как формы государственного хозяйства, и поэтому государство должно было взять на себя разрешение вопросов их снабжения, то станет ясным, что в деле снабжения единоличных форм землепользования необходимыми средствами производства единоличное крестьянское хозяйство оказывалось предоставленным самому себе.

Такое положение можно было оставить без изменения, если-бы молодой Советской Республике не пришлось выступить на тяжелый и тернистый путь защиты от наступления на нее мирового капитала.

Капиталистические страны не могли примириться с существованием Республики Советов; нападение на последнюю выразилось в создании внешнего и внутреннего военных фронтов и в жесточайшей экономической блокаде. Империалистическая война подорвала хозяйство страны, и ей, разоренной, пришлось, вместо мирного строительства, выдержать еще несколько лет военного положения. Вместо намеченного плана мирного строительства пришлось войти в полосу „военного коммунизма". Сельское хозяйство попало в безвыходное положение: фронты требовали отдать на защиту Республики не только излишки продуктов, но и значительную часть продовольствия, необходимого для самого земледельца и его живого инвентаря; последний в значительной части требовался для продовольствия страны и технического обслуживания армии; экономическая блокада закрыла все возможности снабжения хозяйства из-за-границы; необходимость строжайшего учета и

экономного расходования крайне ограниченных материальных рессурсов ликвидировала внутренний рынок и лишила крестьянское хозяйство последней возможности снабжения.

Общие тяжелые условия отразились на только на крестьянском хозяйстве, но и на совхозах и на товарищеских видах землепользования, на последних еще тяжелее, как на молодых и не окрепших формах.

К концу 1920 г. положение сельского хозяйства сделалось катастрофическим: посевная площадь уменьшилась на 30%, лошадей осталось 77%, крупного рогатого скота—75%, овец и коз—60%, свиней—79%, мертвый инвентарь не только не увеличился, но в значительной части или стал совершенно негодным, или сильно износился.

Поэтому 8-й Всероссийский С'езд Советов поставил главным вопросом—вопрос об укреплении и развитии сельского хозяйства; в своем постановлении „о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства" С'езд признал, что дело восстановления сельского хозяйства есть первейшая задача государственной власти и вместе с тем и государственная обязанность крестьян. В соответствии с этим было намечено проведение „великой посевной кампании", сущность которой сводилась к оказанию государством всемерной хозяйственной помощи крестьянскому хозяйству семенами, сел.-хоз. орудиями, их ремонтом, развитию усиленной агро-агитации и агро-пропаганды, вовлечению самого крестьянства в работу через селькомы и сел.-хоз. советы и комитеты, сосредоточению на деле восстановления сельского хозяйства внимания, сил и средств всех органов власти и проведению планов обязательных засевов.

В результате проведения весенней посевной 1921 года кампании удалось остановить падение посевной площади и дальнейший развал сельского хозяйства.

Улучшившееся политическое международное и внутреннее положение Республики позволило отказаться от одного из наиболее тяжелых для сельского хозяйства видов „военного коммунизма"—продразверстки и перейти к более легкой для сельского хозяйства форме снабжения государства продуктами—к продналогу. Этим переходом достигалась личная заинтересованность крестьян в расширении посевной площади и возможность отказа от принципов „обязательного засева".

Угрожающее падение роста производительных сил в сельском хозяйстве поставило вопросы восстановления сельского хозяйства на первую очередь, а так как главной массой в сельском хозяйстве является единоличное крестьянское хозяйство (около 96%), то в проведении посевных кампаний на него и было обращено особое внимание. Таким образом, совхозы и товарищеские формы землепользования постепенно вышли из центра внимания сел.-хоз. политики и сел.-хоз. строительства; борьба за урожай вообще, независимо от вида и формы землепользований, заслонила на время остальные вопросы, и к ним вновь приходится подойти в связи с вопросом о новой экономической политике.

Земельная политика и сельско-хозяйственное строительство в условиях НЭП'а.

> „Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели.
>
> Чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спуститься до пролетариев и которых мы привлечем на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче совершится общественное преобразование.
>
> . . . Орган, заведующий делами всего общества в его целом, будет иметь влияние, необходимое для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество в высшую форму и сравнять в правах и обязанностях, как все товарищество во всем его целом, так и отдельных его членов, с остальными разветвлениями социалистического общества.
>
> . . . Крупные имения мы предоставим сельским рабочим. . .
>
> Во всяком случае, превращение капиталистического производства в общественное здесь уже вполне подготовлено. . . . И пример . . . убедит и последних, еще сопротивляющихся, мелких крестьян, а вероятно, и некоторых крупных, в преимуществах товарищеского-крупного производства",
>
> **Ф. Энгельс. („Крестьянский вопрос во Франции и Германии").**

Упрочившееся внутреннее и международное положение Советской Республики и вступление „всерьез и надолго" в полосу мирного строительства в условиях „новой экономической политики" требует зафиксирования основных положений земельной политики и с.-х. строительства.

И здесь, как нельзя более кстати, необходимо вспомнить приведенные выдержки из брошюры „Крестьянский вопрос во Франции и Германии" Ф. Энгельса; эти выдержки являются ответами на вопрос, который ставит Ф. Энгельс: „И как нам придется поступать, когда государственная власть очутится в наших руках?"

Этими выдержками исчерпываются ответы на все острые вопросы: и о судьбе мелкого крестьянского хозяйства и о значении совхозов, и о роли с.-х. кооперации.

Пятая годовщина Октября характерна тем, что об'ективные условия социальной революции позволяют поставить надежные вехи по пути с.-х. строительства.

Прежде всего, об общем направлении земельной политики. Здесь мы имеем ясное и определенное решение 9 Всероссийского С'езда Советов, что „незыблемой основой земельного законодательства Рабоче-Крестьянской Республики" является „государственная собственность на землю". Это постановление кончает с крайне неопределенной формулировкой, что „вся земля обращается во всенародное достояние..." или „считается единым государственным фондом."

Такое определенное решение вопроса о земле позволяет сделать громадный шаг вперед по пути развития производительных сил в сельском хозяйстве, а именно: создать наибольшую устойчивость в пользовании землей и этим дать возможность и стимулы к улучшенному ведению хозяйства и расширению посевной площади; связанные силы сельского хозяйства сразу развязываются и становятся на путь их широкого применения в деле развития и укрепления сельского хозяйства. Проект закона о трудовом землепользовании, предусматривающий подробное и вполне определенное выяснение прав и обязанностей всех видов и форм землепользования, а также полную свободу выбора форм землепользования для крестьянства,—уже готов и будет утвержден предстоящим 10-м Всероссийским С'ездом Советов.

Национализация земли обезвреживает неминуемое вторжение капитализма в деревню, а диктатура пролетариата берет под свою защиту с.-х. пролетариат и беднейшее крестьянство; она во время с'умеет прийти к ним на помощь, открывая широкие возможности и охраной труда, и организацией товарищеских форм землепользования, как надежное прибежище от наступающего на мелкое крестьянское хозяйства капитала.

Отсюда ясна и роль совхозов. Это—командные высоты, уже находящиеся в руках рабоче-крестьянского государства; споры о том, должны-ли они быть хлебными фабриками или показательными хозяйствами, теряют всякий смысл; ответ один—и тем, и другим; ставить вопрос в форме „или—или" нельзя, так как в условиях НЭП'а в деревне Совхоз должен быть и показателем преимущества крупного хозяйства перед мелким, и источником помощи окружающему крестьянскому хозяйству, и центром политической и агрокультурной пропаганды, и поглотителем выделяемого деревней с.-х. пролетариата, и вместе с тем производственной государственной организацией.

Роль с.-х. кооперации? Она в первую очередь должна положить в основу своей деятельности производственные функции; но этого мало: будучи крайне разнообразной, включая в себя от хозяйств с кооперированной лишь одной какой-либо отраслью до хозяйств с кооперированными полностью всеми сторонами хозяйственной деятельности (бывшие коммуны и артели),—кооперация должна способствовать не только под'ему самодеятельности крестьянских хозяйств и поднятию их производительности, но и не забывать основной задачи—постепенно переводить кооперативы в высшую форму коммунистического хозяйства, расширяя и укрепляя этим базис будущего коммунистического общества.

Новая экономическая политика, как это принято ошибочно думать, совершенно не исключает возможности для государства сохранять за собою возможность воздействовать не только на государственные формы землепользования, но и на всю массу крестьянского и частного хозяйства, и менять в той или иной мере общее направление развития сельского хозяйства; земельное и с.-х. законодательство, административно-технические мероприятия, финансовая, продовольственная и ж.-д. тарифная политика, с.-х. государственный кредит и т. д., и т. п.,—все это остается в руках рабоче-крестьянского правительства.

Это же обстоятельство позволяет перейти от анархического с.-х. производства, присущего капиталистическому строю, к плановому и организованному ведению сельского хозяйства.

И здесь, в первую очередь открывается возможность подойти к осуществлению задачи укрепления и развития сельского хозяйства не путем частичных, от случая к случаю, мероприятий, а на основе единого государственного плана; этот план в виде особого основного, „генерального" плана должен предусмотреть общую картину будущего сельского хозяйства страны, не того сельского хозяйства, которое мы имели до войны, которое сложилось в условиях анархического рынка, и благодаря которому Поволжью пришлось из-за одного-двух засушливых лет перенести все ужасы неурожая, а того сельского хозяйства, которое будет построено в соответствии с продовольственными и промышленными нуждами Республики и естественно-историческими условиями каждого района, и которое с'умеет отвести от рабочих и крестьян постоянную угрозу голода.

Из недр величайших страданий человечества, созданных капиталистическим строем, родился Великий Октябрь; кровью, голодом и муками рабочих и крестьян, ценою тысяч их жизней,—укреплялся он в течение пяти лет; пятую свою годовщину встречает он бодрым и сильным—на радость угнетенных и эксплоатируемых всего мира; твердой и уверенной рукой приступает он на шестом году к строительству сельского хозяйства, этой основы благополучия трудящихся.

Саратовский Губернский Совет Народного Хозяйства.

Первые дни после Октябрьского переворота.

Еще отдавалось эхо революционной грозы, еще дымилось ружье, лицо еще пылало от жара борьбы, а марксистская мысль уже работала вокруг средств производства и организационных форм нового строя промышленной жизни.

Промышленные предприятия перешли в руки рабочих коллективов. Фабрично-заводские комитеты приняли на себя управление производством. Центром рабочей массы стало Бюро фабрично-заводских комитетов, дававшее директивы и указания фабзавкомам. Каждый завод, каждая фабрика превратилась в отдельную общину, в отдельную самоуправляющуюся единицу, стремившуюся держать производственную машину на ходу и продолжать работу в том-же темпе, в каком она производилась до революции.

Все больше и больше сил накапливали профессиональные союзы, вокруг них группировалось все, касающееся промышленности. Профсоюзы приняли на себя охрану производства, регулирование ее финансирования и заботу о продукции. Фабзавкомы подчинялись своему новому верховному органу.

Назревала мысль о другом органе государственном, который взял-бы в свое ведение, в свое управление разрозненные предприятия, соединил бы их в одно целое и дал бы им новую—социалистическую организацию. По ходу вещей создателем этого органа должны были стать профессиональные союзы.

Несмотря на то, что связь с Центром еще не была налажена, что руководящие указания на места не поступали, и что только из случайных газет, попадавших в Саратов, узнавали о том, что происходит в центрах, как организуется Советская власть, какие создаются организации,—в Саратове мысль местных деятелей работала в одном и том-же направлении и в то время, как и впоследствии, она не только шла за Центром, но и сама собою возникала на месте и даже опережала центр, создавая органы, создавая новые направления, становившиеся потом общегосударственными, распространившиеся по всей Советской Республике.

Организация Саратовского Губсовнархоза

В декабре 1917 года из газет стало известно, что образовался Высший Совет Народного Хозяйства, который должен был иметь свои отделы на местах.

По ситуации действующих сил, главное участие в образовании Губернского Совета Народного Хозяйства должны были принять профессиональные союзы, стоявшие уже во главе всей промышленности, и первый кадр работников нового органа должен был быть составлен из представителей профессиональных организаций.

26 декабря 1917 года с. ст. состоялось общее собрание делегатов профессиональных союзов. Собрание было многочисленное. Присутствовало не менее 100 делегатов. На этом собрании, после горячих дебатов, состоялось постановление об учреждении Губернского Совета Народного Хозяйства, и определены общие его формы. Уже на другой день, 27-го декабря, был избран Исполнительный Комитет Губернского Совета Народного Хозяйства из 15-ти лиц. Таким образом, 27 декабря ст. ст. является датой образования Саратовского Губсовнархоза, это—день его рождения.

Первые Исполком и Президиум Саратовского Г. С. Н. Х.

В первый Исполком вошли следующие товарищи: Плаксин, Косолапов, Алексеев, Винавер, Воробьев, Кулагин, П. Лебедев, Терентьев, Хахам, Григорьев, Киндяков, Иоффе, Сергеев, Блохин и Ежов. Председателем Исполкома был избран К. И. Плаксин. В Президиум Исполкома кроме председателя т. Плаксина вошли т.т. Косолапов, Воробьев, Кулагин и Миньков.

Кто может забыть то время, когда жизнь представляла взбаламученное море, по которому еще высоко поднимались волны страстей, на котором в вихре революционных преобразований сталкивались отжитые формы жизни с новыми формами, властными, одолевавшими и захватывавшими позиции одну за другой. Но эти формы еще не приобрели определенных контуров и изменились по ходу процессов. И вместе с формами менялись и люди. Жизнь совершала отбор и перебрасывала участников с одного места на другое, из одного учреждения в другую организацию и т. д. Поэтому неудивительно, что состав первого Исполкома Губернского Совета Народного Хозяйства вскоре изменился. 1 февраля 1918 года в Исполкоме появляются новые лица: от профессионального союза металлистов т. А. Т. Ценципер, затем т.т. Артамонов, Алексеенко, Лукашин и др.

Задачи Г. С. Н. Х.

Тогдашнее время не допускало промедления. В умах и сердцах всех деятелей господствовало убеждение, что промедление смерти подобно, и потому Совет Народного Хозяйства с первого часа своего образования приступил к своей, уже намечавшейся тогда, деятельности. Его главная задача заключалась в собирании промышленности, в превращении ее в государственную, с подчинением единому органу государственной власти. Ему предстояло втянуть в круг своего ведения и те организации, которые сложились во время войны и являлись первою ступенью к об'единению действий некоторых хозяйственных отраслей.

Империалистическая война оставила новому строю такие об'единения, как Волготоп, Военно-Промышленный Комитет, Волгомет (Продамет), Кожевенный Комитет, Дровотоп и др. Эти организации могли служить базою и фундаментом для новых надстроек, отвечающих новому укладу, новым экономическим мировоззрениям.

Первые шаги Губсовнархоза

И действительно, Губсовнархоз впитывает в себя все эти учреждения, превращает их в свои органы и постепенно дает им новые формы, и направляет их деятельность в новые русла. Уже 16 января 1918 года состоялось постановление об организации Топливного Отдела. Но к тому времени и сам Губсовнархоз еще не вылился в определенные формы. Он еще не имеет своего положения, он еще не установил линии поведения, об'ема своего ведения, он лихорадочно работает, между другими делами, над переработкой своей конституции.

18 января уже готово положение о Г. С. Н. Х.

Самый кардинальный вопрос—о концентрации промышленности—в это время как-бы затмевает все другие, доминирует во всех совещаниях и служит темой горячих дебатов. Этот вопрос, несомненно, спешный, ибо требовалось положить конец разрозненности предприятий и начавшемуся, может-быть, развиваться направлению в сторону синдикализма

В виду этого 23 февраля выносится постановление о регулировании стихийных реквизиций фабрик и заводов и вообще торгово-промышленных предприятий, для управления же промышленностью организуется Отдел производств с подразделением на под'отделы по отраслям промышленности, во главе которого становится т. Ценципер.

Творческая работа Губсовнархоза ширится, и создаются новые формы управления, поглощающие старые. Организации, служившие фундаментом для новых преображаются или становятся лишними, ненужными. В таком положении оказывается Военно-Промышленный Комитет, который 16 марта 1918 года ликвидируется.

Организация Отделов Г. С. Н. Х.

С этого времени начинается расчленение функций Губсовнархоза по отделам. Все более и более расширяющаяся деятельность, все больший и больший обхват промышленности губернии требует дифференциации управления и служб, и Президиум Губсовнархоза усиленно разрабатывает вопрос о новых отделах, об их функциях и их положении в схеме Губсовнархоза. 23 марта организуется Контрольно-Финансовый Отдел, к которому переходят все финансовые функции, финансирование промышленности, наблюдение за отчетностью отделов, финансовый контроль производства, изыскание денежных средств для промышленности.

Через неделю образуется Техническо-Статистическая Комиссия, которая впоследствии превращается в отдел. Этой комиссии присваиваются важные функции обследования промышленности, выяснения ценности отдельных предприятий и их возможностей. Наряду с этим Комиссии ставится задача—систематизировать все данные о состоянии губернской промышленности, определить пути ее развития и наметить вехи нового направления. К этому времени относится и учреждение авто секции, которой поручается собрать все механические транспортные средства и развить в губернии автомобильный транспорт всех видов

Национализация промышленных предприятий.

На этом временно останавливается внутренняя организация Губсовнархоза, и с этого момента он приступает к действительной и организованной концентрации промышленности.

В этих видах 13 апреля было вынесено постановление о национализации мукомольных мельниц. Мукомольная промышленность—доминирующая отрасль в нашем крае. Саратовские, Балашовские и Вольские мельницы, представлявшие собою крупные коммерческие предприятия, перерабатывали зерновые продукты не только Саратовской губернии. Все Заволжье отдавало на эти мельницы свою зерновую продукцию. Мука саратовских мельниц пользовалась высокою репутацией на столичных рынках. Мельниц в Саратовской губ., включая ветряные, водяные, механические с двигателями внутреннего сгорания и паровые, числится свыше 4000. Само собою разумеется, что эта страсль промышленности должна была в первую очередь привлечь внимание регулирующего органа. Вот почему почин национализации сделан в этой отрасли.

Но уже через три дня совершилась национализация Хватовского стекольного завода, отдельного предприятия, стоящего особняком. Это предприятие управлялось оставшимся заводоуправлением совместно с фабрично заводскими комитетом, но оно требовало большой хозяйственной заботы сильного государственного органа,—иначе его производственная деятельность не могла продолжаться. Требовалось устранение возникавших препятствий в деле снабжения и реализации продукции.

Вслед за этим, а именно—27 апреля, был национализирован Покровский костеобрабатывающий завод, также единственный в Саратовской губернии и вообще одна из немногочисленных подобных производственных единиц.

Через неделю была национализирована городская механическая фабрика обуви.

Как видно, национализация не производилась по заранее составленной схеме, систематически, а совершалось так и в таком порядке, как это диктовалось условиями момента. Во всяком случае национализация постепенно охватывала всю промышленность, но такая сложная операция, как национализация, не могла идти быстрым темпом. Требовалась осторожность, осмотрительность, необходимо было проделать большую подготовительную работу, считаясь и с местными условиями, и с указаниями центральных органов. Такая работа не знала прецедентов в прошлом. Не было традиций. Это было совершенно новое дело, результат новых социалистических форм строя коммунистического государства. И поэтому эта работа являлась сугубо трудной и весьма ответственной.

И теперь можно издалека судить о правильности избранных путей и о всей деятельности Губсовнархоза в этой сфере. Для деятельности Губсовнархоза в 1918 году уже наступила история.

Первый Губернский С'езд Совнархозов.

Национализация промышленных предприятий требовала оживленной и беспрерывной связи с уездами и уездными Совнархозами. Необходим был живой обмен мнений и установление солидарности в деле проведения в жизнь как местных начинаний в общегубернском масштабе, так и директив центральных органов. Письменные сношения и непосредственные переговоры с представителями каждого Усовнархоза в отдельности не могли в желательной мере создать общность и солидаризацию в работе. Поэтому для достижения намеченного был созван в мае месяце С'езд представителей

уездных Совнархозов. На этом С'езде была выработана программа действий и общее понимание требований момента. На этом же собрании Президиум Губсовнархоза внес на обсуждение С'езда вопрос об образовании Областного Совета Народного Хозяйства, задачею которого было бы об'единение деятельности Губсовнархозов Самарской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Пензенской и Астраханской губ. и Уральской Области. С'езд приветствовал это предложение и постановил приступить к его осуществлению и созвать областной с'езд представителей указанных губерний в возможно ближайший срок.

Новые отделы Г. С. Н. Х.

За время производства национализации промышленности назревали новые организационные планы и проэкты. По директивам Центра в Саратове был организован Отдел Комитета Государственных сооружений—„Комгосоор". Это произошло 4-го июня 1918 года, а 8-го июня появился на свет и Кооперативный Отдел, образованный по распоряжению В. С. Н. Х. для переорганизации потребительской и промысловой кооперации на основах специального декрета о кооперативах.

Областной Совнархоз.

Областной С'езд, о котором говорилось выше, был созван и состоялся в средине июля. Был сорганизован Областной Совнархоз. Вскоре стало ясно, что Областная организация оказалась преждевременной, что условия не благоприятствовали такому центральному учреждению, и что потребность в нем не назрела. На следующем же С'езде Совнархозов в конце 1918 года Областной Совнархоз был ликвидирован

Новая структура Г. С. Н. Х.

С присоединением все большего числа предприятий управление ими становилось все сложнее и труднее. Отделу Производства стало затруднительно вести одному наблюдение за перешедшими к государству производственными организациями, и требовался новый орган для этой цели. В этих видах 24 августа был организован Отдел национализированных предприятий, к которому перешло управление целым рядом государственных промышленных предприятий. Это облегчило задачи Отдела Производства, но расширившиеся подотделы, из которых каждый вырос в крупную организацию, потребовали реорганизации органа, непосредственно ведающего производством. Следствием этого была ликвидация Отдела Производства, что имело место 22-го октября 1918 г., и создание целого ряда производственных отделов по отраслям промышленности.

Восстановление заводов и фабрик.

Деятельность Губсовнархоза и уездных совнархозов приняла широкие размеры. Началось большое оживление в области промышленности. Брошенные владельцами заводы и расхищенные, или частью разрушенные, населением, были отчасти восстановлены и приведены в порядок. Часть из них была пущена в ход Даже с начала войны неработавшие винокуренные заводы стали ремонтироваться и приводиться в порядок. Стали работать почти без исключения все те заводы, которые находились в непосредственном ведении Губсовнархоза. Не были пущены в ход преимущественно заводы, подчиненные непосредственно Центру, т. е. разным Главным и Центральным Управлениям, кратко—Главкам и Центрам. Стояли в бездействии Вольские цементные заводы, Покровский костеобрабатывающий завод и др.

К этому времени относится начало борьбы местных отделов В. С. Н. Х. с расширительными тенденциями Главков и Центров, стремившихся изолировать подчиненные им предприятия, расположенные на территории губернии, от контроля и воздействия Губи Усовнархозов. Как известно, победа осталась за провинциальными установлениями и имела своим последствием широкую децентрализацию промышленности.

Но это было потом. Осень-же и конец 1918 года были посвящены возобновлению производства на многих заводах, и, между прочими, на саратовских дрожже-винокуренных заводах, расположенных в сельских местностях.

2-ой Губернский С'езд Совнархозов.

События текли быстро. Условия менялись. Пульс жизни был очень высок. Выработанные программы оказывались недостаточными, прежние пути уже не вели к новым намечавшимся целям. Снова стало необходимо собрать всех уездных деятелей и закрепить контакт губернии с уездами. 1-го декабря был созван второй губернский С'езд Совнархозов. Этот С'езд прошел очень оживленно. Энергия била ключем, и все участники рвались к работе. Да и работы оказалось непочатый край. Надвигались тяжелые события. На горизонте собирались тучи усиливавшейся гражданской войны. Все понимали важность личной и общей работы в деле восстановления промышленности, что вело к укреплению Советской власти и Советской Республики.

Новое положение о Г. С. Н. Х.

На последнем-же С'езде было выработано новое положение о Губсовнархозе, отвечающее тогда уже обнародованному общему типовому положению о Губсовнархозах. По этому новому положению Исполком Губсовнархоза был ликвидирован, и во главе Губсовнархоза остался только Президиум.

Так закончился первый год существования Губсовнархоза, который несомненно займет почетную страницу в истории Саратовской губернии.

1919-ый год и влияние гражданской войны.

1919-й год—самый тяжелый год жизни Советской Республики: интервенция, почти полное окружение белогвардейскими полчищами, разрывание тела Республики, уничтожение созданных веками ценностей. Это—год великого напряжения, совершенно исключительного героизма, год горения на алтаре коммунизма.

Саратов находится еще в отдалении от военных действий, но к нему уже доносится грохот войны, и уже чувствуется приближение фронтов. Необходимы невероятные усилия для снабжения армии, Красной Армии, всеми видами довольствия, всем тем, чего неумолимо требует война. „Красная Армия раздета, разута", „Красная Армия жестоко голодает", „Красная Армия лишена всего, что дает войску силу сопротивления!"—вот лозунги того момента. Необходимо всю нашу промышленность повернуть на служение армии. Саратовский Губсовнархоз немедленно за это принимается.

6-го января был издан приказ Л. Б. Красина об организации отделов военных заготовок, которые должны были поставить на военную ногу производство совнархозов.

Организация Губвоензага и его работа.

Уже 17-го января 1919 г. Президиум выносит постановление об учреждении отдела военных заготовок—Губвоензага—и ставит во главе его т. А. А. Алексеева. Задача этого отдела—привлечь всю губернскую промышленность на служение армии на производство тех изделий, которые в первую очередь нужны для войска. С немногочисленным составом Губвоензагу удается одолеть все препятствия, и он группирует вокруг себя все действенное, все, об'ятое порывом и энергией...... Все директивы исходят от него, Губвоензаг дает всем отделам и всем Усовнархозам заказы, финансирует и снабжает.

Согласно доклада Губвоензага, в основу его деятельности положены следующие принципы: 1) об'единить деятельность наиболее важных производственных отделов по заготовкам для армии, 2) давать упомянутым отделам задания по этим заготовкам, 3) сосредоточить выдачу заказов на военное снабжение и приемку такового с заводов и мастерских и 4) финансировать военнозаготовительные работы. Доклад констатирует, что производственные отделы Губсовнархоза, через которые производились военные заготовки, настолько удовлетворительно справляются с своею работою, что не было надобности прибегать к из'ятию фабрик, заводов и мастерских в свое ведение для организации своих производственных отделов. Далее в докладе сообщается, что нахождение Саратовской губернии в прифронтовой полосе оказало большое влияние на направление работы Губвоензага.

Все отделы, все уездные Совнархозы и все предприятия, которые могли что-либо производить для армии, были привлечены к работе на армию. Губвоензаг производил снабжение сначала для 4-ой армии, потом и для 10-й армии, а затем и для всего Юго-Восточного и других фронтов.

Военная продукция.

Весь 19-ый год прошел под знаком военной борьбы. Саратовская губерния отдала на эту борьбу все, что могла, и промышленность отдала все свои материалы и все свои промышленные запасы. И когда враг был отогнан, все склады Губсовнархоза уже были опустошены, и все запасы крайне истощены. И это впоследствии сказалось, когда хозяйство, после минования военных действий, перешло на мирное строительство.

В дальнейшем мы увидим, что по той-же причине наши промышленные предприятия при переходе на хозяйственный расчет оказались с очень незначительными оборотными фондами.

Переизбрание Президиума.

В январе этого года переконструировался президиум, при чем, кроме 3-х бывших и оставшихся в нем членов, т.т. Плаксина, Косолапова и Алексеева, в него вошли бывшие члены Президиума Областного Совнархоза, т.т. Головчанский и Юдов.

Т. Плаксин, в то время перегруженный партийной и советской, а также и профессиональной работой, не был в состоянии уделять много времени Губсовнархозу, который в то время проявлял необыкновенно высокую энергию, поэтому повседневная работа по Президиуму легла на его заместителя—т. Косолапова.

Централизация промышленности.

Этот год военного коммунизма был и годом централизации промышленных предприятий. Те предприятия, которые в предшествующем году еще не подверглись окончательному присоединению ко всей государственной промышленности, перешли в ведение Губсовнархоза.

Предприятия, подчинявшиеся Главкам и Центрам, стали об'ектом контроля. Все склады, где-бы они ни находились, за исключением воинских, были осмотрены и учтены. Все материалы и фабрикаты учитывались. В этом отношении стало проявлять энергичную деятельность Бюро снабжения, впоследствии превращенное в транспортно-материальный отдел Г. С. Н. Х. (Трамот).

Отдел металла мобилизовал в это время не только предприятия, уже существовавшие, но организовал повсеместно обозные мастерские. Особенно много работы выпало на долю текстильного и кожевенного отделов, которые передали армии огромную и разнообразную продукцию, одев и обув большие воинские части. При нехватке для этого новых материалов, пришлось прибегнуть к перешивке старых вещей. За это взялся специально организованный Отдел Утилизации, который при содействии Губвоензага и Чусоснабарма, широко развил свою деятельность во всех областях снабжения. Он обзавелся швейными мастерскими, обозными, механическими, сапожными, столярными и др. заведениями. Утилизация отбросов приняла большие размеры и много помогла снабжению армии.

Не дремала в это трудное время и организационная мысль, ибо военные нужды требовали приспособления к ним. Много делалось в этом отношении, но все это было большею частью внутренняя перегруппировка.

Подготовка к эвакуации и последствия.

Но сопутствующие войне осложнения очень тормозили работу. Приближение деникинцев к Саратову заставило думать об эвакуации. Это была полоса, когда пришлось прекратить созидательные работы и обратить все свое внимание на сохранение материалов, запасов и ценного оборудования фабрик и заводов.

Необходимо было во что-бы то ни стало сберечь лучшие машины, не оставить их врагам и не дать им возможности портить на месте орудия производства или, по крайней мере, затруднить это злое дело. В этих видах пришлось прибегнуть к разоружению некоторых заводов и фабрик, к снятию наиболее ценных, наиболее тонких и нежных частей машин и упаковке их для отправки вдаль.

Быстро нагружались баржи всевозможными предметами и готовились к отплытию. Почти все намеченное было сделано. Но врагу не удалось проникнуть до Саратова. Красная Армия не допустила его и заставила отойти на Царицын, а затем и дальше. Пришлось после этого приступить к восстановлению разоруженных предприятий и к постановке снятого оборудования. Это была очень трудная работа, но она была быстро проделана, благодаря сохраненному порядку при разоружении. Все части оказались на местах и в исправности. Но само собою разумеется, что эти работы отвлекли много рабочих от непосредственной и до того налаженной работы для армии.

Организация кустарного отдела.

В июле этого года был организован кустарный отдел. Ему была поставлена задача—выявить кустарей всех родов промышленности, об'единить их в отдельные группы и восстановить кустарную промышленность, при отсутствии которой стал ощущаться большой недостаток в тех изделиях, которые доставлялись рынку кустарями. До того кустарное производство было разбито по отделам и не пользовалось вниманием хозяйственных сфер. Существовало даже определенно отрицательное направление против кустарничества. Предполагалось, что не должно быть частного производства даже кустарного характера, что все кустари, как и все другие фабричные и заводские рабочие, должны быть об'единены и работать исключительно по заказам государственных органов. Новому отделу предстояло раньше всего зарегистрировать всех кустарей, дать им артельную организацию и привлечь их к общегосударственной работе. Как известно, впоследствии специальным декретом кустарям было предоставлено право свободно заниматься ремеслом и сбывать свои изделия на вольном рынке.

Новый Президиум Губсовнархоза.

Указанные выше события почти совсем отвлекают Председателя Губсовнархоза т. Плаксина от работы в Совнархозе. Его работа протекает в других местах и учреждениях. Поэтому 1-го августа назначается председателем Губсовнархоза его заместитель, т. Е. Б. Косолапов.

7 октября сконструировался Президиум, в состав которого вошли Косолапов, Алексеев, Ценципер, Юдов и Артеменко.

До конца 19-ый год проходит под знаком гражданской войны Производственная политика Губсовнархоза направляется требованиями и велениями военного коммунизма. Централизация производства не ослабевает и продолжается также и в следующем году.

Но в Саратове и в губернии треволнения улеглись, жизнь успокоилась и вошла в колею. Производство на фабриках и заводах усиливается. И если подсчитать, что дал 19-й год в области промышленности Саратовской губ., то можно сказать, что во многих отношениях этот год является рекордным.

Переход к мирному строительству.

1920 год обещает дать успокоение Республике. Военные действия идут к концу. Жизнь Советской Республики направляется на мирный лад. Организационная мысль Губсовнархоза вновь усиливается. Производство требует особенного внимания и урегулирования. Методы военного периода уже не подходят к новой ситуации. Надо перестроить свой производственный фронт на мирное строительство, требуется ставить его в новые условия, придать ему характер целесообразности и экономичности. Нужда в экстренных мероприятиях, называемых величайшею необходимостью, миновала. Промышленность получает задачу обслуживать не только армию, но и все государство, все гражданское население. Она должна служить под'ему культуры во всех областях и дать в первую очередь земледелию и хлебопашцу все необходимое для его восстановления и развития.

Центральная Производственная Комиссия.

Все эти задачи требуют тщательного внимания, обсуждения, всестороннего анализа. И для урегулирования создается специальный орган—Центральная Производственная Комиссия. Это было 23-го марта. 30-го же марта ликвидируется Губвоензаг, сослуживший огромную службу, которая найдет когда-нибудь своего историка

Назначение т. А. А. Алексеева Председателем Президиума.

29 апреля состав Президиума вновь изменяется, и председателем его становится А. А. Алексеев.

В Президиум вошли Ценципер, Эбергардт, Артеменко и Квитченко. Вместо последнего впоследствии вступил т. Головчанский.

Главною задачею Президиума Губсовнархоза является всестороннее регулирование промышленности, направление прозводства к новым целям. Поэтому Президиум совместно с Центральной Производственной Комиссией берет на себя задачу—анализировать производственные программы Отделов и эксплоатационные сметы предприятий, с целью точного выяснения всего того, что осталось в заводских и прочих складах, определения наличия сырых и вспомогательных материалов и установления производственных возможностей каждой отдельной отрасли, каждой отдельной производственной единицы. Все это должно было вести к внедрению в прозводственные задания точного расчета, обоснованности и базирования на реальных возможностях и условиях момента.

Перестроением промышленного фронта характеризуется предпоследняя и последняя четверть 1920 года.

Губернский с'езд председателей Совнархозов.

Новые позиции на производственном фронте вновь требуют обмена мнений с уездными промышленными деятелями, и потому на 20-ое ноября был созван с'езд представителей (председателей) уездных Совнархозов. На этом с'езде устанавливается новый подход к промышленности применительно к новым целям и новым требованиям. Властно выявляется идея целесообразности в производстве и наряду с этим пробивается мысль об экономичности. Эта мысль является как-бы предтечей будущего хозяйственного расчета.

Так мирно закончился для Губсовнархоза 1920 год и наступил 1921 год, который внес очень много нового в жизнь всей Республики и в особенности—в область промышленности.

1921-й год.

В начале 1921 года еще жило стремление дать работу всем предприятиям. Все усилия были направлены к тому, чтобы все фабрики и заводы занимались своим производством, и чтобы как можно больше рабочих нашли-бы в них занятие. Вопрос об экономичности, хотя уже пробивался на свет, но еще не выкристаллизовался в определенное самодовлеющее понятие. Пока, как-бы в подготовительной стадии, властвовал вопрос о под'еме продуктивности рабочего труда, о приближении его к довоенным нормам. Увеличение выработки, поднятие производительности—вот главные лозунги того момента, которые служили базою для широко развивавшейся производственной пропаганды.

Новая экономическая политика.

В марте начинается эра новой экономической политики. Продналог заменяет продразверстку. Земледроб получает право пользоваться излишком плодов своего труда. Открывается свободная торговля, является и новый покупатель в лице крестьянского населения. Товарообменная операция постепенно уступает поле новому денежному торговому обороту. Это—полный переворот в экономических отношениях и формах, существовавших до сего.

Президиум, Центральная Производственная Комиссия и все сотрудники Губсовнархоза захвачены новыми социальными условиями. Перестройка промышленности на новый фронт требует всестороннего освещения этого вопроса.

В тех же целях 11 го июня было созвано совещание всех ответственных работников Губсовнархоза, посвященное обсуждению вопросов, связанных с новой экономической политикой, в целях подготовки к губернскому с'езду С. Н. Х., который состоялся в июле.

Отбор предприятий.

В связи с новыми условиями Губсовнархоз дает всем своим отделам задание об отборе наиболее крупных, наиболее усовершенствованных и наиболее приспособленных к работе заводов. Главным принципом в промышленности является хозяйственный расчет, самоокупаемость. Не всякий, даже хорошо оборудованный, завод в состоянии оправдать указанный принцип, если нет в наличии всех условий, требуемых для правильного коммерческого функционирования

Для работы на коммерческих началах требуется целый ряд экономических и социальных условий. Требуется емкий рынок для продукции требуются источники сырья и топлива, необходимы удобные пути сообщения, важную роль играет продуктивность рабочего труда, своевременное снабжение денежными знаками. Не всегда все эти условия налицо, и поэтому требуется особенно тщательный анализ при проведении принципов новой экономической политики в жизнь.

Трудность задачи усугублялась еще и тем, что еще не были изжиты навыки, оставшиеся наследием военного коммунизма. Приходилось еще перевоспитывать кадры служащих и рабочих, поставить их в новые рамки и приобщить к новым преобразованиям. Но надо еще вспомнить другое наследие военной эпохи. Это—истощение сырых материалов, оскудение запасов, почти полный недостаток денежных средств.

Недостаток оборотных средств.

До этого промышленность существовала на средства, ассигнуемые центральными органами. Вся продукция передавалась без оплаты разным государственным учреждениям и преимущественно—военному ведомству. И поэтому, когда Губсовнархоз встал перед необходимостью ввести новые принципы в жизнь, он встретил сильнейшее препятствие в недостатке средств, он очутился в положении жертвы своей вынужденной бедности. Помощи ждать было неоткуда. Центр отказывал в субсидии и предоставил Губсовнархозу изыскать средства, где и как он может. Положение было действительно затруднительное. На первых порах оно казалось даже безвыходным.

Группировка предприятий.

С малыми запасами сырья, с ничтожными денежными средствами и с почти полным отсутствием топлива казался немыслимым переход предприятий на хозяйственный рассчет. Однако, пройдя такую школу, какую пришлось пройти с Октябрьской революции, Губсовнархоз не остановился перед нагроможденными на его пути препятствиями. Было приступлено к группировке предприятий в об'единения. Начался генеральный учет фондов основного и оборотного. Начали выявлять все имевшиеся на лицо возможности в производственной области и систематизировать результаты обследований и учета. Наиболее благоприятно поставленные об'единения приступили к действию. Почин был сделан об'единением химических заводов, включившим четыре химических предприятия.

С октября была переведена на хозяйственный рассчет „Саратовская Мануфактура". Вслед за ними также стали перестраиваться и другие отрасли промышленности.

Новый состав Президиума.

В Сентябре изменился состав президиума. В его состав вошли: т. Кроник и инженер Дьяконов, и, таким образом, в нем стали фигурировать: Председатель президиума А. А. Алексеев, заместитель председателя А. Т. Ценципер, т. Эбергардт, инж. Н. М. Дьяконов, представитель Губпрофсовета Кроник.

Переорганизация Губсовнархоза в связи с новой экономической политикой.

Новая экономическая задача, преследующая: а) выделение из массы предприятий наиболее жизненных для образования группы действующих предприятий, б) подлежащих передаче в аренду мелких и средних заводов, не представляющих итереса для казны, в) временно находящихся на консервации, и наконец, г) подлежащих разоружению,—не могла не повлечь реорганизации управляющих органов. И действительно, Губсовнархоз и его уездные отделы должны были переконструироваться. Все его производственные отделы (Управления Губернской промышленности той или другой отрасли), когда совершился отбор и группировка работающих заводов в об'единения, оказались лишними и были упразднены, за исключением Электроотдела и Губкустпрома. Электроотдел остался потому, что на него были возложены чрезвычайно важные задачи по электрофикации нашей губернии.

Вместо производственных отделов Губсовнархоз организовал четыре функциональных отдела: Центральное Производственное Управление, Финансово-Счетное Управление, Организационно-Административное Управление, и, наконец, Губернское Управление по снабжению, которое потом переорганизовалось в Губернское Управление по Снабжению и Торговле. Все уездные Совнархозы были ликвидированы. Вместо них в каждый уезд был назначен уполномоченный Совнархоза, который в свою очередь является и директором-распорядителем уездного промышленного об'единения.

Бездействующие предприятия, а равно подлежащие сдаче в аренду, перешли в ведение Центрального Производственного Отдела. Таким бразом, внутренняя структура Губсовнархоза значительно упростилась. Во главе же промышленных об'единений поставлены правления (дирекции), до известной степени автоном-

ные, но подчиненные президиуму Г. С. Н. Х. и контролю и регулированию функциональных отделов Губсовнархоза.

Губернское совещание Совнархозов.

Для установления единообразного отношения в деле осуществления перевода всех губернских предприятий на хозяйственный рассчет, 6-го ноября состоялось Губернское Совещание Совнархозов.

Весь 1921 год прошел под знаком нового строительства. Все тучи военной грозы рассеялись бесследно, но все же оставались действовать тяжелые последствия прошлого. Все время промышленность испытывала огромнейшие затруднения в топливе, в недостатке продовольствия и в нехватке денежных знаков. Многие, совершенно подготовленные к пуску, предприятия не могли приступить к работе.

Влияние неурожая на промышленность.

Но все это бледнеет перед тем несчастьем, которое стало вырисовываться уже с весны и которое выяснилось во всем своем ужасе в середине года. Это—небывалый неурожай. На Саратовской промышленности неурожай отразился особенно тяжело. Питаясь преимущественно продуктами земледелия и сельского хозяйства, доминирующие отрасли промышленности очутились перед полным отсутствием сырья для своей работы. Мукомольная, маслобойная, винокуренная, поташная и проч. отрасли промышленности не могли развить своей производственой деятельности. Если кое-где и дымились предприятия, то лишь на короткое время и случайно. В общем промышленность стала замирать. Но на-ряду с этим мы наблюдаем в некоторых отдельных случаях благотворное влияние новой экономической политики. В сентябре начинает работать бездействовавший с Октябрьской Революции костеобрабатывающий завод в г. Покровске и развивает свою работу „Саратовская Мануфактура".

1922 год. Развертывание промышленности.

Первая половина 1922 года протекает под давлением неурожая и голода, принявшего такие размеры, которые никто не мог себе представить. Все помыслы были обращены на борьбу с голодом. Однако, промышленность не складывала оружия и продолжала бороться за свое существование. С самого начала года группировка фабрик и заводов стала проходить успешнее, и следом друг за другом сорганизовались об'единения и тресты. После Об'единения Химических заводов (О. Х. З), после выхода на хозяйственный расчет автономных предприятий—Саратовской Мануфактуры и 1-ой Государственной Табачной фабрики, что произошло до 1-го октября 1921 г.,—образовалось Металлооб'единение, включившее 5 металлообрабатывающих заводов и начавшее функционировать с 1-го января.

В феврале и марте закончилось группирование фабрик и заводов, за исключением одного, вновь образовавшегося в июле, Государственного Саратовского Губернского Комбинированного Об'единения, обнимающего 14 предприятий. Кроме указанных, образовались нижеследующие об'единения: Деревотрест, включивший 5 предприятий, Маслотрест, обнимающий 12 заводов, Полиграфтрест, в состав которого входят девять производственных единиц, Кожтрест, эксплоатирующий 5 предприятий. Существовал еще с начала года Бондарный трест, который был ликвидирован вследствие того, что не был в состоянии работать безубыточно.

Об'единение уездной промышленности.

Что касается уездной промышленности, то в каждом уезде образовалось свое уездное промышленное об'единение, включившее все работоспособные и жизненные предприятия. Таких об'единений 8. В Саратовском уезде уездного промышленного об'единения нет, так как самые крупные заводы этого уезда включены в городские об'единения или выделены в автономные производственные единицы.

Конец первого операционного года.

1-го октября с. г. закончился первый операционный год новой экономической политики. Теперь подводится итог тому, что сделано за этот год, что дала промышленность, и что она претерпела. Этот итог должен служить уроком для будущего, хотя обыкновенно первый год—не в счет. Это еще тем более верно, что первый год новой экономической политики совпал с ужасною катастрофою—голодом, в центре которого очутилась и Саратовская губерния. Но в итогах будет учтено, что от неурожая и голода, и что от управляющих органов и от самых принципов—хозяйственного расчета и самоокупаемости.

Заключение.

Вышеизложенный очерк, отражая только основные этапы деятельности Губсовнархоза за истекшие революционные годы, не может дать полной картины той громадной и кропотливой работы, которая была проделена всей рабочей массой, взявшей в свои руки фабрики и заводы.

Только сознание необходимых жертв для своего родного пролетарского дела дало стойкость рабочей массе вынести те неимоверные лишения, которые выпали на ее долю в годы гражданской войны, блокады и голода.

Профсоюзы—эта база пролетарской диктатуры—были тем неисчерпаемым источником, откуда Губсовнархоз черпал десятки и сотни тружеников, бравших смелою рукою на себя тяжелое бремя рабочих администраторов. Хвала этим героям труда!

Трудовая Республика сблизила работников физического и умственного труда, и привлеченные Губсовнархозом технические силы предоставили свой опыт и знание на служение пролетарскому делу.

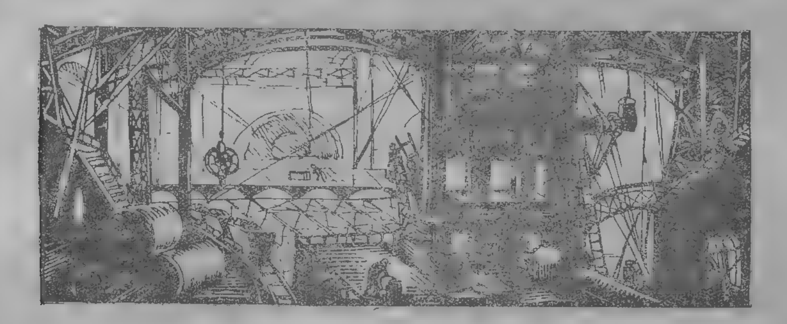
Трудное время уже за нами. К пятилетней годовщине Октябрьской Революции Советская Республика мощно упрочила свое международное и внутреннее положение. Благоприятный урожай, восстановление сельского хозяйства рисуют надежные перспективы для промышленности.

Шестой год существования Советской Республики должен быть годом победы на хозяйственно-промышленном фронте.

Уже фронт разрухи прорван, и частица общей победы выпадает также на долю саратовской промышленности.

Президиум Саратовского Губсовнархоза.

Октябрь 1922 года.

Государственная полиграфическая промышленность

в Саратовской губернии. — (1918—1922 г.г.)

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК).

„Комиссариат совграфий".

Письменная история бывшего губернского полиграфического отдела Саратовского Совета Народного Хозяйства начинается с 13 марта 1918 г., когда был организован „Комиссариат типографий Саратовского Совета Раб., Солд. и Крест. Депутатов". К этому времени государственная полиграфпромышленность в Саратове насчитывала всего на всего четыре типографии: бывш. губернского правления, „Саратовского Вестника", Саратовского Листка" и типография Саратовского губернского земства.

Эти типографии первыми подверглись конфискации со стороны рабочей власти. Первым типографским комиссаром был коммунист тов. Н. Е. Ефремов (ныне умерший на фронте от тифа), которому принадлежит по праву имя основоположника государственной полиграфической промышленности в Саратове. Вторым комиссаром является тов. Э. М. Барен и третьим—тов. Я. Т. Серов.

Первый из этой тройки встал во главе бывш. типографии губернского правления, второй—бывш. типографии губернского земства и третий—бывш. типографии „Сарат. Вестника" и „Сарат. Листка".

С 15 марта постановлено было принять в ведение Комиссариата типографию военного Комитета. Самая типография была закрыта, а рабочие переведены в типографию быв. „Сарат. Листка".

Кроме того, Губисполкомом была учреждена специальная должность комиссара по делам печати. Первым комиссаром был назначен т. Алексеев, впоследствии убитый Рабиновичем, владельцем типографии.

Убийство комиссара по делам печати т. Алексеева.

Первые типографские комиссары проявили в своей работе огромную энергию, достойную быть отмеченной. С винтовкой в руке приходилось отбирать у владельцев типографий их имущество. Как относились владельцы к отбиранию у них типографий, видно из факта убийства Рабиновичем первого комиссара по делам печати т. Алексеева в конце марта 1918 года. Тов. Алексеев был застрелен при выполнении своих служебных обязанностей в помещении типографии.

Работа первого Комиссариата.

Далеко не в полной мере сохранившиеся документы свидетельствуют о необыкновенно напряженной и плодотворной работе первого Комиссариата. При отсутствии средств, бумаги, которой сразу стало не хватать в производстве, при беспомощном на первых порах механизме власти, первые комиссары проявили настоящие чудеса: протоколы заседаний Комиссариата полны правильно и чутко поставленных административно-хозяйственных вопросов, разрешение которых при поверке истекшим 4-хлетним опытом должно быть признано правильным и целесообразным.

Красной нитью в работе первого Комиссариата проходит его основная задача: всеобщая по г. Саратову национализация полиграфических предприятий. Первые работники правильно учли специфическую особенность производства, важное политическое значение его в исторический момент, и первыми их словами были: немедленная национализация всех саратовских типографий, что впоследствии и было сделано, и что потом содействовало сохранению промышленности от уничтожения и распыления.

Дальнейшие конфискации полиграфических предприятий.

23 мая 18 года постановлено конфисковать типографию Подземского со всем имуществом и капиталом, 5 июня—общества книгопечатников и Авербаха.—Комиссаром в авербаховскую типографию назначен т. А. М. Скляревский. 1 июля постановлено конфисковать типографию Сибрина, где печаталась копеечная газетка „Почта", а 1 ноября Исполком постановляет топо-литографию Шельгорн и к-о передать Отделу по немецким делам, впо-

следствии—Немкоммунс. 15 ноября местный союз графических искусств (печатников) делает Комиссариату предложение национализировать штемпельно-граверные мастерские. Параллельно с этим ведется большая работа по подготовке и разработке вопроса об общей национализации полиграфических предприятий.

Вступление в Комиссариат новых работников.

С 5 июля в управление типографиями входит ряд новых работников: т. т. Кармаза, Ф. Львов, Кочетов, Кулагин (умер на фронте от тифа), Радзин, Терауд. Количество предприятий, управляемых Комиссариатом, увеличивается. Перечисленные товарищи становятся во главе их.

Инструкция о порядке управления типографиями.

3 июля 18 года Исполкомом была утверждена „инструкция Комиссариата советских типографий г. Саратова", которая была отпечатана и развешана дла руководства по всем типографиям. Она содержала 10 статей, в коих определялись функции, права и обязанности Комиссариата по управлению полиграфическими предприятиями. 24 июля устновлена нумерация национализированных предприятий: № 1—типография „Красная Газета" и „Известия", № 2—б. Авербах, № 3—б. Подземского, № 4—б., губ. правления, № 5—б. Сибрина, № 6—б. Феокритова.

Реорганизация Комиссариата в Управление советскими типографиями.

11 сентября 1918 года постановлено: „составить проект о переименовании Комиссариата в Коллегию по управлению советскими типографиями" и считать председателем т. Ефремова, товарищем председателя т. Скляревского, секретарем т. Барен".

Общая национализация полиграфического производства по гор. Саратову.

23 сентября на заседании Управления советскими типографиями был заслушан доклад о национализации всех типографий гор. Саратова. Постановлено доклад послать Губсовнархозу на санкцию,

15 ноября тов. Ефремов делегируется в Президиум Губсовнархоза для переговоров о передаче совграфий в ведение Губсовнархоза. В этот же день от союза графических искусств поступило предложение национализировать штемпельно-граверные мастерские.

25 декабря состоялось первое заседание Полиграфического Отдела совместно с представителем Губсовнархоза, на котором постановлено: все предприятия гор. Саратова, относящиеся к полиграфическому производству, национализировать, мелкие типографии концентрировать в крупные единицы. Всего подлежало национализации 48 предприятий.

Образование Полиграфического Отд. Губсовнархоза.

Фактическое существование Полиграфотдела начинается с 25 декабря 1918 года. Во главе коллегии Отдела из трех лиц встал т. Скляревский, тов. председателя т. Ефремов, член коллегии т. Барен.

В это время в распоряжении Отдела имелось 9 предприятий. Коллегия 27 декабря в своем заседании назначила заведывающих предприятиями и технических руководителей. Здесь же было получено и зачитано „положение о Полиграфическом Отделе", присланное Губсовнархозом.

Фамилии заведывающ. предприятиями: № 2—Терауд, № 3—Попов, № 4—Кузнецов, № 5—Иванов, № 6—Радзин, № 9—Калинин. Технические руководители по тому же порядку: Рогачев, Бышкин, Мартынов, Орлов, Петров и Шретле.

С первых шагов коллегия занялась вопросом о превращении саратовского Полиграфотдела в губернское Управление промышленностью.

26 декабря особым письмом коллегия Полиграфотдела устанавливает впервые связь со всеми типографиями уездов Саратовской губернии.

Ведомственные типографии.

Помимо типографий, находящихся формально в ведении Губсовнархоза, фактически существовали ведомственные: типография „Красной газеты" принадлежала Губкому Партии, типография „Известий"—Губисполкому. Полиграфотделу стоило больших трудов и усилий устранить этот дуализм управления, и в начале 1919 года две упоминаемые типографии юридически и фактически были переданы Полиграфотделу.

Помимо этого, со стороны целого ряда учреждений было проявлено настойчивое желание иметь свои собственные типографии.

Полиграфотдел решительно отклонял подобные притязания, и ни одна из типографий не ушла из под его ведения. Наоборот, левые эсеры, привезшие из Царицына свою типографию, 28 сентября предложили взять ее в ведение Комиссариата совграфий.

9 октября последовал отказ в отводе типографии Отделу Народного Образования. 14 октября отказано Союзу Потребительских О-в в притязании на бывш. типо-литографию Винклер (11-е отделение). 23 октября отказано Экономическому Институту. 26 декабря получило отказ Литературное Издательство Отдела Искусств.

Товарищи, стоящие во главе Полиграфотдела, словно инстинктивно чуяли, что распылять по ведомствам типографии не следует. Последующие годы жизни Полиграфотдела с наглядностью подтвердили правильность удержания всего производства в одних руках. До сих пор все оборудование полиграфической промышленности, не в пример другим видам ее, сохранилось в целости и находится в хорошем состоянии.

Первый с'езд представителей полиграфического производства Саратовской губернии.

С'езд открылся 6 февраля 1919 года. Этот с'езд имел огромное организационное значение. На нем были выработаны: положение о губернском Полиграфическом Отделе, положение об уездных полиграфотделах, калькуляция заказов. С момента первого с'езда устанавливается тесная производственная связь губернского центра с уездными предприятиями. Губполиграфотдел становится руководящим органом в губернском масштабе. Им вырабатываются и немедленно рас-

сылаются особые анкеты о техническом состоянии и оборудовании уездных типографий. Он сразу становится единственным органом снабжения для всех уездов

О национализации фотографий.

К февралю 1919 года общая промышленная ситуация оказалась таковой, что от ряда владельцев фотографий начали поступать заявления о добровольной передаче своих мастерских в ведение Губполиграфотдела.

В. С. Н. Х. по этому вопросу дал принципиальное согласие. Протоколом заседания Призидиума Губсовнархоза за № 25 поручено было взять на учет все саратовские фотографии и выработать план организации фотографического производства. Национализацию, однако, не удалось провести, т. к. вопрос о фотографиях подвергся в центре изменению, и фотографии отошли в ведение Отдела Искусств, оставшись в частных руках.

Национализация типографий по всей губернии.

К февралю месяцу все типографии уездных городов и сел, общим числом 18, оказались в руках государства, т. е. национализированными. Саратовские типографии юридически национализированы постановлением Губсовнархоза от 14 января 1919 г. (протокол № 7), числом 48. Всего, таким образом, было национализировано по губернии 66 предприятий. Большинство из них—мелкие, кустарного типа, заведения. Крупные полиграфические предприятия г. Саратова получали от Губисполкома отдельные приказы о национализации. Как имеющий исторический интерес, приводим один из таких приказов в отношении типографии бывш. Авербах (печатня Як влева):

ПРИКАЗ.

Именем Российской Федеративной Социалистической Советской Республики; Исполнительный Комитет Саратовского Совета Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов постановил:

типографию Леонида Николаевича Авербах с ее имуществом и капиталами, находящуюся в городе Саратове, национализировать и передать в распоряжение Комиссариата советских типографий.

Предписываем Комиссариату типографий совместно с представителями губернского Советского Контроля немедленно приступить к выполнению настоящего приказа. Виновные в неподчинении и противодействии приказу будут преданы суду Революционного Трибунала. Тов. Председателя (подпись) Секретарь (подпись). № 11188. 17 го июля 1918 г. г. Саратов.

Концентрация предприятий.

О размере и формах концентрации можно судить по тому, что в Саратове на 1 января 1921 года вместо 48 предприятий—в период национализации—числилось 9. В уездах из 18—образовано 13.

На 1-е октября 1922 г. в Саратове—7 предприятий, в уездах—15. В 1920 году вновь открыта типография в с. Базарном Карабулаке, в 1921 году—в г. Дергачах, за Волгой. В настоящее время сконцентрированные предприятия представляют из себя крупные чисто-фабричные единицы с хорошим оборудованием. Уездные типографии усиленно пополнялись и расширялись оборудованием из губернского центра и в данное время представляют из себя довольно солидные, для уездного масштаба, предприятия.

Состав коллегий Губполиграфотдела.

Первая коллегия—с 25 декабря 1918 г.—состояла из т. т. Ефремова, Барена и Скляревского.

Вторая коллегия с 20 февраля 1919 г.—т. т. Барен, Калинин и Ефремов.

Третья—с 28 октября 1919 г.—т. т. Барен, Мочалов и Петров И.

Четвертая—с 12 августа 1920 г.—т. т. Барен, Фролов и Реш.

В четвертую коллегию временно входили т. т. Архангельский и Петров Н.

Летом 1921 года коллегиальное управление было заменено единоличным (заведывающим Отделом). Первым заведывающим был т. Барен, вторым и последним—т. Фролов. С 1 февраля был образован Полиграфический Трест во главе с директором-распорядителем т. Фроловым и его заместителем т. Реш.

Особенность состава коллегий.

Что достойно быть отмеченным, это—чисто рабочий состав коллегий. За все время существования Комиссариата по управлению совграфиями, Управления совграфиями, Губполиграфотдела и Полиграфического Треста—возглавляли промышленность неизменно сами рабочие. Из рабочих же был сформирован и весь административно-технический персонал. На примере Полиграфпромышленности Саратова воочию доказывается, что рабочие способны управлять своим производством.

Пятилетняя практика выдвинула из среды печатников ряд ценных и дельных работников, умеющих вполне разбираться и ориентироваться в сложных экономических положениях.

Борьба красных печатников с желтыми.

С момента Октября саратовские печатники в подавляющем своем большинстве находились под влиянием меньшевиков. Это влияние сохранилось до весны 1919 года, когда впервые в цитадели меньшивизма образовалась трещина. Масса печатников к этому времени наступлениями Колчаковской и Деникинской армий сразу была поставлена „на должное место", т. е. в общие ряды рабочего класса Совреспублики, грудью отстаивающею свое рабочее государство.

Весь же 1918 год прошел в довольно острой борьбе небольшой группы коммунистов печатников с меньшевистской „громадой".

Внешне эта борьба выливалась в „выступлениях" на общих собраниях, празднованиях праздников и невыходе на работы в до-революционные табельные дни и в массе других будничных мелочах, которые, однако, временами приводили к довольно серьезным затруднениям, если принять во внимание, что аппараты власти еще совершенно не окрепли.

Правление Союза рабочих графических искусств (так назывался в то время Союз рабочих

полиграфического производства) находилось в руках меньшевиков.

Таким образом, волей-неволей красные печатники-коммунисты организованы были при Комиссариате совграфий, и последний являлся штабом, откуда была поведена атака на желтое правление и поддерживающих его печатников.

В феврале месяце весь штат наборщиков и печатников газеты „Известий" предстал пред судом нового Союза красных печатников по обвинению во враждебном отношении к Соввласти. Суд вынес постановление раскассировать штат по разным предприятиям. К концу 1919 года сопротивление было сломлено. Печатники за бурный 1919 год окончательно „покраснели". События этого года оказались лучшим агитатором. И в тот момент, когда Деникин докатывался чуть-ли не до Саратова, печатники дружно провели мобилизацию на фронт, плечо к плечу стояли возле своих станков.

Работа Губполиграфотдела при наступлении на Саратов Деникина.

Летом 1919 года Саратов представлял из себя крепость, окруженную врагами. Деникин был в 70—80 верстах. Ряд учреждений и ведомств готовился к эвакуации. Атмосфера была наэлектризована до-нельзя. Враги открыто готовились к встрече „избавителей". Стал готовиться к эвакуации и Губполиграфотдел. Образовалась комиссия по эвакуации типографий. По предприятиям были разосланы предписания снять с печатных машин те части, без коих пуск в ход их был-бы невозможен.

Наводненный войсками и штабами их, Саратов кипел, как в котле. Все типографии были завалены заказами штабов армий и воинских частей. Одна из типографий была отведена специально для печатания военных приказов и работала круглые сутки.

При Губполиграфотделе были учреждены суточные дежурства ответственных работников. Печатникам выпала жаркая и славная работа, окончательно выбившая меньшевистскую одурь из голов даже самых упорных и отсталых. Серьезная опасность, грозившая рабочему государству, спаяла всех рабочих Саратова в одно целое. Вся рабочая масса оказалась и большевиками, и коммунистами. У помещений профсоюзов целыми толпами стояли „новобранцы" профсоюзных наборов и мобилизаций. Вчерашние меньшевик, эсер—сегодня шли с винтовками в руках защищать подступы к Саратову.

Губполиграфотдел открывает профтехнические курсы, а затем и школу.

2 сентября 1919 г. коллегия Губполиграфотдела в своем заседании обсуждала вопрос о необходимости открытия хотя-бы краткосрочных курсов полиграфического производства. Необходимость курсов вызывалась резким сокращением и убылью квалифицированных работников, поглощаемых бесконечными мобилизациями.

27 февраля 1920 г. вопрос о курсах снова дебатируется коллегией. На этот раз решено открыть курсы не позднее 1 мая. Срок обучения—6 месяцев. На курсы предназначены к откомандированию выученики по 3-му году в числе 70 человек. 7-го июня курсы были открыты. В декабре месяце был сделан выпуск курсантов в числе 40 человек.

Не ограничиваясь этими курсами, Губполиграф в октябре 1920 г. открывает професс.-техническую школу с 2½ годичным обучением. В этой школе состояло 140 учеников при 17 преподавателях по всем цехам полиграфической промышленности. Школа была поставлена солидно, даже широко. Кроме профессионального обучения, все ученики в полиграфическом отделении Рабочего Политехникума проходили курс общеобразовательных предметов по следующим предметам: русский язык и литература, арифметика, алгебра и геометрия, природоведение, география России и физическая география, рисование, физика, химия, история культуры, история книгопечатания, законоведение, гигиена и санитария, иностранные языки.

Школа содержалась на средства Губполиграфотдела. Для нее было отведено прекрасное 3-хэтажное здание—типография № 10 (фабрика быв. Соломонова). Ученики и курсанты, помимо жалования по тарифу, получали от Губпрофобра продовольственный паек, равный бронированному пайку рабочих полиграфического производства.

2-й выпуск курсантов произведен 1 июля 21 г., давший 32 квалифицированных рабочих.

3-й выпуск сделан 1 ноября 21 г. в 35 курсантов. Таким образом, за все время существования профес.-техн. курсов три выпуска дали 107 квалифицированных работников печатного дела.

С 1 ноября, в связи с новым экономическим курсом и переходом на хозяйственный рассчет, курсы пришлось закрыть, а школу с'узить до 40 учеников при 5 преподавателях. Отдельное помещение школы пришлось также закрыть, поместив ее в действующем предприятии (типография № 2).

В данное время школа насчитывает 52 учеников при 7 преподавателях.

2-й, 3-й и 4-й губс'езды представителей полиграфпромышленности.

16—18 июля 20 года состоялся губс'езд рабочих печатников и заведывающих полиграфическими предприятиями. Этот с'езд отличался большой многолюдностью и продуктивностью. На нем был решен ряд важных практических хозяйственных и организационных вопросов о порядке управления, снабжения, отчетности и т. д.

22 сентября 21 года открылся 3-й с'езд. Главными вопросами были: новая экономическая политика, перевод предприятий на хозрасчет, форма об'единения промышленности. С'езд единогласно высказался за обще-губернское об'единение полиграфического производства—за губернский трест.

4-й С'езд состоялся 16—18 сентября 22 г., на котором констатирован упадок полиграфического производства в уездах.

Переход на хозяйственный расчет и борьба за губерское об'единение промышленности.

По вопросу о масштабе полиграфического треста разгорелась оживленная борьба между Губполиграфотделом и Губсовнархозом.

Все ответственные работники печатного дела, учитывая специфическую особенность полиграфического производства в условиях переживаемого момента, а также существующую тесную и действительную производственную связь губернского центра с уездами, стояли за общегубернский полиграфический трест. С этим были согласны: Главное Управление полиграфической промышленности ВСНХ, Саратовский Губпрофсовет (потом он от своей точки зрения отказался), Губотдел В. С. Р. П. П., 3-й губернский с'езд и экстренный с'езд заведывающих полиграфическими предприятиями Саратовской губернии, состоявшийся 15 декабря 1921 года специально по этому вопросу.

С таким планом несогласным оказался Губсовнархоз. Он выработал общий схематический план перехода промышленности к новым формам хозяйства и управления, по которому все уездные предприятия, в том числе и типографии, должны были отойти в ведение местных комбинатов, возглавляемых уполномоченными Губсовнархоза на местах.

В результате 3-хмесячной борьбы, Губсовнархоз настоял на своем плане.

В данное время последствия этого плана у всех на глазах: полиграфическое производство в уездах переживает острейший кризис; типографии подверглись резким сокращениям в штатах, а в некоторых местах—хозяйственному забросу со стороны управляющих комбинатами. Дело доходило до того, что, например, аткарский уполномоченный однажды приехал в Саратов и заявил: „Куда хотите берите от меня типографию; она мне совершенно не нужна, дает убыток. В типографском деле я ничего не понимаю".

Саратов ничего подобного не переживал. И можно определенно сказать: при наличии губернского об'единении уезды также не находились бы в столь тяжелом положении.

4-й Губс'езд дал безотрадную картину развала промышленности и тяжелого материального положения рабочих-печатников уездов, в силу острой безработицы. Учтя это обстоятельство, группа „бывших", людей во главе с бывшим владельцем типографии Бухановским, устроила в Саратове (рядом с почтамтом, по Московской ул.) комиссионно-агентурную контору, занимаясь сбором заказов на типографские работы и передачей их за бесценок в уезды.. Цены на заказы до того безобразно низки, что, например, в Вольске заработок рабочего равнялся 2.000.000 руб. в неделю. „Дельцы" же в Саратове „не сеют, не жнут", а сыты бывают вполне...

Мартовские события.

В начале марта 21 года, в связи с сокращением продовольственного пайка, причем это сокращение выразилось всего-на-всего в 1/8 фунта хлеба в день, в Саратове, главным образом, среди железнодорожников, возникли волнения, вылившиеся в создание рабочей контрольной комиссии при Губпрофсовете, в прекращение работ в ж. д. депо и некоторых заводах и фабриках. Эти волнения коснулись и среды печатников.

В созданную контрольную комиссию от печатников вошли 10 человек: от типографий №№ 2, 4, 9 и 10 по 2 представителя, от ремонтной мастерской—1, от переплетной мастерской Губотнароба—1.

Во время работы комиссии, продолжавшейся 1 месяц, часть членов этой комиссии была уличена в сношениях с бандами, оперировавшими в районе Саратовской губ., а также в анти-советской пропаганде среди рабочих масс. Губчекой были произведены персональные аресты.

В числе персонально арестованных оказалось 2 представителя от печатников: 1 от 2 отд. и 1—от 10-го, оба бывшие меньшевики.

На другой день после ареста указанных членов контрольной комиссии (25 марта), рабочие 2-го отделения, явившись в предприятие, отказались приступить к работе, стараясь доказать неправильность ареста своих представителей. И, несмотря на представление справки правлением губотдела В. С. Р. П. П. от Саргубчека, что арестованные заключены под арест не как члены контрольной комиссии, а как частные лица, принимавшие участие в контр-революционных действиях и организациях, рабочие 2-го отделения, за исключением 25—30 человек (из 285) к работе не приступили.

К 2 часам того же дня бросила работу большая часть рабочих 10-го отделения, выставив те же мотивы отказа от работы, что и 2-е отделение.

Чтобы приостановить движение, Губполиграфотделом совместно с Губотделом В С. Р. П. П. был предпринят ряд мер к локализации. Меры увенчались успехом. 26 марта правлением Союза была об'явлена перерегистрация членов Союза с условием, что не явившиеся на перерегистрацию и не ставшие на работу за время с 26 по 28 марта будут исключены из членов Союза. 26-го же марта явилась на перерегистрацию и стала на работу половина общего количества рабочих 2 и 10 отделений.

25 и 26 марта была мобилизована вся фракция коммунистов-печатников и поставлена на срочные работы во 2-м отделении.

Был проведен ряд общих собраний рабочих по предприятиям, где указывалось на сделанную рабочими ошибку. В резолюциях, вынесенных на этих собраниях, рабочие констатировали, что они были введены в заблуждение, и давали обещания, что впредь подобные заблуждения иметь места не будет.

28 марта все движение было ликвидировано.

В уездах движение печатников не коснулось. Рабочие отнеслись к нему безучастно, оставаясь все время за станками.

Образование Полиграфического Треста.

21 января 1922 г. Губсовнархозом утверждено „Положение саратовских предприятий полиграфпрома".

В него вошли следующие предприятия: все типо-литографии гор. Саратова, г. Покровска и с. Базарного Карабулака, с общим числом рабочих и служащих в 720 человек. Во главе Треста поставлен директор-распорядитель и его заместитель. Полиграфтрест находится в ведении Губсовнархоза, в лице его Ц. П. У.

При своем образовании, Полиграфпром оборотных средств не имел. Не были они предста-

влены ему и от Губсовнархоза. Таким образом, ему сразу, при самом рождении, пришлось встать на собственные ноги и начать работу буквально без копейки денег.

Молодой трест сразу стал испытывать острые финансовые затруднения, усугубленные еще и тем обстоятельством, что крупнейшие его заказчики, различные госучреждения, печатая свои заказы в кредит, платили и платят крайне неаккуратно, с огромными запозданиями, а их до 80—90% всей продукции.

Вследствие несвоевременных платежей дебиторов, Полиграфпром, в период падения курса рубля, нес колоссальные убытки на курсе валюты. Эти убытки, без всякого преувеличения, доходили до 50% и выше общего бюджета треста.

Чтобы выйти из тисков финансовой нужды, правление предпринимает шаги к выработке собственной продукции. Через московское представительство удается выяснить возможность сбыта в центре известного количества ученических тетрадей. Немедленно было приступлено к выработке таковых.

С июня месяца приступлено к собственному изданию 100,000 экз. отрывного календаря. Это издание оценивается в 40—50 миллиардов руб. В начале года было изготовлено 2,500 конторских книг на сумму 6 миллиардов руб. В июле и августе были изданы 2 книги детских сказок, с рисунками и текстом литографским способом, по 3000 экз. каждой. Себестоимость этих изданий,— приблизительно, 2 миллиарда рублей.

Все перечисленные мероприятия позволяют надеяться, что в конце текущего года значительная часть финансовых затруднений будет изжита.

Совхоз.

В интересах развития пролетарского сельского хозяйства, увеличения посевной площади, а также для смягчения остроты материального положения печатников, при ближайшем содействии губотдела Союза, Полиграфпром, совместно с кооперативом, заводится своим полевым и садовым хозяйством. Сначала ему предоставлен был в 5—6 верстах на север от города один плодовый сад. Затем печатники получили соседний с ним большой плодовый сад. Соединение этих садов дало солидное хозяйство, в коем имеется до 3000 яблонь, свыше 3-х десятин вишни и небольшой сенокос. Разумеется, сады были в заброшенном состоянии и рассчитывать при их взятии на немедленную прибыль могли-бы только люди, не понимающие дела. Результатов садового хозяйства можно ожидать только через 2—3 года.

В сезон 1922 года Полиграфпром засевал немного яровых хлебов: пшеницы 6 десятин, овса 4 десятины, около 2 десятин проса, такое же количество картофеля. 2 последних посева можно считать пропавшими—картофель взошел на ⅓, просо погибло. Пшеница уродилась удовлетворительно (30—40 пуд. с десятины), овес—25 пуд. с десятины.

На будущий 23 год Полиграфпром площадь запашки увеличивает до 115 десятин. В настоящее время земля от Губкоммунотдела уже получена, находится она от города на расстоянии 8 верст и представляет собою 85 десятин мягкой и 30—залежи бахчевника. К ее обработке уже приступлено. Мягкая земля получена в аренду на 1 год, бахчевники—на 4.

Будем надеяться, что при благоприятном урожае саратовские печатники окажутся со своим хлебом, полученным с собственного поля.

Полиграфпром.

5-тилетие Губпродкома.

Пять лет тому назад рабочий класс России заложил новые формы государственного строя и выдвинул вопрос о создании тех новых государственных учреждений, которые давали бы возможность проводить в жизнь волю пролетариата.

Продовольственных органов в России до Октябрьского переворота почти не было, если не считать короткого существования продовольственных управ при временном правительстве Керенского.

На смену этих организаций Советская власть создала свои продовольственные учреждения. С первых-же дней после Октябрьского переворота в Саратове начал организовываться Совет Губернских Комиссаров по Продовольствию.

Какова была организационная структура Совета Губернских Комиссаров по Продовольствию, и кто возглавлял его и руководил первое время его работами,—мне неизвестно. Только лишь с 1918 г.—момента реорганизации Губернского Совета Комиссаров по Продовольствию в Губернский Комиссариат по Продовольствию (приказ от 18-го июня № 1)—можно установить, кто были его деятелями.

Губернским Комиссаром (Председателем) в то время был Ф. М. Морозов, товарищами его: М. Б. Самсонов и А. А. Ежов и 18 человек помощников Губернского Комиссара по Продовольствию: А. Л. Банквицер, Е. Н. Богданова, И. Т. Егоров и др. Таким образом, первая коллегия Продовольственного Комиссариата состояла из 21-го лица. Однако, и тогда организованной структуры почти не существовало. Если сейчас Губпродком имеет точную и ясную структуру в четыре отдела, то тогда этих отделов было в 2—3 раза более. Некоторые из них носили определенные наименования, другие же имели лишь номерацию. Каких только отделов в то время не существовало—были: отдел по организации деревенской бедноты, отдел военных представителей, стол по учету мыла и т. д.

Но постепенно, по мере получения деректив из Центра, Продовольственный Комиссариат видоизменялся. Особенно усиленным темпом пошла организационная работа в Комиссариате тогда, когда Центр выделил для продработы в Саратовской губернии целый ряд товарищей из голодающих, или, иначе говоря, из потребляющих губерний.

15-го Августа 1918 г. состав Губернского Продовольственного Комиссариата был пересмотрен Чрезвычайным Комиссаром по Продовольствию тов. А. П. Смирновым (ныне Замнаркомпрод) и Председателем Губисполкома тов. Антоновым. В состав новой коллегии в подавляющем большинстве вошли представители из Москвы и Иваново-Вознесенска. Вместо Ф. М. Морозова Чрезвычайным Председателем был назначен Я. С. Якубов, товарищами его К. Мясков (ныне помощник Управляющего Отделом Заготовок Н. К. П.). Ф. М. Морозов и 6 человек членов коллегии: С. Е. Дронин, И. А. Миртов и др. Приблизительно в это же время возник вопрос о выделении из Губернского—Городского Комиссариата по Продовольствию, первым Председателем которого был утвержден М. Б. Самсонов.

Постепенно день изо дня Губернский Комиссариат по Продовольствию вообще и его руководители—в частности—менялись. За пять лет своего существования Губпродком имел десять человек Губернских Комиссаров по Продовольствию: Ф. М. Морозов, Я. С Якубов, К. Мясков, С. Е. Дронин, А. А. Ежов, И. А. Миртов, С. К. Минкевич, Ф. Х. Платонов, Н. Л. Черняк и теперь П. О. Кульманов.

Насколько были многочисленны коллегии Губпродкома первых времен, можно видеть из того, что помимо своих постоянных членов в них на правах членов с совещательным голосом входили представители Совета защиты голодающих детей, военные представители, представители Петрокоммуны, Москоммуны и т. п. Редкое заседание не насчитывало в своем составе до 25—30 человек членов. Теперь коллегия Губпродкома состоит лишь из 3-х лиц.

С самого начала появления продовольственных органов резко обозначались их основные функции—государственная заготовка и распределение.

В атмосфере отчаянной политической борьбы, на тяжелом пути новых исканий менялась экономическая политика государства, видоизменялись, как сказано выше, и продовольственные органы, появлялись новые отделы, отпадали отжившие, но основные отделы—заготовок и распределения—оставались. Они оказались самыми жизненными.

В дальнейшем, насколько позволяет размер очерка, мы вкратце и остановимся на этих основных функциях Губпродкома.

Война с внешним врагом и, особенно, гражданская война 1917—1920 г.г. вызвали чрезвычайное напряжение сил всей страны. Старые дореволюционные экономические устои рухнули вместе со старым политическим строем, новые еще не успели окрепнуть. А тежду тем политическая борьба требовала громадных рессурсов. Надо было снабдить продуктами и сырьем многочисленную Красную армию и армию труда (заводы и фабрики).

Политический момент, момент чрезвычайной опасности для завоеваний Революции, когда враги

внешние и внутренние сплотились в одну мощную силу и грозили раздавить юное социалистическое государство, выдвинул жестокую, но в то время единственно целесообразную, систему „военного коммунизма“.

В деле государственных заготовок эта система вылилась в форму продразверстки с принудительным отобранием хлеба и продуктов за круговой порукой населения. В смертельной борьбе за существование нового политического строя, особенно в первое время, некогда было думать о строгой планомерности, о строгом порядке и даже о справедливости. Это, конечно, не могло не отразиться на самом характере заготовок.

Заготовительная кампания 1917—1918 г.г. проведена была беспорядочно. Разверстки об'явлено не было. Хлеб заготовлялся отчасти путем принудительной сдачи излишков, отчасти путем реквизиции и частично при помощи товарообмена. Заготовка была незначительна. Это об'яснялось плохим урожаем 1917 г., неорганизованностью аппарата принуждения и несоответствием твердых цен, по которым заготовлялся хлеб, с ценами рынка.

Аппарат принуждения в кампанию 1918—1919 г.г. был сорганизован уже более прочно. Отчуждение производилось юридически на основании учтенных излишков. Фактически же основная масса хлебных заготовок прошла самотеком в виду того, что твердые цены более или менее соответствовали рыночным. Разверстка была об'явлена только в декабре—январе. Последние миллионы пудов хлеба были собраны весьма тяжелым нажимом, при поддержке комитетов бедноты.

Кампания 1919—1920 г.г. явилась первой вполне организованной кампанией. Разверстка была об'явлена перед началом кампании, аппарат продовольственных отрядов организовался своевременно. Зато самотеком хлеба шло сравнительно немного: для усиления ссыпки все время был необходим реальный предварительный нажим. Твердые цены уже не соответствовали рынку. Принцип сдачи только излишков, как принцип, оставался нерушимым, хотя практически, особенно в конце кампании, хлеб подчищался.

Кампания 1920—1921 г.г. была наиболее тяжелой. Хорошие урожаи 1918—1919 г.г. сменились слабым урожаем 1920 года. Принцип отчуждения излишков был отменен, и его заменил другой — в первую очередь сдай разверстку, а остаток остается тебе на довольствие

Во второй половине кампании был отдан приказ ссыпать весь наличный хлеб, включая и семена.

В 1921 году кончилась, как внешняя, так и гражданская войны. Враг был разбит на всех фронтах, уничтожен, рассеян. Страна вздохнула свободно. Но отдыхать было некогда. После войны страна оказалась обессиленной и разоренной. На горизонте появился новый враг—экономическая разруха. Чтобы победить этого врага, потребовались другие приемы.

Лозунг вождя Революции Ленина—„Новая экономическая политика“—ободряющим кличем пронесся по всей стране. На смену разорительной войне был призван созидающий труд. Новая политика не замедлила отразиться и на форме государственных заготовок.

Продразверстка сменилась правильно организованной системой натурального налога. Исчезла круговая порука, распущены были грозные продовольственные отряды. На смену им пришли закон и юридическое принуждение. В основу новой системы легло, как доминирующая мысль, восстановление сельского хозяйства. Нет сомнений, что благодетельные последствия новой системы не замедлили бы проявиться, как в смысле результатов заготовок, так и в смысле поднятия сельского хозяйства. Но одна беда не приходит.

В 1921 году Саратовскую губернию поразил неурожай. Поэтому первая продналоговая кампания 1921—1922 годов не могла иметь количественно-значительных результатов, хотя задание заготовок было выполнено почти полностью и почти без всякого нажима.

Массу затруднений представило крайне неудачное продовольственно-налоговое законодательство, состоявшее из 13 параллельных друг другу налогов. Фамилию каждого крестьянина надо было поэтому записывать 39 раз (списки составлялись в трех экземплярах), что технически конечно, не могло быть выполнено.

Урожай 1922 года в Саратовской губернии оказался выше среднего, почему продналоговая кампания 1922—1923 г.г. приняла более крупные количественно размеры. Более простая по сравнению с прошлогодней техника и подготовленность аппарата в целом не внушают опасений в исходе кампании.

Заготовка хлебов с 1917 по 1922 г. выражается в следующих цифрах:

Ссыпано.

Кампан. 1917—1918 г.г.		1.100000	пудов хлебофуража.
Кампан. 1918—1919 г.г.		18.354966	„ „
Кампан. 1919—1920 г.г.		18.541053	„ „
Кампан. 1920—1921 г.г.		10.990037	„ „
Кампан. 1921—1922 г.г.		1.167000	„ „
Кампан. 1922—1923 г.г.	(По 1-е октября)	около 4.000000	пуд. хлебофуража.

Так обстояло дело с заготовками.

Что касается распределения, то и здесь меняющийся курс экономической политики, война и сменивший ее мирный труд нашли себе свое отражение. Если теперь Губпродком определенно знает, что он может заготовить по продналогу и что распределить по твердому плану, утвержденному Н. К. П.,—в первые годы эти данные отсутствовали. Продразверстка давалась Центром почти наугад и таким же способом попадала на места, а распределение находилось в еще худших условиях. Определенного контингента потребителей не было. В особенности дело плохо обстояло со снабжением армии. В некоторых случаях воинские части искусственно вздували свой численный состав („мертвые души“), а при форсированиях на фронты иногда прибегали к насильственному захвату продуктов питания и фуража. Теперь эти времена миновали.

С новой экономической политикой, когда все гражданское население Республики перешло на самоснабжение, функции Распреда значительно видоизменились. Теперь на обязанности распределительного органа лежит лишь снабжение армии и тех немногих учреждений, которые отнесены на госснабжение, да помощь голодающему населению хлебом и семенным материалами по плану центра Это вносит в работу Распреда порядок и планомерность.

„Тяжкие дни миновали". Оглядываясь назад—на пройденный путь, с чувством глубокого удовольствия можно констатировать, что эта работа не прошла даром. Губпродком данного времени является уже стройным государственным учреждением с вполне определенным кругом деятельности. Нет прежней сутолоки, а порой растерянности работников, число которых до 1921 г. достигало почти в одном лишь Губпродкоме до 2000 чел. Порядок и система, к которым стремится центр и власть на местах, оказали свое влияние. Теперь Губпродком имеет всего лишь около 350 чел. своих рабочих и служащих, а всего по губернии по Упродкомам, Заготконторам, элеваторам и т. п.—около 1750 чел. продовольственников

С каждым годом продовольственное дело совершенствуется, и это обстоятельство вселяет надежду, что рабочий класс своим упорным трудом достигнет желаемых результатов.

Т.- -Т.

Народное здравоохранение.

(ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ).

Коновалов.

„Первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на степень господствующего класса, завоевание демократии.

Пролетариат употребит свое политическое господство на то, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, сосредоточить все орудия труда в руках государства"... (Коммунистический Манифест).

Великая Октябрьская Революция, передавшая власть в руки рабочих и крестьян, в своем победном шествии развивалась по пути захвата рабочими и крестьянами капитала, фабрик, заводов и земли.

Жесточайшая гражданская война этот путь захвата форсировала. В кратчайший срок все богатство страны очутилось в руках рабочего класса. Этот путь форсирования развития рабочей революции стал руководящим и по своему стремлению к конечной цели и по своему темпу без исключения для всех областей хозяйственного строительства трудовой Республики. Он был характерным и руководящим и для развития народного здравоохранения.

Медико-санитарное наследство, оставшееся от самодержавного капиталистического строя, носило все характерные признаки этого строя. Ведомственность, платность, квалифицированность и общедоступность— для помещиков и капиталистов, врачебный универсализм (земский врач) и „советы" торгующих аптекарей, шарлатанов и знахарей—для рабочих и крестьянской бедноты, целебнейшие курорты и санатории—для буржуазии, антисанитарная неблагоустроенная деревня и подвальные этажи—для пролетариата; богатые и просторные лечебницы—для капиталистов и общие переполненные больничные палаты—для трудовой бедноты, наиболее верно действующие лекарства—для толстосумов и т. п., „лекарства для бедноты"—для рабочего,— вот основные признаки дореволюционной медицины. Если и можно помянуть добрым словом прежнюю медицину, так это только так наз. общественную земскую медицину, пытавшуюся строить медико-санитарное дело в интересах трудовых крестьянских масс. Октябрьская революция почти в первые-же дни своего развития поставила вопрос о переоценке всех медико-санитарных ценностей. В первую очередь было устремлено внимание в сторону „китов" дореволюционной медицины—ведомственности и капиталистических форм ее.

Утвержденный С. Н. К. в июле 1918 г. Народный Комиссариат Здравоохранения с лихорадочной поспешностью начал перестраивать медико-санитарное дело Республики на основах советской рабоче-крестьянской медицины.

Постановление С. Н. К. о создании НКЗдравоохранения решило основной вопрос медико-санитарного дела,—ведомственность ее, так вредно отзывавшуюся на развитие здравоохранения. Лихорадочно и быстро закипела творческая работа медико-санитарного Комиссариата.

Ведомственность ликвидирована; введена всюду бесплатность; начала насаждаться высокая квалифицированность медпомощи.

Зубоврачевание, бывшее в дореволюционное время только в руках вольнопрактикующих зубврачей, строилось по принципу бесплатности и общедоступности.

Санитарно-профилактической деятельности придано доминирующее значение в деле здравоохранения. Трудящиеся массы через сантройки, санкомы и т. п. втянуты в строительство здравоохранения. Расширилась лечебная стационарная помощь. Вся Республика покрылась санаториями, диспансерами, учреждениями охраны материнства и младенчества.

Частновладельческие больницы, кабинеты, санатории, курорты были национализированы.

В 1921 году, на 4-м году развития советской медицины, медико-санитарное дело Республики целиком и полностью перешло на рельсы основ революционного здравоохранения—бесплатность, общедоступность, квалифицированность и предупредительную медицину. Лозунг „охрана здоровья трудящихся—дело самих трудящихся" проведен красной нитью через все строительство советской медицины. И если взять начало 21 года, то итоги 4-хлетней работы органов здравоохранения выразятся в следующем.

Медико-санитарное дело всех ведомств об'единено в Наркомздраве. Стационарная помощь увеличилась в значительной мере. Все частные лечебно-санитарные учреждения, лечебные местности и аптеки национализированы. Проведена полная бесплатность. Квалифицированность медпомощи возросла, став доступной для широких трудящихся масс. Вся Республика покрыта сетью санаторий и учреждений охраны материнства и младенчества. Санитарная организация стала мощной и дифференцированной. Внебольничная помощь, организация помощи на дому и подача скорой помощи развились до значительных размеров во всех городах Республики. Курорты стали заполняться рабочими и крестьянами. Зубоврачебная помощь сделалась доступной широким трудящимся массам.

Таковы итоги развития и роста советской медицины в первые 4 года после Октябрьской Революции. При переходе в пятую годовщину диктатуры пролетариата перед органами Здравоохранения ставилась задача закрепить завоевания революционного здраво-

охранения и добиться улучшения качественной постановки медпомощи. И поскольку гражданская война окончилась, и все внимание и силы трудящихся были брошены на хозяйственный фронт, постольку эта задача представлялась в ближайшее время вполне осуществимой. Но переход Республики в сфере хозяйствования на рельсы новой экономической политики ясность перспектив в деле здравоохранения резко нарушил, поставив медико-санитарное дело под удар возможного разгрома. И первые результаты этого разгрома уже на лицо: стационарная помощь сократилась с момента снятия здравоохранения с госснабжения около 50%. Целый ряд дифференцировавшихся разветвлений медицинской организации ликвидирован (жилищная организация, секция по борьбе с венерическими болезнями, частично охрана материнства и младенчества, санпросвещение и пр.), вводится платность, некоторые лечебные учреждения целиком переведены на платность, курорты и вообще лечебные местности в значительной мере стали доступными лишь по прежнему „толстосумам" и т. д.

Таково положение здравоохранения в республиканском масштабе. Если взглянуть на мед.-сан. дело в пределах Саратовской губернии, то картина в общем та же: платность, меньшая доступность для тех, кто больше всего болеет и нуждается в медпомощи, резкое сокращение сети лечебно-санитарных учреждений...

Одним словом, основы советской медицины под воздействием методов новой экономической политики если не поставлены в плоскость переоценки их, то во всяком случае, в своем прямолинейном осуществлении значительно отодвинуты во времена до более благоприятной хозяйственной ситуации. Вполне понятно, что сокращение лечебно-санитарной сети, введение частичной платности, понижение квалификации медпомощи в первую очередь отразится и отразилось уже на трудящихся массах.

Характерным примером, иллюстрирующим это положение, может служить явление в деле здравоохранения, которое заключается в том, что рабочие с помощью предприятий и не без содействия группы врачей, чуждых советской медицине, усиленно начали по всей Республике насаждать т. н. фабрично-заводскую медицину, пышно развившуюся и в г. Саратове и являющуюся наиболее худшим видом медицины, крайне выгодной для предпринимателя и администрации предприятий и совершенно невыгодной, бесполезной и даже вредной для самих рабочих.

Все это заставило органы Здравоохранения чрезвычайно серьезно отнестись к назревающему кризису советской медицины в условиях НЭП'а и принять решительные меры к наиболее безболезненному изжитию его, к изжитию с таким расчетом, чтобы трудящиеся массы меньше всего пострадали. Ясно, конечно, что стремление строить медико-санитарное дело так, как оно строилось до первой половины 1921 г., должно быть видоизменено, корректировано с точки зрения новых методов хозяйствования.

Думать иначе, это значит полагать, что здравоохранение может развиваться вне зависимости от об'ективных условий, не считаясь с теми материальными рессурсами, которыми располагает Республика. Азбука эта ясна каждому, ясна она и органам здравоохранения.

Отсюда вполне понятной становится та линия поведения в медико-санитарном деле, на которую встал Наркомздрав и его органы на местах, и которую с неменьшей настойчивостью и решительностью стал проводить в жизнь.

Как бы ни казалось подчас недопустимым, больше того, преступным сокращать, ликвидировать, вводить в отдельных случаях платность, когда заболеваемость трудящихся в десятки и сотни раз больше дореволюционного времени, приходилось и приходится еще делать это, так как в первую очередь и главнейшее внимание всех и каждого в условиях хозяйственной разрухи должно быть сосредоточено на вопросах хозяйственных, на вопросах восстановления промышленности, сельского хозяйства и развития торговли, и поэтому всякая „лишняя" копейка государственного и местного кошелька должна быть брошена в этом направлении.

Тысячу раз был прав *т. Рыков*, когда в своей речи на Всероссийском с'езде профсоюзов указывал, что нужды культурных комиссариатов (образование, здравоохранение, соц. обесп.) должны быть поставлены в порядке удовлетворения на третье место.

Чересчур очевидно, что пока нечего есть, не во что одеться, и не чем обогреть жилище и т. д., было бы нелепо и расточительно-преступно тратить те незначительные „крохи", которыми располагает в данный момент трудовая Республика, на какие-либо другие цели, кроме как на восстановление хозяйства.

Итак, на нужды здравоохранения в настоящих условиях многого дано быть не может и не должно. А поскольку это так, постольку ясно, что очередная задача Здравотделов по возможности, а подчас и без возможности, свои расходы свести до минимума. Здраворганы это уже сделали и продолжают делать.

Но нет сомнения, что эта работа должна производиться чрезвычайно осторожно и с наивозможно меньшим ущемлением интересов трудящихся масс.

Новая экономическая политика в этом отношении задачу значительно облегчила. Введена частично платность, чем изыскан некоторый источник доходов. Как она введена?—С расчетом, чтобы она меньше всего коснулась рабочего и упала бы, главным образом, на нетрудовую часть населения. Сокращены те лечебно-санитарные учреждения, которые по переживаемому моменту без особого вреда для трудящихся могли быть сокращены. Втянуты в расходы по больничным учреждениям хозорганы и профсоюзы. Все медико-санитарное дело в промышленных центрах перестраивается по фронту удовлетворения медпомощью в первую очередь и главным образом рабочих и их семей.

Сельская медицина, обслуживающая крестьянство, в значительной части своих расходов передана на местные средства включительно до местных средств волсполкомов и сельсоветов. Наиболее, пожалуй, „больным" местом в медико-санитарном деле настоящего момента следует считать организацию медпомощи рабочим и их семьям.

В наиболее тяжелый период для дела здравоохранения, относящийся к концу 21 г. и первой половине 22 г., это больное место рабочие сами пытались изжить и, по вполне понятным причинам, неудачно.

В настоящий момент организация медпомощи рабочим начинает удовлетворительно разрешаться самими Здравотделами, по крайней мере, в Саратовской губернии.

Введение социального страхования на заболеваемость рабочих и улучшившееся поступление страхо-

вых взносов материально помогло здраворганам разрешить более или менее удовлетворительно этот вопрос. В ближайшее время (через 2—3 недели) все 4 страховых района г. Саратова будут охвачены Губздравотделом, и во всех их будет организована медпомощь по типу бывших прежде больничных касс, причем управление сетью лечебно-санитарных учреждений этой медпомощи целиком и полностью остается в руках Здравотдела.

Итак, к пятой годовщине Октябрьской Революции здравоохранение темп своего развития резко замедлило, больше того, во многих частях своих совсем прекратило и даже отступило шаг назад.

Если советская медицина в первые четыре года, в годы т. н. военного коммунизма, развивалась по пути захвата капиталистических форм медико-санитарного дела, обобществления их и сосредоточения их в руках государства с целью наилучшего обеспечения медпомощью всего населения Республики, то теперь, в условиях новой экономполитики, здравоохранение неизбежно должно было сузить об'ем своей работы до пределов удовлетворения бесплатной, общедоступной и пр. медпомощью только рабочих и беднейшего крестьянства.

Отсюда и ясны те перспективы, которые рисуются перед органами здравоохранения накануне пятой годовщины Октябрьской Революции.

Наиболее крупное завоевание революционного здравоохранения—единство медико-санитарной организации—должно быть во что-бы то ни стало сохранено. Как известно, целесообразность этого единства последние 3—4 месяца подверглась довольно настойчивой критике как со стороны наших идеологических противников (что совершенно понятно), так и со стороны наших друзей (некоторые профорганизации, НКСО в лице т. Милютина и др.—что совершенно непонятно). Первые толковали о триединой медицине, вторые настаивали на выделении или, вернее, возрождении страховой медицины.

ЦКРКП учел вред этого нэповского уклона в деле здравоохранения и в тезисах о социальном страховании п. 7 указал, что основное начало советской медицины—единство медико-санитарной организации—в полной мере должно быть сохранено. Бесплатность, общедоступность, квалифицированность медпомощи и пр. попрежнему должны являться основными руководящими положениями в работе медико-санитарных организации.

Введение платности за медпомощь должно исключительно коснуться нетрудового населения городов и кулаков деревни.

Все медико-санитарное дело в промышленных центрах необходимо построить по фронту обслуживания рабочих и их семей.

Лозунг „здравоохранение трудящихся—дело самих трудящихся“ должен красной нитью пройти через всю деятельность органов здравоохранения. Будет ли достаточной материальная база для осуществления всего этого? Если полгода тому назад в ответ на этот основной вопрос можно было лишь неопределенно „пожать плечами“, то теперь совершенно отчетливо и уверенно возможно ответить, что средства будут.

Никто не станет оспаривать, что местные средства с каждым днем крепнут, что хозяйство страны, хоть и чрезвычайно медленно, но восстанавливается. Все это вместе взятое начинает давать проясняющуюся картину той одежки, по которой нужно протянуть ножки.

Сохранение единства медико-санитарной организации значительно усиливает средства здравоорганизаций, сосредоточивая в их руках страховые взносы на медпомощь, и, наконец, введение платности для нетрудовых и обеспеченных групп населения и переложение части расходов по здравоохранению на хоз органы и частный капитал—также укрепляет материальную базу развития советской медицины. „Пролетариат употребит свое политическое господство на то, чтобы *постепенно* вырвать у буржуазии весь капитал, сосредоточить все орудия труда в руках государства“...—говорит Коммунистический Манифест.

Думается нам, что эта упорная и решительная постепенность при наличии диктатуры пролетариата в трудовой Республике даст возможность и в условиях НЭП'а здравоохранение построить с наибольшей выгодой для рабочих и беднейших крестьян.

Празднование пятой годовщины Октябрьской Революции тому порукой.

Пять лет пролетарского суда.

Ф. Корнилов.

— „Что же вы понимаете под утверждением правовой почвы“?...

— „Утверждение законов, которые относятся к прошлой эпохе общества, которые созданы представителями погибших или *погибающих* (курсив мой, Ф. К.) общественных интересов, стоящих в противоречии с общими потребностями“.

„Но общество основывается *не на законах. Это фикция юристов. Напротив, закон должен основываться на обществе* (курсив мой, Ф. К.), он, в противоположность отдельным индивидуумам, должен быть выражением его общих интересов и потребностей, проистекающих из данного способа материального производства“.

Эти слова, сказанные К. Марксом перед судом присяжных в Кельне, вспоминались мне, когда я взял перо, чтобы написать эту статью.

Что такое право?... Что такое законность?...

Эти вопросы до сих пор мало нас интересовали, и мы почти совершенно не занимались ими в течение ряда лет.

Четыре года Великой Республики Советов— четыре года кровавой борьбы пролетариата на всех фронтах, четыре года чрезвычайного напряжения сил и воли к победе, революционного разрушения старых общественных форм, старых производственных отношений.

Эта эпоха неувядаемой славы революционной Красной Армии, эпоха небывалых побед и успешного отражения бешеного натиска рассвирепевших врагов пролетариата, знаменует первые страницы истории молодого пролетарского государства.

В течение этих лет страна представляла военный лагерь, и в огне гражданской войны пролетариат творил великое дело укрепления р е в о л ю ц и о н н о г о п о р я д к а. Его армия разбила несметные полчища всемирного капитала, отбросила оплот мировой реакции за пределы своей территории, рассеяла по всему миру бесчисленные отряды отечественной и иностранной контр-революции и облегчила молодому государственному аппарату мирное строительство.

Пятый год проходит под флагом революционного правотворчества и революционной законности.

Об'ективные условия, создавшиеся к этому времени, поставили революционное правительство перед необходимостью заняться выработкой юридических норм и регламентацией общественных отношений, необходимостью создания особой системы *революционного* права. Наряду с этим нужно было реформировать те органы, на которые возлагалось наблюдение за выполнением революционной законности. *Пролетарский суд* привлек к себе о с о б е н н о е внимание.

Что такое суд?

Суд вообще есть один из аттрибутов классового господства—орудие классового угнетения в буржуазном обществе. Задача его—охранять общественный „порядок“—*систему социально-политических отношений, действующую в интересах господствующего класса.*

Поэтому пролетариат в революции разрушает в е с ь аппарат господствовавшей власти для того, чтобы на месте его создать свой, наиболее отвечающий его целям и задачам, аппарат. Пролетарская революция является актом, в котором неразумная „старая действительность“ ведет отчаянную борьбу с новой разумной действительностью,

Завоевав государственную власть, пролетариат разбивает старую государственную машину вместе со всеми ее аттрибутами и в процессе борьбы со своими врагами создает свою систему защиты и свои орудия борьбы. Эти орудия могут быть обыкновенными и чрезвычайными. К числу первых в области охраны революционного порядка в Советской Республике относится Народный Суд, ко вторым—Революционный Трибунал.

Революционный Трибунал был вызван к жизни чрезвычайным обострением гражданской войны, когда нужно было повести решительную борьбу со всякого рода контр-революционными проявлениями и другими преступлениями, ведущими к ослаблению социальной революции. Их единственной обязанностью было—не создавать по примеру буржуазных судов сводов, законов, а, руководствуясь р е в о л ю ц и о н н о й с о в е с т ь ю и с о ц и а л и с т и ч е с к и м п р а в о с о з н а н и е м, охранять завоевания Октябрьской Революции.

В моменты напряженной борьбы Р е в о л ю ц и о н н ы й С у д должен быть беспощаден, в моменты же ослабления этой напряженности он дает возможность обманутым малосознательным преступникам против революции раскаяться и искупить свою вину перед рабочим классом, даруя им жизнь и свободу.

История Саратовского Революционного Суда имеет яркие страницы.

Начало организации Революционного Трибунала было положено постановлением Саратовского Совета Рабочих и Кр. Депутатов в феврале 1918 г. Первый состав его был утвержден Советом в числе одного председателя и 24 х заседателей. Этот состав скорее всего напоминал какой-нибудь боевой штаб и менее всего суд. Заседатели были разделены на две равные группы, одна из которых дежурила в здании бывш. Окружного Суда,

а другая—в Губисполкоме. На обязанности этих групп лежало немедленное разбирательство дел при задержании преступников. Никаких положений, ни инструкций не было, действовали на основании революционной совести. Главной задачей была борьба с контр-революционными и должностными преступниками.

В 1919 г. Революционный Трибунал действует уже, как организованный на основании положений и инструкций В. Ц. И. К. Революционный Суд чрезвычайной важности. Он устраивает нормальные распорядительные и судебные заседания и целый ряд выездных сессий в уезды Саратовской губ., где в присутствии больших крестьянских масс судит зарвавшихся ответственных советских работников.

Подобные судебные заседания имели огромное значение в деле поднятия в глазах масс авторитета пролетарского Суда.

Весь 1919 г. прошел в чрезвычайном напряжении в связи с наступлением на Саратов Деникина и Мамонтова.

По своему географическому положению Саратов, граничащий на юге с Донской областью и Астраханской губ, на востоке с Уральской обл, на севере с Самарской и Симбирской губ. и на западе с Тамбовской, Пензенской и Воронежской губ., представляет широкий простор для всякого рода преступных элементов, начиная с уголовных и кончая бандитскими и контр-революционными. Стоит только вспомнить чехо-славацкие выступления, донскую контр-революцию во главе с Красновым, Деникиным, а затем Врангелем, которые всеми силами стрались овладеть Саратовом, а в последнее время банды Серова, Пятакова, Антонова и др.,—положение органов Революционной Охраны будет ясным.

Близость фронта естественно порождала целый ряд всевозможных преступлений контр-революционного и бандитского характера, требовала от Революционного Суда особой бдительности.

Правда, военная обстановка давала широкий простор военным властям в определении репрессии, но с отходом фронта ликвидация его последствий ложилась на судебные органы. На ликвидацию последствий контр-революционных нашествий ушла вся вторая половина 1919 года и захватила часть 1920 г.

Новая волна преступности в 1920 г. была вызвана действиями банд Попова, Сапожкова, Вакулина и др., местами положение обострялось до крайности, и для борьбы с массовыми преступлениями образовались в местностях, охваченных этим движением, Революционные Комитеты.

Здесь необходимо отметить то значение, которое имеет экономическое положение края на рост преступности и в деле борьбы с нею.

Неурожай прошлого года поставил край в чрезвычайно тяжелое положение. Вместе с ухудшением экономического положения населения неуклонно растет преступность всех видов.

Сначала быстро развивается спекуляция, затем идут преступления имущественные и должностные и, наконец, бандитизм.

Положение Революционного Трибунала к этому времени существенно изменилось в одной из важнейшей его частей—в следственном аппарате. По старому положению о Трибуналах при них существовала Следственная Комиссия, через которую проходил следственный материал после дознания. Положением от 27 марта 1920 г. Следственные Комиссии были упразднены, предварительное следствие передано Чрезв. Ком., Полит. Бюро, милиции. Для проверки следствия введен был институт следователей-докладчиков, который был упразднен с введением в действие уголовно-процессуального кодекса.

Нужно заметить, что следственный аппарат имеет для суда чрезвычайно важное, если не решающее значение. Предварительное следствие является, как бы частью суда, и полнота и ясность дела зависит почти исключительно от него. Следователь должен быть судьей. И как раз эта сторона в истории нашего суда оставляла желать много лучшего. Правда, подобное положение находило свое оправдание в общих условиях существования всей Советской Республики и особенно судебных органов, но об этом немного ниже, а теперь следует остановиться на тех условиях, в которых приходилось работать Суду при таком положении вещей.

С упразднением Следственных Комиссий при Трубуналах предварительное следствие было соединено с дознанием и передано целиком органам дознания, первое место среди которых занимала Чрезвычайная Комиссия Теперь приходится констатировать, что Чрезв. Ком. совершенно не отвечала тем требованиям, которые пред'являются органам предварительного следствия.

Отсутствие следователей необходимой квалификации, незнакомство следователей с целями и задачами предварительного следствия, погоня исключительно за фактом, игнорируя все обстоятельства, вызвавшие и сопровождавшие преступление, – ставили Суд в крайне затруднительное положение. Институт следователей-докладчиков в силу целого ряда причин не справлялся с лежащей на нем работой, и Суду приходилось иметь дело сплошь с сырым материалом.

Отсутствие необходимого контакта между Чрезвычайной Комиссией и Судом также не могло не отразиться на работе последнего. Ввиду этого мы читаем в отчете Саратовского Революционного Трибунала требования: 1) о возвращении к институту ответственных следователей, наблюдающих за следствием на местах; 2) усилении института следователей-докладчиков; 3) введении следователей достаточной квалификации в органы предварительного следствия; 4) установлении действительного контакта в работе Трибунала и Чр. Ком. и т. д.

Оглядываясь назад—на прошлое наших судебных органов, на пройденный ими тернистый путь борьбы за идеи и принципы пролетарской революции,—мы видим богатую страницу из истории не только наших судов, но и всей нашей Пролетарской Республики.

Мне вспоминаются слова Ф. Энгельса: „Общественная власть... состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков—тюрем и принудительных учреждений всякого рода",— суд и является одним из учреждений этого рода. Революция изменила классовое содержание суда, назначение же суда, как органа принуждения, и

метод принуждения остались. Но цели пролетарского Суда были также совершенно иные, нежели у суда буржуазного.

В то время, как последний должен был направлять свою деятельность по пути укрепления старых господствующих форм производственных отношений капиталистического общества,—в задачу суда пролетарского входило, напротив, уничтожение капиталистической системы общественных отношений.

Вполне естественно, что сама революционная жизнь, сама логика классовой борьбы выдвинула два типа суда: нормальный—Народный Суд и чрезвычайный—Революционный Трибунал, подсудность которого не была ограничена, и он мог принимать к своему производству все дела, которые найдет нужным принять. На долю Нар. Суда выпадала борьба с простой уголовной преступностью и разбор всех дел по гражданским искам; в задачу Революционного Трибунала входила, главным образом, борьба с преступлениями контр-революционного характера и со всеми посягательствами на завоевания социальной революции.

Для осуществления этих задач суд не связан никакими нормами права, никакими кодексами и сводами законов. Это положение суда затем было отменено „Руководящими началами по уголовному праву“ в следующих словах: „Как пролетариат не мог просто приспособить готовую буржуазную государственную машину для своих целей, а должен был, превратив ее в обломки, создать свой государственный аппарат,—так не мог он приспособить для своих целей и буржуазные кодексы пережитой эпохи и должен был сдать их в архив истории. Без особых правил, без кодексов, вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. В процессе борьбы *со своими классовыми врагами* (курсив мой, Ф. К.) пролетариат принимает те или другие меры“...—Революционная совесть—единственный критерий применения репрессий в первый момент гражданской войны.

И поскольку об'ективные условия благоприятствовали выполнению этих задач, революционный Суд стоял на высоте своего призвания. Строжайшая дисциплина и порядок вывели суд на светлую дорогу разумного и целесообразного правосудия. В моменты отчаянных схваток „старой действительности“ с новой действительностью слабость судебной репрессии приносит больше несчастий, чем суровое наказание преступных элементов. Конечно, в условиях революционной, классовой борьбы невозможно было затягивать производство в суде, и вполне естественно, судебные гарантии в Трибуналах, в сравнении с Народными Судами, были значительно меньше.

К этому необходимо прибавить еще указание на личный состав наших судов первой эпохи революции.

Всякое учреждение есть совокупность работающих лиц. Суд есть учреждение, где эта совокупность должна быть особенно ответственной и в известной степени квалифицированной. Наши суды были в этом отношении, а в некоторых областях продолжают оставаться и до сего времени, слабыми учреждениями. Происходит это от того, что в силу об'ективных условий, условий революционной борьбы, наши суды лишены были возможности вовлечь в свою работу хотя бы минимум квалифицированных работников.

С одной стороны, гражданская война требовала отправки на фронт ряда ответственных партийных товарищей, с другой—материальная необеспеченность отвлекала спецов в учреждения, более обеспечивающие материальное положение. Проведенная в Саратове Губисполкомом мобилизация, на которую возлагались большие надежды, надежд этих не оправдала. Все спецы всячески старались уклониться от этой мобилизации, в чем им на помощь шли учреждения, у которых снимали с работы юриста, всячески стараясь задержать мобилизованного.

Кроме того, и сама работа в новых судах для старых юристов, привыкших к бюрократически-рутинной системе судопроизводства, порой оказывалась не по плечу. Им трудно было привыкнуть к революционной быстроте и простоте производства, в своей работе они невольно тяготели к старому трафарету, пытаясь влить новое вино в старые мехи; если же это не удается, то они впадают в противоположную крайность, настолько упрощая работу, что работа их по своему значению сводится к нулю.

Трибунал в этом отношении имеет, конечно свои особенности. По своему назначению Трибунал—по преимуществу орган борьбы политической, и ведение некоторых дел этой категории беспартийными, порой, в силу вполне понятных расхождений в политической оценке сущности дела, становится невозможной. Необходимо было иметь хотя-бы одного-двоих товарищей для дел особой политической важности, но и эти места часто оставались не замещены.

К пятому году социальной революции положение суда существенно изменилось.

Создавшаяся ситуация поставила наше Правительство перед необходимостью пересмотреть в первую очередь свою экономическую политику. Новая экономическая политика не могла не отразиться на общей системе революционного законодательства. Нужно было установить юридические нормы, релулирующие права отдельных граждан, как имущественные, так и личные; в связи с этим необходимо реформировать и систему судебных установлений и возложить на них новые задачи—по охране нового революционного законодательства.

Утвержденный III сессией В. Ц. И. К. Уголовный Кодекс ограничивает „социалистическое правосознание“ соблюдением „руководящих начал и статей настоящего Кодекса“, а Уголовно-процессуальный Кодекс точно разграничивает подсудность между Трибуналами и Народными Судами.

Вместе с тем возникает вопрос об упразднении Революционных Трибуналов или слияния их с Народными Судами.

Острый момент революционной борьбы миновал, наступил длительный период мирного строительства и хозяйственного возрождения страны. Необходимость в чрезвычайных органах ослабла, и становится возможным об'единение двух действующих судебных систем. Введение прокуратуры, упразднение отделов юстиции и необходимость поднятия авторитета суда, политической целесо-

образности—требуют переустройства судебного аппарата и слияния воедино двух судебных систем.

В заключение должно остановиться на личном составе органов юстиции, в его настоящем виде, и на том, каким он должен, по-моему, быть.

Отсутствие достаточно подготовленных партийных товарищей—больной вопрос замещения ответственных должностей в юстиции, и наши товарищи, стоящие во главе учреждения, поставлены перед необходимостью приглашать, для занятия этих должностей, проявивших лойяльность беспартийных специалистов высокой квалификации. Но при этом неизменно проявляется у некоторых руководителей учреждений их недальновидность и неумение ориентироваться в новой обстановке своей деятельности.

Наши ответственные руководители органов юстиции, стремясь создать обстановку совершенной квалификации, упускают из вида одно существенное обстоятельство. Люди высокой квалификации, привыкшие (об этом уж было говорено) к старому бюрократическому трафарету, иногда становятся втупик перед революционной простотой. Им в большинстве чужды дух, идеи и смысл нового революционного законодательства, и они превращаются в механических исполнителей правил и положений Кодексов.

Поэтому ближайшей задачей наших руководящих органов должно быть *создание кадра достаточно подготовленных молодых деятелей* юстиции, которые будут понимать не только форму, но и дух революционного законодательства.

Социальное обеспечение

в Саратовской губернии за 5 лет.

В. Нагаев.

С первых дней своей деятельности Рабоче-Крестьянское Правительство особое внимание уделяло делу обеспечения трудового элемента и вообще лиц неимущих: так, тотчас после Октябрьской революции Рабоче-Крестьянское Правительство опубликовало декларацию, в которой указывало на то, что оно приступает к осуществлению полного социального страхования.

В течении ноября и декабря 1917 года Рабоче-Крестьянское Правительство издало 4 важных декрета: 1) О страховании на случай безработицы. 2) О страховании на случай болезни. 3) Положение о Страховом Совете и 4) Положение о Страховых Присутствиях.

Вместе с тем Рабоче-Крестьянское Правительство приступило к подготовке обще-страхового закона, охватывающего все виды страхования. Задача предстояла грандиозная. Вследствие отвлечения страховых работников все более разгоравшейся гражданской войной, а также вследствие быстрой ломки капиталистических отношений и необходимости перестраивать рабочую страховую программу сообразно складывавшимся социалистическим отношениям, эта задача была выполнена только к годовщине Рабоче-Крестьянской революции. 31 октября 1918 года был издан декрет „О социальном обеспечении трудящихся“, не только осуществивший целиком прежнюю рабочую страховую программу, но сделавший значительный шаг вперед, сообразно с новыми социалистическими основами Советской России.

С момента опубликования декрета от 31 октября 1918 года фактически начинает свою деятельность П/отдел Социального Обеспечения при губ. Отделах Труда („Губсобеструд“) Народного Комиссариата Труда.

Параллельно с Собеструдом существовал Губотдел Социального Обеспечения, возникший из горпопечительства по выдаче пособий семьям солдат старой армии. После разгона городской думы и образования Совета Горкомиссаров, на одного из членов этого Совета (сначала т. Логинова, а с 1-го декабря 17 г. на т. Петерсон) было возложено руководство работой по оказанию помощи безработным и солдаткам. Развал старой армии, рост безработицы, усиление гражданской войны поставили перед Исполкомом и Горсоветом необходимость создать боевой орган, отвечающий более широкой сфере деятельности, чем страховые кассы, обнимающие только членов профсоюзов. Поэтому в начале февраля 1918 г. при Горсовете был создан „Совет общественной помощи“, состоящий из девяти выборных Горсоветом т.т. Пленум С. О. П. состоял из выборных представителей инвалидов войны, беженцев (империалистической войны) и солдаток, а также от старших возрастов воспитанников приютов. Сов. О. П. широко развернул свою работу по ликвидации целого ряда царских учреждений. Он провел крупную реорганизацию в деле госуд. помощи нетрудоспособным и нуждающимся. Городской Комиссариат, существующий при Сов. Гор. Ком., немедленно после образования Совета общественной помощи был влит в него на правах городского отделения. Совет общественной помощи добивался подчинению ему всех организаций и учреждений, оказывающих ту или иную помощь нетрудоспособным, в особенности союза инвалидов, находящегося под влиянием офицеров и союза фронтовиков. Совет общественной помощи повел длительную борьбу, которая окончилась полным подчинением союза инвалидов Совету общественной помощи и его полной реорганизацией.

Весной 1918 года С. О. П. был переименован в Губ. Комиссариат призрения, а в 1919 г. в Отдел Социального Обеспечения (Собес). Кроме инвалидов Собес реорганизовал детские приюты, превращая их в д/дома, изменив, как внешний облик их, так и внутреннее содержание. Вместо бездушных людей воспитание было передано ближе стоящим к детской массе работницам и учительницам, сумевшим понять новые линии и пойти навстречу пролетарским начинаниям. За период 1918—21 г. Отдел Социального Обеспечения являлся одним из крупнейших отделов Губисполкома, так как в его ведение входило не только обеспечение нетрудоспособных, но также государственное воспитание детей до 16 л., охрана материнства, оказание помощи старой и новой армии, беженцам гражданских фронтов, борьба с нищенством и проституцией и другие задачи.

Считая такой универсализм нецелесообразным, саратовская коллегия Губсобеса во главе с тов. Петерсон еще на 1-м Всероссийском С'езде Губсобесов весной 1918 года поднимала вопрос о полной реорганизации Собеса и передаче части его функций в соответ. учреждения, как, например: воспитание детей—в Губоно, охрану материнства и младенчества —в Губздрав и т. д. Эта реорганизация была произведена впоследствии, когда учреждения, долженствующие принять выделяющиеся из Собеса его функции, достаточно окрепли и поднялись. Первая реорганизация Губсобеса происходила в конце 1919 года, когда вполне выяс-

нилась вся вредность параллельного существования Губсобеса и Губсобеструда. Комиссия в составе тов. Бобашинского, Трушечкина, Сниппе, Шуцкевер, Гутерман и др. наметила план слияния обоих параллельных учреждений, об'единяя их при Отделе Труда. Комиссия постановила утвердить следующую схему Под'отдела Социального Обеспечения и Охраны Труда при Отделе Труда:

1. Президиум.
2. Коллегия.
3. Секции:
    1. Секретариат.
    2. Организационно-контрольная.
    3. Выдачи пособий, пенсий, пайков с подсекциями:
        а) пособий. в) пайка.
        б) пенсий. г) обследования.
    4. Охраны материнства и младенчества с подсекциями:
        а) охраны материнства.
        б) охраны младенчества.
    5. Экспертизы и контроля.
    6. Помощь натурой, с подсекциями:
        а) снабжения.
        б) инвалидных домов.
    7. Опеки.

Фактическое-же слияние Губтрудсобеса с Губ. и Горсобесом произошло лишь в начале марта 1920 г. в заседании коллегии 19 марта, на котором присутствовали т.т. Бобашинский, Курносов, Докшин, Горницкая, Симс, Ленц, Новаковский, Гутерман и Гранeнышев, на котором на должность заведывающего избирается тов. Бобашинский, заместителем—тов. Курносов, причем заведывание секциями поручалось:

секцией пособий и пенсий—т. Граненышеву.
" охраны мат. и млад.—т. Горницкой.
" утилизации неполного труда инвалидов—тов. Курносову.
" снабжения—тов. Докшину.

От Отдела Труда был принят полностью финансовый аппарат.

С того-же времени было приступлено к удовлетворению семей лиц, призванных в ряды Красной армии, дополнительными продовольственными карточками „Красная Звезда" и освобождением от квартирной платы, причем такие-же права распространяются и на лиц, мобилизованных польским бюро Р. К. П.

По получении распоряжений центра о назначении усиленных пенсий семьям лиц, имеющих особо важные заслуги пред Рабоче-Крестьянской Революцией, было немедленно приступлено к пересмотру дел. Согласно циркуляра Наркомсобеса № 71 в конце 1920 года было приступлено к реорганизации инвалидных домов и мастерских; инвалидных домов в конце года было 26, мастерских 7.

С марта месяца медицинские функции и учреждения Губсобесом переданы Губздраву, при котором и были организованы врачебно-экспертная и контрольная комиссии на предмет освидетельствования лиц, желающих получать пенсии, для выяснения % утраты ими трудоспособности.

В мае состоялась передача секции охраны материнства и младенчества Здравотделу со всем инвентарем, находящимся в ведении секции.

В июле состоялось разлияние Губсобеса с Губсобеструдом, и произошла реорганизация Губсобеса.

Заведывающим назначается т. Ленц, членами коллегии—т.т. Курносов и Силис, он-же и заместитель заведывающего.

Заведывающий п/отделом пенсий и пособий—т. Новаковский.

Заведывающий п/отделом хозяйственным—т. Граненышев.

Заведывающий п/отделом учреждений для инвалидов—т. Курносов.

Заведывающий п/отделом управления—т. Силис.

Заведывающий п/отделом контр. инстр.—т. Гутерман.

Заведывающий п/отделом финансовым—тов. Срезневский.

С этой организацией начинается усиленная деятельность Губсобеса по проведению в жизнь всех распоряжений центра в области обеспечения трудящихся, как в виде выплаты пенсий и пособий, так и в виде помощи натурой: помещение в инвалидные дома инвалидов и переобучение инвалидов и индивидуальные выдачи остро нуждающимся.

Все работы производятся в губернском масштабе.

Были разработаны положения для Райсобесов, Отделений Собесов и Волсобесов, а также и выработаны нормы штатов для них.

По утверждении положений и штатов было приступлено к организации Райсобесов, Отделений Собесов и Волсобесов.

Для налаживания работы на местах был организован штат инструкторов, на которых возложены обязанности по контролю и ревизии работ, производимых на местах.

Деятельность Губсобеса во 2-ю половину 1920 года была особенно напряжена в виду того, что в этот период времени пришлось много перестраивать и налаживать, что еще больше осложнил большой пожар, бывш. в гор. Саратове в июле месяце, вследствие чего пришлось проделать большую работу, дабы иметь возможность удовлетворить, хотя бы частично, граждан, пострадавших от этого стихийного бедствия.

В конце года было приступлено к проведению 2-хмесячных курсов по социальному обеспечению для работников Губсобеса, а также было приступлено к изданию сводки правил, каковая и была закончена напечатанием к 1-му января 1921 года. В тот же период было постановлено организовать убежище для нищих и проституток.

Так же много приходилось работать в области налаживания взаимоотношений между п/отделами вообще и их учреждениями в частности.

Был намечен план передачи дел подотдела опеки в подлежащие органы, что и приведено в исполнение только через год, а именно в октябре 1921 года.

В январе 1922 года была произведена реорганизация подотдела пенсий и пособий: для на-

значения пенсий организовано, совместно с Раб.-Кр. Конф. Комиссией, специальное отделение.

В феврале месяце было проведено губернское совещание заведывающих У-Райсобесами, на которое охотно отозвались представители с мест. На совещании были избраны представители на Всероссийский С'езд Собесов: т.т. Ленц, Гутерман и Чечулинский (представитель Баландинского Райсобеса).

Изданный Правительством 4 мая 1921 г. декрет снова возлагает на Губсобес большую организационную работу—по организации крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, которая и проделана к октябрю месяцу; губерния покрылась сетью крестьянских комитетов общественной взаимопомощи.

Вновь организованные комитеты взаимопомощи в первый год своего существования в Саратовской губернии не могли принести ожидаемой от них пользы, так как поразивший губернию голод не давал возможности комитетам развернуть свою деятельность в должном масштабе, и большая часть комитетов могла только распределять те рессурсы, которые им предоставлял Губсобес, то-есть помощь крестьянству от государства.

В связи с этим декретом была проделана и другая большая работа—по извлечению бесхозяйственного, выморочного, конфискованного по суду и в административном порядке имущества из подлежащих учреждений и по зачислению его в натурфонд Губсобеса.

Не успел еще Губсобес справиться вполне с возложенными на него обязанностями декретом от 14 мая 1921 г., как был издан новый декрет от 15 ноября 1921 г. о социальном страховании лиц, занятых наемным трудом. Для проведения таково-го в жизнь Губсобесу снова пришлось проделать колоссальную работу по установлению всего дела собеса на новую дорогу, сильно разнящуюся от программы, намеченной декретом от 31 октября 1918 года.

С государственного обеспечения снимаются все лица, занятые наемным трудом, и остаются только инвалиды гражданской и империалистической войны и те лица, которые не могут принять страховые кассы, т. е. старые пенсионеры.

Губсобесом было выработано, на основании декрета от 15 ноября 1921 года, положение о социальном страховании, для чего была создана комиссия из представителей Губпрофсовета, Губфинотдела, Отдела Труда, Губкустпрома и Желдорпрофсожа.

После того, как было выработано положение, открылся с'езд по вопросам социального страхования для заведывающих Усобесами 25 декабря 1921 г. Тотчас-же было приступлено к работе по проведению в жизнь декрета о социальном страховании, и большая часть работы уже закончена: предприятия и учреждения взяты на учет, и взносы поступают исправно.

Для работы по социальному страхованию при Губсобесе организовано управление социального страхования во главе с тов. Беляковым, старым работником по социальному страхованию.

Надо сказать, что 1921 год был особенно тяжел для работы Губсобеса, так как в августе была произведена ломка всего аппарата: был назначен новый заведывающий Отделом тов. Новиков, и со сменой заведывающего была произведена новая реорганизация Отдела, выразившаяся в слиянии материального и финансового подотделов.

В это-же время был окончательно организован дом для девушек-проституток, и при нем открыты школа грамоты и рукодельная мастерская; инвалидные дома переведены в более удобные и обширные помещения, что дало возможность увеличить число призреваемых и уменьшить число служащих. В 1921 г., в связи с голодом, часть инвалидов была эвакуирована, в количестве 1600 человек, в разные губернии, более благополучные по урожаю.

Новый 1922 год начался в самый разгар работы по проведению социального страхования, и в то-же время было приступлено к изданию „Вестника Саргубсобеса".

В начале года проделана работа по кооперированию инвалидов. Организованы портновская и сапожная производственные артели и кооператив инвалидов на средства Губсобеса, в виде субсидии.

Проделана большая работа по перерегистрации инвалидов труда и войны: одни, как не имеющие документов о прохождении ими служебного стажа, или же имеющие другой доход, кроме пенсии,—снимаются с пенсии, а другие снимаются с пенсии, как не вполне утратившие трудоспособность. Дела железнодорожников переданы участковой желдоркассе, дела водников переданы в участковую кассу Рупвода.

В настоящее время Губсобесом полностью проводится натурализация пенсий, и пенсионерам выдается или обед из столовой, или-же паек в сухом виде. По мере поступления предметов первой необходимости они распределяются между обеспечиваемыми, причем в первую очередь удовлетворяются помещенные в инвалидные дома, дома призрения, получающие усиленные пенсии и члены семей красноармейцев.

В феврале 1922 года сменился заведывающий Отделом тов. Новиков, и вместо него назначен был тов. Беляков, при котором и была проделана вся работа по проведению в жизнь декрета о социальном страховании, а в августе 1922 г. тов. Белякова сменил тов. Нагаев, при заместителе тов. Дмитриеве, и было приступлено к полной реорганизации Отдела в целях экономии средств: слиты организационный подотдел с секретариатом, из которых организован подотдел управления, слиты подотделы учреждений социального обеспечения и материальный в один общий подотдел УЧСО, что дало большое сокращение штатов по Отделу.

Производится улучшение в мастерских для инвалидов в целях более рационального использования неполного труда инвалидов.

В целях оживления и укрепления деятельности крестьянских комитетов общественной взаи-

мопомощи на 15 октября 1922 г. был созван Губернский С'езд представителей Усобесов и комитетов взаимопомощи. Приступлено к работе по организации городских комитетов взаимопомощи, которые должны об'единить кустарей, лиц свободных профессий и проч.

Много пожеланий можно было-бы выразить в смысле улучшения быта, как призреваемых, так и обеспечиваемых, но материальное положение государства настолько тяжело, что приходится всеми силами стараться поддерживать инвалидов в том положении, в котором они находятся в настоящее время, не отягощая бюджета государства.

Возможность улучшения быта обеспечиваемых есть, и она не отзовется тяжело на бюджете государства: это—создание аппарата по приему на учет посмертного имущества, которое в настоящее время бесследно распыляется и которое, согласно декрета от 21 мая 1921 г., за немногими исключениямм, переходит в распоряжение Губсобеса и даст ему возможность оказать братскую помощь многим гражданам, не имеющим не только теплого угла, но подчас даже и куска хлеба.

К пятилетию советского просвещения.

(ВОСПОМИНАНИЯ).

М. Зайцев.

В нашем распоряжении все еще нет времени, возможности заняться достаточно глубоким историческим, научным обзором пройденного пути. Необходимость разрешения текущих неотложных задач поглощает нас целиком. Поэтому и громадная тема—„5 лет просвещения"—сейчас может быть освещена только некоторыми мазками того особо яркого, что сохранила память.

До начала 1918 г. просвещение, как и другие области, было охвачено молодой Советской властью только в г. Саратове. Но уже в феврале-марте с энергией и быстротой, возможной лишь в великие революционные моменты, организуется и губернский орган власти по переустройству и руководству делом народного образования в духе пролетариата.

В 12 час. ночи 2 марта 1918 г. в большом зале Совета (ныне Губком Р. К. П.)—заседание „школьной группы", человек в 25 коммунистов-просвещенцев, в полном разгаре. Выносится решение: образовать Губернский Совет по Народному Образованию; его исполнитель—Комитет: Минина С. К.—председатель, Зотин М. М.— заместитель, Зайцев М. В.—комиссар по начальному образованию, Лебедева З.—комиссар по среднему образованию, Десслер В. К.—по высшему, Бассалыго Д.—искусств, Павлоградская В.—секретарь и др.

Мимо быстро проходит возбужденный непрерывной работой председатель Совета В. П. Антонов.

—Товарищ Антонов, мы организовали Губернский Совет по Народному Образованию... Когда бы...!Нужно утвердить...

— Хорошо. Именем Совета утверждается... Ребята надежные... Действуйте, товарищи...

Начали действовать.

Никакого технического аппарата, кроме Городского Отдела Нар. Обр. (во главе с Мининой), действовавшего при Совете Городских Комиссаров с ноября 17 г., у нас не было.

Через несколько дней я, в качестве комиссара по начальному образованию, уже принимал дела от директора народных училищ Никольского. Несколько громадных шкафов с аккуратно подобранными „делами", примерно, за 50 лет. Циркуляры министерства просвещения, попечителя казанского учебного округа... „Главный нравственный устой—укрепление в учащихся заветов религии, почитания старших, воспитания любви, уважения и страха к Царю и Его правительству..." Закон божий... Царь... Сильные мира сего... Кассо... Игнатьев... Никаких сведений о том, сколько в губернии школ, учителей; в каком состоянии первые, откуда и что получают последние. Принимаю дела от инспекторов народных училищ. Тоже ненужное—хлам.

А на местах в то время царил хаос: школы в большинстве не действовали, учителя не получали жалованья, активно настроенные крестьяне изгоняли из них тех, кто проявил себя контр-революционером.

Через неделю-две Комитет по Нар. Обр. составил смету, и Минина едет в центр за деньгами и декретивами. Деньги получаем. Наша организационная схема и смета принимаются, как первые, за основу.

В апреле, предварительно разослав соответствующие письменные указания, выезжаем в губернию для организации уездных отделов. В апреле органы по просвещению созданы и действуют на территории всей губернии.

Кроме очерченного организационного строительства, чем еще характеризуется этот период деятельности Советской власти в области просвещения?.—Борьбой с сопротивлением, учетом-собиранием в свое распоряжение учреждений и ликвидацией явно отживших—вредных.

Народный Комиссар по Просвещению тов. Луначарский обращается к учительству с горячим воззванием-призывом о сотрудничестве с победителем-народом. В ответ—знаменитое постановление всероссийского учительского союза, отданное, как приказ своей армии, по всем городам и селам: „В знак протеста против узурпаторства большевиков об'является школьная забастовка." В течение недель десятки тысяч ни в чем неповинных детей Питера, Москвы ходят в школы и находят на дверях их замки и об'явления своих „аполитичных" воспитателей „в знак протеста... занятия не производятся", и возвращаются с слезами на глазах по домам.

В Саратове на аналогичное обращение Сов. власти все служащие интеллегентных профессий в том числе и учителя, громогласно решают: 1) „большевикам не кланяться, не разговаривать и рук не подавать", 2) „об'явить однодневную забастовку (1/XII)". И это с великим комизмом и нелепым упорством проводится в жизнь. Пришлось и саратовским детям испить горькую чашу последствий забвения педагогами своего прямого долга. Это на языке мелкой буржуазии называет-

ся „аполитичностью" (т. е.—„Не втягивайте школу в политику").

... — Уж, конечно, не Луначарскому с его диллетантскими и часто невежественными экспериментами, вдобавок опороченными солидарностью с вандальской деятельностью других „наркомов" и „совдепов", сетовать и негодовать на то, что Союз отказался от сотрудничества...—Так из'яснялся всерос. учит. союз в передовой своих „Известий" от 31 мая 1918 г.

Такая позиция „зубров" проводилась не только в городах. Кадетствующие и эсерствующие заправилы заставляли исповедывать это-же и темное сельское учительство, которое они вели на поводу.

Черносотенные, контр-революционные элементы родителей привлекаются ими на свою сторону для борьбы с Советской властью. Захватываются „родительские комитеты" и превращаются в свои опорные пункты, в гнезда реакции. К нам шествуют „делегаты", сыпятся петиции „родителей" об оставлении преподавания закона божия в стенах школы (учительство за закон кожий!).

Таким образом, и сельское, и—в особенности—городское учительство в этот тягчайший момент для Социалистической Республики было действенным противником самой сущности Советской власти и всех ее мероприятий.

Поэтому только „нужда и террор, невозможность бороться с противником, опирающимся на физическую силу, толкали учительство на совместную с Советской властью работу (заявление тех-же „Известий" всерос. учит. союза в № 8 1918 г.).

Что в это время делали мы, что творит революция?

Родительские комитеты распускаем. На все притязания об „автономии", законе божьем даем твердый отпор. Охватываем бдительным коммунистическим оком все учреждения через надежных инструкторов. Вновь взываем—„За работу! к творчеству!"... На этот призыв горсточка живых, болевших искренне за блуждание учительства по торным тропам слащаво-буржуазных дебрей, горсть молодых просвещенцев, в полсотню-сорок человек, откликнулась, явилась и, сплотившись, принялась за совместное с пролетариатом революционное строительство. И, примерно, в июне 1919 г., в противовес контр-революционному и развалившемуся всерос. учит. союзу, мы создали из них союз учителей-интернационалистов. Этих „интернационалистов", как „изменников", „честные господа-педагоги" бойкотировали: с ними не разговаривали, не кланялись им, не подавали рук; ткали паутину сплетен, их выживали из сел, отдельных школ и т. д.

Но вот „интернационалистические" идеи орошаются благодатным дождичком. Выходят декреты—о перевыборах школьных работников, об увеличении содержания им, об общем улучшении их материального положения. И грибок расслоения, „сочувствия", „признания" проникает все глубже и глубже в учительскую массу.

Всерос. учит. союз в № 8 своих „Известий" от 7—VI—18 г. констатирует: „...За этот период времени учительство вынуждено было изменить свою тактику по отношению к власти: вместо бойкота оно признает необходимым входить с Совдепами в сношения... Об'яснения этому факту нужно искать в том, что Советская власть местами повысила, местами предполагает повысить ставки учительских окладов"...

„Оклад" повышен, и „просветители народа" сменяют гнев на милость!

С одной стороны, „прибавка", прекращение гонений и как будто общее „успокоение", с другой—требование подать заявление о желании продолжать работу, с изложением своих педагогических и общественно-политических взглядов. А там рекомендации-характеристики от родителей, учеников, „интернационалистов". Что делать?.. А вдруг уволят?... Куда тогда идти?, . И кто-же, наконец, здесь на самом деле прав и кто не прав?... Почему дурны идеи интернационализма... почему только безумцы большевики?. А вдруг они правы. Ведь держатся они уж год, везде воюют и только все ширятся-растут, хотя и уверяли все, что через месяц будут свергнуты они?... Да как же быть?...

Тем временем события российского и европейского масштаба развиваются революционно-быстро, растут и по дням, и по часам, захватывая разлагающийся мир могуче-клокочущей лавой очищения. Тогдашние главные выступления контрреволюции внутри страны подавлены. Вся Волга очищается и вновь становится советской рекой. В котле бурлящем гнева, мести и сознательности пролетариата пылает Украина, Юг. Движение немецких генералов вглубь страны приостановлено. Революционно-социалистическая печать распространяется в громаднейшем количестве. Она проникает на места, в глушь деревень и сел. Учитель ей питается.

И вот—среди учительства раскол. Освободившееся от тягостной опеки над собой со стороны мелко-буржуазного отрепья заправил,—народное учительство порывает с всерос. учит. союзом, входит целыми уездами в союз учителей-интернационалистов, образует новые на советской платформе союзы.

„С грустью должны сообщить об ослаблении учит. союза в нашем уезде и к тому же по вине самого учительства..."—идет донесение с мест в „Известия вс. уч. союза", № 8.

К началу 1918—19 учебн. года всякое сопротивление нам со стороны учительства сломлено; подсобные, по существу тогда игравшие контрреволюционную роль, организации и силы учительства (в роде „родительских комитетов") ликвидированы; опорные для нас пункты, в виде союзов учит.-интернационалистов, созданы; народное учительство из рук „генералов от педагогии" вырвано, и им уже можем управлять мы; городское учительство вынуждено покориться.

Параллельно и неразрывно с этим процессом общественно-политической борьбы и работы шла и органическая работа по просвещению.

Она свелась к учету, к взятию в свое распоряжение всех культурно-просветительных учреждений, к отвоеванию их у частных лиц и групп, к изысканию средств для их существования. Этот собирательно-отвоевательный организационный период был закончен 1-м губернским с'ездом по просвещению 2—VIII 1918 года, где были уже

сформулированы задачи систематической органической и организационной деятельности.

1918-19 учебный год—школьная революция.

Органы по просвещению в центре и на местах к осени 18 г. окрепли настолько, что Наркомпрос в начале сентября созывает 1-й Всероссийский с'езд по просвещению. Помню, как ярко революционно были настроены делегаты, какой единодушный отпор давался с'ездом той кучке меньшевиков и эсеро-кадетов, что пытались еще сорвать коммунистическую линию. Выступление тов. Ленина на с'езде окончательно воодушевило последний, закалило его революционную волю. Политические представители „чистой науки" и уже в гробу лежавшего В. У. союза и вообще противников Сов. власти—были побиты. Основной работой с'езда все-же была выработка и принятие положения о единой трудовой школе в Р.С.Ф.С.Р.

Дело образования до этого отличалось буржуазным прогнившим нутром. Вся система, программы и методы были направлены на подготовку (из детей угнетенных классов) послушных квалифицированных рабов и на создание (из привиллегированного поколения) командующих кадров, как идеологов и проводников интересов буржуазии.

Принятое 5-го сентября 1918 г. положение о единой трудовой школе явилось главным сокрушающим ударом по этой системе, конституцией революционного перестройства дела социального воспитания. В основание положения легло коммунистическое миропонимание, отличающееся духом беспощадного уничтожения старой школы и революционного созидания школы-коммуны.

9-го сентября, по выслушании моего доклада о 1-м всерос. с'езде по просвещению, коллегия Отдела постановила: реорганизацию школ произвести в наступающем же году. Уничтожить разношерстные, разнотипные старые школы и построить новую единую трудовую школу и немедленно. Мы об'явили школьную революцию!

Из п/отделов соответствующих был создан один п/отдел единой школы с 3-мя секциями: школ 1-й ступени, 2-й ст. и школьно-трудовой. Была проведена предварительная осведомительная агитационная кампания.

„10 сентября постановлением коллегии единой школы уничтожаются все начальные одно-и 2-хклассные, высшие начальные и торговые школы, мужские и женские гимназии, реальные и коммерческие училища, все духовные учебные заведения. Вместо них об'является Саратовская советская единая трудовая школа. Создание этой последней характеризуется следующим образом. 1-я ступень (возраст 7—12 лет. Отдел решил понизить на 1 год вступительный возраст) была создана 3-мя способами: из начальных с трехгодичным сроком обучения училищ—путем открытия там 4, 5 классов и приемов в них учащихся с соответствующими знаниями; из двухклассных с пятигодичным сроком обучения путем об'явления их школами 1-й ступени; из первых 3-х классов средних учебных заведений и первых двух классов высших начальных училищ и торговой школы—путем превращения этих классов в последние старшие классы первой ступени и подстройки к ним первых младших классов, куда вошли дети или грамотные или с соответствующими знаниями.

2-ая ступень (12—16 лет) была создана путем превращения 4—7 классов всех средних учебных заведений в 4-е класса 2-й ступени и квалифицированием 3-го и 4-го класса высших начальных и торговой школ 1-м и 2-м классами 2-й ступени.

Для обсуждения практического разрешения самых жгучих вопросов школьной революции созывалось не мало общих собраний председателей школьных советов, были организованы различные комиссии. В конце концов, для исполнения вышеначерченного плана реорганизации школ, была избрана соответствующая комиссия из педагогов и представителей п/отд. единой школы, которая 10 го октября представила последнему подробный план перемещения учащихся и распределения зданий между новыми школами 1-й и 2-й ступени. В этот же день, коллегия единой школы, внеся в представленный план некоторые изменения, утвердила его и предложила всем школьным советам к немедленному исполнению.

Таким образом в городе было:

1) Всего школ 1-й ступени 60
из коих:
а) Преобразованных из начальных 1 и 2-хклассных училищ 46
(сюда входят 2 мусульманских, 1 белорусская, 2 еврейских, 1 немецкая, 1 латышская и 1 польская.)
б) Преобразованных из младших классов высших начальных училищ и торговой школы 4
в) Преобразованных из младших классов средних учебных заведений 10
в которых обучается фактически 18377 детей.

2) Всего школ II-й ступени 10
из коих:
а) Преобразованных из мужск. гимназий 3
б) Преобразованных из реальн. училищ . 2
в) Преобразованных из коммерч. училища 1
г) Преобразованных из торговой школы . 1
д) Преобразованных из женск. гимназий . 2
е) Преобразованных из инст. благор. дев. 1
в которых обучается 7502 уч."

(Из статьи моей „Первый этап школьной революции." „Просвещение" № 2—1918 г.).

При создании, таким образом, новой единой школы проводились в жизнь и другие принципы последней.

Был осуществлен принцип совместности. Перемещение учащихся производилось с таким расчетом, что в каждую школу пошло приблизительно равное количество мальчиков и девочек. Специально мужские и женские учебные заведения были ликвидированы. На 1-й ступени совместность обучения была проведена в полной мере. На 2-й ст., где разница в запасе знаний у гимназистов, реалистов, коммерсантов и гимназисток оказалась слишком значительной, совместность в 1918—19 учебн. году могла быть осуществлена только территориально.

Обязательным условием при размещении учащихся по новым школам было соблюдение интересов детей: близость расстояния квартиры школьника, совместное нахождение в одной школе сестер, братьев, и т. п.

Школьная сеть количественно удовлетворила всех детей школьного возраста. При этом, к сожалению, пришлось прибегнуть к 2-хсменным занятиям. Причина—занятие школьных зданий для военных нужд. Разумеется, обучение было бесплатным.

На окраинах города, в рабочих районах, для детей пролетариата создались образцовые школы. Чтобы предоставить кров и жизненные удобства обездоленным (гл. образом—иногородним), а также приучить последних к нормальному коммунистическому сожительству, закалить в труде самообслуживания и самоорганизации,—было открыто 2 бесплатных общежития на 115 человек.

При школах были организованы горячие завтраки, кредиты на них были переведены и по уездам. Школьники были обеспечены и обувью, как в Саратове, так и в губернии. Для обеспечения одеждой было отпущено громадное количество мануфактуры, и организовывались пошивочные и иного рода мастерские при школах, для которых в г. Саратове было отпущено 100 штук разных машин, а для губернии было закуплено большое количество их на сумму 500,000 р. (тогда громадная сумма).

Было создано такое школьное самоуправление, где организация учащихся имела свое значительное место.

Труд педагога оплачивался от 664 до 1200 р. в м-ц. В одной школе их было от 10 до 30 человек. Для ознакомления учительства с новым педагогическим творчеством в январе 1919 г. открываются в Саратове и почти всех уездных городах одногодичные курсы для подготовки учителей 1-й ступени, с использованием местных научных и партийных сил и приглашением сил из центра.

Отношение к такой деятельности отдела наробразования в школьной области со стороны рабочих масс было самое положительное, активно-сочувственное; крестьяне не сочувствовали только изгнанию закона божия из предметов, преподаваемых в стенах школы.

Что касается учительства—об этом придется сказать несколько подробнее.

„Большинство в смысле понимания назначения трудовых процессов и связи последних с чисто научными заданиями школы, беспомощно. Другие имеют извращенное понятие об этом. Третьи злостно-обдуманно создают такую обстановку, разруху, такую „новую трудовую школу“, в которую не только не пойдут в праздничные дни учащиеся, каковую цель себе ставит новая школа, но которую дети и совсем перестанут посещать. Наконец, четвертые, искренне ищущие этого величественно-нового, безбоязнечно-революционно проводят основные принципы в жизнь, связывают духом нового воспитания все многообразие гармонического целого—трудовой школы.

Все это указывает на следующие два весьма интересных явления. В городе—дети мелкобуржуазной части родителей всячески с присущим для них мещанским высокомерием, пренебрежением, противятся введению трудовых процессов, прямо отказываются от участия в строительстве новой школьной жизни, устремляя все свое внимание на устраивание вечеров, обязательно с танцами, на подчеркиванье своей „свободы и равенства“ путем нескончаемых пререканий с педагогами, превращения здания в сарай, удаления педагогов, скучных предметов из класса и т. п. Педагоги для искоренения этой ненормальности не предпринимают в большинстве случаев ничего. Дети трудящихся с охотой принимают участие в обслуживании здания своей школы, двора, сада, огорода, сами просят и вводят некоторые ремесла (наприм., сапожное, переплетное).

В губернии, где имеются творческие, способные провести школьную реорганизацию педагогические силы, учащиеся безусловно с радостью встречают освобождение от рутинности, население же,—с одной стороны, весьма сочувственно относится к занятию детей различными ремеслами и знакомству их с теми трудовыми процессами, которые приносят очевидную для крестьянина материальную пользу; с другой стороны—оно возмущается, например, таким способом обучения их детей, как занятие с последними только в школе и уничтожение задавания на дом уроков. Вот, что пишут из образцовой трудовой школы имени Луначарского (с. Макарово, Балашовского уезда). Крестьяне отнеслись очень недоверчиво к методам преподавания в трудовой школе,—например, к незадаванию уроков: „Что это из ребят выйдет, да они избалуются совсем“, говорят они. То же самое о лепке, рисовании, аппликации и других ручных работах (ремесла исключаются): „Все это, мол, напрасная трата времени—баловство одно“.

Существование хорошо поставленных во всех отношениях школ в городе и уездах, при наличии совершенно одинаковых условий, доказывает еще раз, что возможность осуществления, хотя-бы пока в зачаточной форме, новой трудовой школы кроется, конечно, в желании учителя и учительства отдаться беззаветно всецело яркому творчеству.

Все в начале указанные выступления встречались учащимися с радостью. Создавались ими кружки, союзы и т. п. об'единения (союз беднейших учащихся, возобновивший на лето прекращенную деятельность; союз прогрессивных учащихся; союз передовой молодежи; союз по изучению химии и т. д, и т. д.). Наконец, венец всех ученических организаций—Коммунистический Союз молодежи, как отделение Всероссийского Союза коммунистической молодежи.

Этот последний и направляет работу на местах через школьные ячейки как идейно, так и материально, получая все необходимое для этого от п/отдела единой школы. Тот искренний интерес, который за последнее время начинает проявлять лучшая часть учащихся к серьезной самоорганизации и самотворчеству, характеризует собой намечающийся духовный переворот в отношении юношества к совершающейся школьной революции: искренне ищущие, наиболее серьезно настроенные из учащихся теперь не только радуются и приветствуют новую школу, но реально принимаются за работу, за создание своими руками этого здания—храма, прообраза будущей

социалистической жизни, выковывают из самих себя будущих граждан социалистической республики". (Из той же статьи—„Первый этап школьной революции").

Общественно-психологическое состояние городского учительства, лишенного всяких правовых и материальных преимуществ школьной революцией, мало изменилось к лучшему. Та-же черствая замкнутость в скорлупе собственных „гимназий", „училищ", упорство в проведении своего. Оно ни как не может примириться с тем, что все-таки рушится, уничтожается старая школа, что нужно рядом стать с учащимися, работать с ними, как с младшими товарищами, быть членами единой семьи—коллектива трудовой школы-коммуны. В настроении народного учительства резкий перелом. Год пролетарского творчества в России заставил его признать свои ошибки, искать путей, как выбраться из дебрей собственной изолированности.

На 2-м губерн. с'езде по нар. образ. в начале 1919 г. принимаются уже устав и необходимость создания коммунистического союза раб. просвещения.

1919—21 г.г.

В период, когда напряжение Республики по военной защите своего существования поглощает все силы и средства государства, нар. образование сжато тисками гражданской войны, делается жертвой военной борьбы. Здания, инвентарь забираются для воинских частей. Работники перебрасываются на фронты. Средств для нар. образ. нет. Просвещение приспособляется, как одно из орудий борьбы с врагом. Развивает мощную деятельность внешкольный п/отдел, преобразованный в политпросвет. Громадную роль играет агитация и пропаганда, им развиваемая. Развита деятельная мощная сеть ликвидации безграмотности среди взрослых (в 1921 г. было 4778 школ ликбезграм, через которые прошло 21981 чел.).

Подробно на этом периоде без специального изучения его мне нет возможности остановиться: я был на фронтах.

За 1917—20 г.г. жаждущий света пролетариат совершил ярко-революционную переустройку буржуазной сути просвещения в духе коммунизма: развернул грандиозную сеть учреждений всеобщего обязательного, бесплатного обучения детей и неграмотных взрослых; захватил в глубокую политическую обработку воспитание миллионов трудящихся; открыл двери и сокровища наук и искусств в первую очередь для последних. *И в этом нами сделано по-истине великое дело.*

Но то было благородным творением революционного энтузиазма и в ожесточенный период гражданской борьбы, когда о плановой работе не могло быть и речи. Военная защита физической жизни рабоче-крестьянского государства поглощала все силы и средства страны, тем самым неизбежно усугубляя разрушенность материальной базы просвещения. Опыта государственного строительства у молодого класса-победителя еще не было, а вместо помощи от интеллигенции он получил саботаж, противодействие. Поэтому, когда Советской республике пришлось от военного коммунизма перейти на путь мирного строительства и новой экономической политики в условиях полного обнищания, грандиозные посевы просвещения оказались без влаги—без материальных и денежных средств. *Таким образом, в 1920 году образовалось кричащее несоответствие потребностей беспланно разросшегося образования имевшимся рессурсам. В результате—к началу 1921—22 уч. г. жизнедеятельность учреждений просвещения была дезорганизована, а часть их оказась перед катастрофой.*

Переломный 1921—22 учебный год.

1921—22 уч. год развертывался и прошел в обстановке и под активным знаком—а) несоответствия потребностей с рессурсами, б) НЭП (это общероссийские условия) и в) голода (беда Саратовской губернии).

А. На 1 января 22 г. в губернии состояло 3277 учреждений нар. образ., с 20686 работниками (из них 13508 педагогических и 7178 технических), коими обслуживалось более 300.000 человек. „Жесткий" государственный бюджет дал нам на 1922 г. 5200 реальных платежных единиц. Содержание технического персонала и обеспечение хоз.-операц. нужд перешло на местные средства. Таковых для нар. образования не было. На 25.000 детей дет. домов и приемников отпускалось 8.000, потом 12800 продпайков. Все эти цифры были получены Губотнаробом только в марте 22 г., чем усугубилась их жестокая неблагоприятность. Ежемесячное снижение центром количества платежных единиц и несоответствие присылаемой ставки тому минимуму, который устанавливался на месте союзными органами, плодили задолженность работникам.

Б. Новая экономическая политика, установив платность и наличный расчет, обязала и народное образование вносить все налоги, акциз, оплачивать коммунальные услуги и проч., не дав ему реальной возможности выполнять такие обязательства. У Губоно, как непроизводственного органа, своих средств не было. Местных для него—также. Декрет С. Н. К. от 15/IX—21 г. о самообложении и пр. почти никаких результатов не дал (по причине голода).

Нарождался новый слой НЭП'овской буржуазии, с особыми вкусами и устремлениями в области культурной. Нужно было видоизменять методы работы, а порой и содержание, с целью устранения тлетворного влияния этого класса и всей мелкобуржуазной стихии. С другой стороны, настойчиво выдвигался хозрасчет, переход от метода „кампаний" к точным планам, к энергичному и рациональному хозяйствованию.

В. Большая часть отрицательных моментов НЭП-а получалась вследствие сплетения и одновременности ее с голодом. Ужасные размеры последнего общеизвестны. С каждым месяцем он стихийно увеличивался и увеличивал кадры обслуживаемых. В Саратове приемниками ежедневно принималось до 80—100 голодных беспризорных

детей. В уездах входы УОНО загружались кучами подброшенных, почти умиравших. Эвакуация разрасталась в боевом порядке, а средств и на это не было.

Ко всему этому до 1922 г. народное образование никаким вниманием партии не пользовалось. Только с января, наконец, Губком занял более определенную и благоприятную позицию.

Таким образом, трагизм положения заключается в том, что в момент резкого перехода всего советского строительства, в том числе и народного образования, на „жесткий“ государственный бюджет, когда нищенствующему Наркомату просвещения вообще должна была быть оказана особая поддержка,—мы не только ее не получили, но еще оказались в тисках НЭП-а, перед страшным лицом, перед неустранимыми ударными задачами голода, борьбу с которым, при общественной пассивности учительства, вынуждены были поставить вне всякой очереди,

Поэтому деятельность органов народного образования, прикованная к борьбе с голодом, была направлена в 1-ю очередь на собирание и укрепление материальной базы путем: а) привлечения общественно-пролетарской помощи, б) сокращения сети, штатов и хозяйственных потребностей и в) изыскания средств собственными силами и возможностями.

А. Массы трудящихся, видя развал народного образования на местах, питая к нему симпатии, чувствуя в нем нужду,—не знали его полного состояния, задач и потребностей. Круги советских и партийных работников, видя то же самое и понимая причины беды, проявляли недопустимое равнодушие к его судьбе. Нужно было пробить брешь в стене таких неблагоприятствований.

Государственные средства в начале 1922 г. представляли собой неизвестность, гибельную по своим последствиям. Местных совершенно не было. Нужно было экстренно приковать, привлекать материальную помощь извне. В этих целях, с санкции и при содействии Комитетов партии, была проведена в губернии „*кампания помощи школе*“—в Саратове в январе, на местах в феврале 22 г. Поставленные цели были достигнуты. Выявив действительно угрожающее состояние просвещения, приковав к нему внимание и активные заботы, как всех работников, так и широких масс трудящихся,—удалось привлечь организации, предприятия, население к материальной и моральной поддержке просвещения и восстановить авторитет и самого дела и работников. Шефства, прикрепления, ремонт, обеспечение топливом, продуктами и иными предметами—вот практические формы оказанной помощи.

В итоге: *в самый критический момент для нар. образ. „кампания“ спасла его моральной и материальной помощью трудового организованного населения и партии; завоевала ему высокое место в общественно-пролетарском, советском и партийном внимании—заботах, и превратившись из „месячника“ в „полугодник“, удержала, закрепила это место на весь 1922 г.*

Солидную, в смысле питания учащихся, помощь оказали заграничные организации и компомголы. Первые детские столовые были открыты в Саратове Междун. союзом помощи детям в конце октября 21 г. Вскоре развернула свою работу и АРА. В ноябре продуктами этих организаций питалось 166.000 детей, в июне 22 г.—354.508 детей. Конечно, учащиеся удовлетворялись в 1-ю очередь. В последнее время М. К. Р. П. Р. кормил 500 детей (д./д.) Западно-европейское студенчество отпустило Саратовскому студенчеству 1970 пайков. Губкомпомгол за январь—июнь с. г. только по Саратову отпустил в д./д. 16268 пудов продуктов дет. питания, с июня техническому персоналу д./д. и приемников отпускалось 311 пайков.

Можно утверждать, что благодаря всей этой помощи дети-учащиеся были спасены от ужасов голода, были в течении всего учебного года сравнительно сытыми.

Б. Еще в конце 1921 г. общая обстановка республики и голод губернии выдвинули неизбежность сокращений. Но неизвестность о размерах и формах бюджета Н.К.П. и отсутствие точных сведений о действительном состоянии дела в губернии не давали возможности приступить к этому тогда-же наиболее планомерно и радикально. Поэтому Губоно приступил к такой большой и серьезной работе, руководствуясь лишь своим нижеследующим принципиальным порядком.

В первую очередь сокращению подверглись управленческие аппараты О.Н.О. Они представляли в то время явно разбухшие органы, вредно загроможденные бюрократическими „частями“, „секциями“ и негодными элементами сотрудников. Сокращение, произведенное в Губоно и Уоно в несколько приемов по линии отсеивания худших и материального улучшения положения остающихся, с установлением одновременно четкой системы, норм и ответственности за порученное дело,—уменьшило расходы, повысило продуктивность труда, улучшило качество работы. Волоно, на основании постановления Х-го Всероссийского С'езда Советов, были в феврале 22 г. совершенно ликвидированы.

Этот процесс шел таким темпом:

Состояло в	VIII—21 г.	XI—21 г.	I—22 г.	III—22 г.	VI—22 г.	VIII—22 г.
Губоно	756	350	220	108	82	75
13 Уоно	150×13	75×13	30×13	18½×13	18×13	16½×13
313 Волоно	2×313	2×313	2×313	—	—	—
Итого	3332	1951	1236	349	316	290

Массовые учреждения. Из них были сокращены в ноябре-декабре 21 г.: а) об'екты, обслуживание коих не имело места в общественной жизни или потеряло государственное значение, и фактически бездействовавшие (агитпункты, бо́льшая часть изб-читален и школ ликбезграм); б) могущие без особого ущерба для общего дела передать свои функции другим родственным учреждениям (райвол. политпросветы, губпечать), в) для коих не было минимально достаточной материальной базы или соответствующего аппарата и возможности создать таковые (клубы, школы в абсолютно голодавших уездах, театры там-же). В январе-марте 22 г.—чистка: „мертвые" учреждения ликвидируются; часть прикрепляется к организациям и предприятиям и получает шефов.

Количественно учреждения сократились: а) политико-просветительные примерно в 5—6 раз, б) социального воспитания—процентов на 40, в) профтехнического—процентов на 10. На 4 губернском с'езде завуоно эта сеть была снижена еще на 45%. В итоге у народного образования в губернии к апрелю 22 г. осталось следующее количество сотрудников, содержащихся на государственные средства (кроме высш. образ.):

Было с 1 I—22 г. всего в губернии на госуд. снабжен.	ДАНО РАБОЧИХ ЕДИНИЦ.																
	Губсоцвосу.					Губполитпросвету.						Профобру.				
	На д. д. и пр.	Шк. I и II ст., д. сады	Особые учрежд.	ВСЕГО.	Цектрану и Цекульстрою.	Совпартшк.	Политграм.	Шк. взр.	Ликв. безгр.	Библиот.	ВСЕГО.	С.-х. обр.	Пед. обр.	Тех. обр.	ВСЕГО.	ИТОГО
20.686 раб.	850	3150	119	4119	102	128	36	102	130	402	800	75	100	295	470	5739

На том-же С'езде были окончательно установлены штаты учреждений и нормы нагрузки на работника, уменьшающие расходы по содержанию личного состава.

Размеры сокращения хоз.-операционных расходов обуславливались наличием средств местного происхождения и, кроме того, введением принципа персональной ответственности за хоз. состояние заведующих учреждениями.

В. Изыскание средств своими силами шло по трем направлениям: 1) Перевод учреждений на хозрасчет. (В декабре 21 г. этому подверглись худож. п/о, дававший с янв. 22 г. по июнь чистого дохода от 271.445.912 р. до 8.407.700.000 р. в месяц; Нар. Дворец, научно-образ. музей в Вольске, губиздат и др.); 2) Торгово-производственная деятельность: открыты торг.-произв. отделения в уездах, Саратове и Москве, которые ведут торговлю товарами и предметами, нужными для учебных заведений, учеников и учащих; 3) Привлечение организаций, обществ, фабр.-завод. предприятий, сов. учреждений к материальному содержанию культурно-просвет. учреждений (особо значительная доля таких падает на договоры с сельскими обществами).

В области организационной Губотнароб перешел к 1922—23 учебному году к управлению от одного только руководства. Педагогически—нами достигнута прекрасная внешняя и хорошая внутренняя постановка дет. домов.

Дет. дома—наша гордость! Изданы программы, приобретены в громадном количестве учебники. Происходит проверка знаний. Нормирован внутренний уклад жизнедеятельности учреждений.

В этом смысле ныне мы стоим на твердой почве.

Заключение.

Народное просвещение к 5 годовщине Красного Октября находится крепко в государственных руках пролетариата.

Вся система нар. обр. гарантирует рабочему классу и крестьянству постепенное положительное разрешение его идеологических задач.

В наступившем учебном году придется усиленно закреплять материальную базу просвещения на основе местного бюджета. Поскольку этот последний еще не окреп, мы прибегаем к платности за обучение с имущих, к привлечению на помощь государству общественной инициативы.

Восстановление хозяйства страны—единая основная задача, на разрешение которой направлены силы партии, рабочего класса. Восстановительный процесс ныне особо значительно включает в общую цепь своих активно-действенных сил—культурный фактор. Актуально просвещение начинает приобретать решающие значение в деле осуществления принципов коммунизма. Внимание к нему со стороны партии, власти, рабоче-крестьянских масс все усиливается.

Поэтому основное положение—лозунг наш, подкрепленный 16/X с. г. и всероссийским с'ездом завгубоно, таков: „Просвещение должно занять в государственной жизни более высокое—и материально и идеологически—место, определяемое, как 3-й культурный фронт, в основных участках которого мы должны перейти в медленное систематическое наступление". Мы уже перешли к завоеванию высшей и средней школы, к внедрению в массовую школу I ст. основных обще-социалистических и педагогических элементов.

Последствие империалистической бойни и издержки гражданской войны, неподготовленность учительства и—в начале—его сопротивление помешали нам воплотить в жизнь идею коммунистического воспитания, создать—нормально и полно—единую трудовую школу.

Ныне мы уже перешли, как сказано выше, в наступление на этом участке.

Неиссякаемая, крепнущая, революционно-творческая сила пролетариата-победителя и нормальное сотрудничество с ним масс просвещенцев, оздоровление-укрепление хозяйства Республики—порука в том, что к 6-й годовщине Октября мы будем уже в решительном и полном наступлении на культурном фронте.

Победителю-пролетариату коммунистический привет-поздравление с Красным Октябрем от его культурного отряда!

ВОЗРОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ.

В. Мальте.

В эпоху империалистической и гражданской войн города с их хозяйством подвергались особенно тяжким ударам. Строительство в городском хозяйстве остановилось задолго до революции; в период же империалистической войны, когда правящий класс—буржуазия—увлекалась доходами, обильно сыпавшимися в ее карманы от человеческой бойни,—о творческой работе не приходится и говорить. Гражданская война, отвлекшая все внимание на фронты и оторвавшая великие творческие способности пролетариата от мирного строительства, усугубила положение.

Разруха в городах достигла колоссальных размеров, благоустройство городов пришло в упадок, коммунальные предприятия сильно поизносились, не имея ряд лет капитальных ремонтов; земельное хозяйство вышло из системы; десятки домов выбыли из строя и своим неприглядным видом наводили „жуть",—образовалось много серьезных ран, которые рано или поздно требовали лечения. Разруха особенно сильно сказалась в крупных городских центрах, ибо они являлись местом не только скопления беженцев, расквартирования войск, но сплошь и рядом и опорными стратегическими пунктами—крепостями.

В период ожесточенной борьбы, от результатов исхода которой зависило существование пролетарского государства, хозяйству городов ни центру, ни местами невозможно было уделить большого внимания. Ряд тяжелых лет пришлось пережить нашим городам; это уже будет учтено, и со всех концов Республики несутся вести о необходимости восстановления городов, изыскиваются пути и методы осуществления большого и неотложного дела.

Города, особенно крупные, всегда играли огромнейшее значение; в них сконцентрирована промышленность, они служат культурными пунктами, сплошь и рядом города являются местом увязки жизни в ее разнообразных проявлениях по отношению к большой территории (районы, область), города—источник культурного творчества; при Советской власти значение крупных промышленных городов еще больше возросло—они явились надежными опорными пунктами созидания новых форм пролетарского государства. В деле устройства нашего пролетарского хозяйства, несомненно, налаживание городского хозяйства должно идти бок-о-бок с работой в этом направлении в других отраслях хозяйства (промышленность, сел.-хоз. и др.).

Очевидно то, что немыслимо восстановление промышленности, увеличение производительности труда без существенной работы по восстановлению городского хозяйства, ибо только правильное разрешение больного жилищного вопроса, проведение положительных мероприятий по благоустройству городов—могут дать хорошие реальные результаты в улучшении наших других отраслей хозяйства; в мелких городах еще больше нужно положить труда, т. к. там и раньше не было благоустройства, а лишь его признаки.

От великана Москвы и вплоть до заброшенного в волжских степях Бузулука—идет огромная и благодатная работа по обновлению, по восстановлению городов. Каждая свежая доска в обветшалом заборе, каждый лист нового железа на проржавевшой крыше, каждый новый кусок мостовой на изъезженной улице внушают радость, обращают на себя внимание, и с каким-то особенным чувством удовлетворения говорят: „Смотри— ремонтируют".

Все понемногу начинают заражаться ремонтом, стараются перещеголять один другого.

Ремонтировать нужно многое—работы непочатый угол, слишком много прорех образовалось в нашем городском хозяйстве, и, конечно, нельзя все раны залечить сразу, но важно то, что города восстанавливаются, города приводятся в порядок, города уже выглядят веселее, и весну 1923 года мы ждем, как весну, которая должна усилить и развить начатое большое дело строительства—это несомненно.

Особенно много внимания делу восстановления городов уделено Украиной, которая на средства от коммунальных имуществ, коммунальных предприятий и при поддержке своего центра провела огромнейшую работу в городах и особенно в Киеве, который, за время Советской власти переходя из рук в руки, сильно пострадал. Не отстают Петроград, Москва, которые получили крупные средства на производство восстановительных работ.

Наша Саратовская губерния, находившаяся под ударом голода, оказалась не только с моральной, но и материальной стороны, в невыгодных условиях, но тоже принялась за работу по приведению в порядок городского хозяйства. Если в уездах сделано мало, то в г. Саратове в течение трех месяцев удалось провести ряд восстановительных работ: ремонтированы мостовые, мосты, асфальтовые проезды, обнесены более половины изгородью городские скверы; ведутся большие работы по улучшению водоснабжения города; приведены в порядок предприятия, работает трамвай, произведен капитальный ремонт трамвайных путей; введена система в земельном хозяйстве, приводятся в порядок сады, огороды; ремонтируются через сдачу в аренду дома, магазины,—правда, при колоссальной разрухе эта работа еще мало ощутительна и долж-

на быть с будущего года расширена,—возможности к этому есть и не хочется думать, что начатое дело заглохнет.

Само население городов тоже стало както более внимательно относиться к содержанию в порядке города и быстро, без особых натисков, отзывается на постановления по городскому хозяйству. Заброшенные улицы, тротуары, дворы все чаще и чаще начинают местись дворником или старательным жильцом и уже не имеют вида прежней „мерзости и запустения“.

Домкомы, как органы деловые, хозяйственные, все больше и больше начинают проявлять заботы о домовом хозяйстве, и, может-быть,—в предстоящую зиму мы не увидим в городе домов, занесенных сугробами.

Жизнь города пробуждается, самодеятельность населения начинает сказываться в большей степени; на смену инертности, безразличия явились заинтересованность, желание работать, строить, и нужно эти хорошие проявления использовать в полной мере. Прежде мрачные, потрепавшиеся города—оживились и весело встречают пятую годовщину Великой Октябрьской Пролетарской Революции, подводящей итоги нашего полуторагодичного строительства в условиях мирной обстановки.

Возрождение городов несет нам и возрождение городской жизни в ее совокупности. Шаг за шагом, медленно, но верно идет и ширится работа по излечению нашего городского хозяйства, и будем твердо уверены в том, что начатое пролетариатом дело будет доведено до конца.

Мы верим, что весна 5-го года Революции усилит и расширит нашу деятельность по восстановлению городского хозяйства.

Центры пролетарской жизни—города—возрождаются.

27/X.

ЕГО РОЖДЕНИЕ.

Октябрь, Октябрь! Зарей кумачной
Ты светишь миру пятый год.
И ночь бессильна в злобе мрачной,—
Ей не отсрочить дня прилет!
Бледнея, вянет траур ночи,
Заря цветет и вдаль, и вширь...
— Как ты пришел к нам, Богатырь—
Международный друг рабочих?

***

Тревога!.. Сизый льется чад.
И город пьян от раздраженья.
Живые улицы кричат:
„Вся власть—Советам!"...
Вихрь движенья.
И там, и тут—
Идут, идут...
Кострится дерзость в каждом взоре.
На площадях—людское море:
И юноши, и старики.
И все штыки, штыки, штыки...
Армейцы—демоны отваги,
Шинели—крылья серых птиц.
Как пятна крови, бьются флаги,
Алея в гуще бледных лиц.
От красных флагов—небо красно...
Миг напряжения—и вот
Рукой невидимой, но властной
Лавина двинута вперед.
— В кольцо огня! На баррикады!..
Мятеж вздымается, кричит.
Живой поток он к смерти мчит,
Как будто люди смерти рады...
— Т-ра-та-та-та! Тр-ра-та-та-та!—
С крыш затрещали пулеметы.
„Не прячься! Эй, товарищ, кто ты?"...
И—навзничь. С кровью изо рта...
Вот революций альбатросы—
Летят бесстрашные матросы.

А вот, с винтовками в руках,
Бегут, стреляя второпях,
Рабочих боевые группы.
И всюду кровь, и всюду трупы..
Но в сердце гнев, а не испуг.
Чу! где-то пушка громыхнула:
— Бух! ух!..
Дрожит земля от гула.
— Тр-ра-та-та-та!...
И снова:—Бу-ух!..
В разгаре бой. Часы—минуты,
Минуты—миги. Стон и вой...
Но все сжигает рабства путы
Порыв восстанья огневой!
Мятеж саженными шагами
Все измеряет грудь земли.
И троттуары, под ногами,
Цветами крови зацвели..
Вот—девушка. На белом платье—
Большое красное пятно.
Кровь— как густое толокно.
Уже холодная...
— Проклятье!
Зачем? За что?...
Вокруг—толпа.
Глядят. Убитую жалеют:
„Да, подшутила жизнь над нею!"...
„Зато, хоть в смерти—не раба".
„Зажглась—сгорела.. Будто спичка!"—
И жест ленивый на окно:
„Оттуда..."
— Кто ты? большевичка?...
Молчит. А кровь—как толокно...
И много их. Лежат буграми.
На каждом перекрестке—смерть.
Но бунт чугунными шагами
Все давит воющую твердь...
. . . .

...Конец!.. Над улицами гулкий
Набат победы прогудел.
Проник в глухие переулки
И дальше, гордый, полетел...
Ликуют площади.
— Победа!
К нам солнце всходит с высоты!..
Порыв восторженного бреда—
Костер мятежной красоты
В сердцах бойцов звенят сонеты
И, через груди, льются ввысь.
— Ур-р-а-а! . Да здравствуют Советы!..
Враги сдались...

***

...Все это было.
Героев истинных сгубила
Немало грозная борьба...
Но—пусть злорадствует судьба!
Пусть!..
Память бережем мы скупо
О *тех*, на чьей крови и трупах,
Средь леса красного знамен,
Фундамент воли возведен!
Им славу пятый год с трибуны
Сердца железные поют:
— Земной поклон бойцам Коммуны,
Сгоревшим пламенно в бою!..

Гудок.

Пять лет развития профдвижения в губернии.

Я. Кронин.

Российское профессиональное движение, родившееся в подполье, выросшее в период ожесточеннейшей борьбы, не могло иметь точного и планомерного учета.

Период подполья, когда каждый документ, какой-либо именной список, мог провалить все дело и послужить причиной многих несчастий,— естественно, не мог оставить нам в наследство каких-нибудь архивов и статистических материалов. Но и в первый период революции 17—18 г.г., когда начался процесс стихийного развития профдвижения, когда революция выдвинула громаднейшие задачи перед ним, некогда было заниматься учетом и изучением своего развития. Это был период первоначального оформления российского профдвижения, создания руководящих центров, когда союзы, одновременно реагируя и принимая самое активное участие во всем революционном развитии, являясь основной базой нового, созданного революцией, рабочего государства, уделяли главные свои силы и средства боевой работе. И только сравнительно недавно органы российского профдвижения, как в центре, так и на местах, начали изучать пройденный путь и анализировать его. Ко дню пятилетнего юбилея мы решили попытаться, насколько возможно будет, взглянуть на пройденный путь, на проделанную работу, отметив основные моменты их развития и деятельности.

Прошло только пять лет, но сколько ярких моментов развития профдвижения, как широко развилось оно, как глубоко оно внедрено в сознание российских трудящихся масс, какая неразрывная связь между ними создана!.. Саратовское профдвижение, зачатки которого имелись уже в 1902—3 годах, развивается в теснейшей связи с общим развитием профдвижения. Основные этапы, пройденные российским профдвижением в целом, с большей или меньшей выпуклостью проходит и саратовское.

Саратов имел только несколько профорганизаций, как союзы деревообделочников, металлистов, швейников, типографов, приказчиков и несколько других. Были, правда, отдельные попытки к установлению межсоюзной связи: был организован союз союзов, посылка своего представителя на 1-ю Всероссийскую конференцию профсоюзов, созванную в Москве в 1905 году,—но ненадолго. Период реакции, сильно сказавшийся на профдвижении в целом, сказывается также и в Саратове. Еще не успевши окрепнуть, союзы вынуждены были перейти на нелегальное положение, а затем почти совершенно ликвидироваться. Период войны, вызвавший оживление рабочего движения, снова повлиял на организацию профсоюзов. В 1916 году снова оживают союзы металлистов, деревообделочников, приказчиков. Это время является предвестником близкого будущего, когда рабочий класс активно выступил на арену политической борьбы и жизни. Разогнувши свои могучие плечи, скинув с себя оковы самодержавного рабства, рабочие массы начинают организовываться, ибо весь предшествующий период наглядно им показал, что в организованности—сила.

Февральская революция, совершенная восставшими рабочими и крестьянскими массами, дала возможность легальной организации рабочего класса. Не беря в этот момент власть в свои руки, будучи недостаточно для этого организованным и подготовленным, рабочий класс начинает копить силы, создавать свои организации. Через несколько дней после Февраля, как грибы после дождя, начинают появляться профессиональные союзы. Каждая мало-мальски развитая группа рабочих и служащих начинает организовываться в профсоюз. Без всяких указаний, программ, почти стихийно, создаются союзы, начинается работа по об'единению широких рабочих масс и борьба за улучшение своего положения. Буржуазия, воспользовавшись плодами революции и захвативши власть в свои руки, начала также быстро организовываться и противопоставлять себя организованным рабочим. Борьба началась не на жизнь, а на смерть. Рабочие массы России, несмотря на свою политическую молодость и культурную отсталость, своим классовым чутьем и сознанием быстро справились с поставленными перед ними историей задачами.

Начиная с марта месяца 1917 года, в Саратове начали организовываться явочным порядком

профессиональные союзы. В течение одного только этого месяца были организованы союзы: аптечников, водного транспорта, „Игла“, металлистов, деревообделочников, строительных рабочих, сапожников, домовых служащих, мельничных рабочих, торгово-промышленных служащих и много других, нигде не зарегистрированных. С первых же дней своей деятельности, перед союзными работниками, а также и массами стал вопрос о межсоюзном об‘единении, о согласовании и координировании союзной деятельности и создании общесоюзного руководящего органа. Многие не представляли себе, что именно должен собой представлять этот орган, каковы будут его функции, но все одинаково чувствовали необходимость такого об‘единения. Несколько наиболее передовых и организованных союзов берут на себя инициативу в создании этого органа.

17 апреля 1917 года происходит первое официальное заседание представителей союзов: металлистов, строительных рабочих, „Игла“, деревообделочников и сапожников. В порядке дня стоят вопросы о создании *Союза Союзов*, избрании правления этого союза и о праздновании 1-го мая. Собрание находит необходимым сейчас-же создать временное правление по одному из представителей представленных союзов, с правом кооптации. В состав этого временного правления входят представители от: 1) металлистов, 2) строителей, 3) „Иглы“, 4) деревообделочников и 5) сапожников. Правлению поручается разработка положения и ведение дел союзов. Ему же поручается руководить майской демонстрацией. Этим постановлением кладется начало межсоюзному об‘единению, и с этого момента начинается постепенное развитие этого временного правления Союза Союзов, который через несколько времени превращается в Совет Профессиональных Союзов. „Правленское собрание“, как значится в протоколе, происходит 20 апреля. Здесь, кроме самого правления, принимают участие уже новые представители от союзов: 1) домашней прислуги, 2) красильных, 3) табачных изделий. С каждым днем круг обхватываемых организаций правлением Союза Союзов ширится вместе с развитием профдвижения. Правление Союза Союзов начинает развивать свою деятельность, переходит в отдельное помещение и через некоторое время становится руководящим, организационным и идеологическим центром всего профессионального движения города, а затем и губернии. В июле месяце временное правление реорганизуется, создается Центральное Бюро Профессиональных Союзов.

В это время в Саратове были уже организованы свыше 20 союзов. Руководящим органом Союза Союзов является Центральное Бюро, которое составлялось из представителей всех профессиональных организаций; исполнительным органом, постоянно работающим в аппарате Союза Союзов, являлся президиум. Тем временем экономическое и политическое состояние страны вообще, и нашей губернии—в частности, значительно обострилось. Борьба между рабочими и предпринимателями все разгоралась, требования рабочих возростали, число конфликтов прогрессивно росло: то в одном, то в другом союзе проводились забастовки. Предприниматели на требования рабочих отвечали локаутом—явным и скрытым. Хозяева начинают принимать меры к разложению союзов: создаются союзные организации на хозяйские деньги, задача которых срывать забастовки путем штрейкбрейхерства. Власть в лице Временного Правительства никаких решительных мер не принимает. Значительно к этому времени оформляются Советы. Появляются лозунги—„Власть Советам“. Состав Центрального Бюро не однороден: там разные политические группировки, по разному определяющие задачи Бюро к ряду возникающих вопросов. Во главе Бюро избираются большевики, председателем состоит т. Косолапов. Этим уже определяется та позиция, которую занимает президиум Центральн. Бюро и само Бюро в целом. Центральное Бюро становится не только координирующим работу союзов центром, но и высшей союзной инстанцией, к которой начинают обращаться союзы за разрешением тех или иных вопросов, за содействием во время стачки, для нажима на Комиссариат Труда. Содержание работы Центрального Бюро значительно изменяется, оно начинает разрешать ряд вопросов, конфликтов, возникающих между союзами и предпринимателями, и недоразумения между отдельными союзами, согласовывая их выступления и направляя их деятельность. На собрании Центрального Бюро от 3 июля по вопросу организации отдельного женского союза ресторанно-гостинных служащих принимается следующее постановление: ввиду того, что женщины могут улучшить свое экономическое и социальное положение только в совместной борьбе с рабочими, и что в общем успешная экономическая борьба возможна только при существовании одного союза в данной профессии, Центральным Бюро предлагается женскому союзу присоединиться к профсоюзу трактирно-ресторанных и буфетных служащих.

На происходящую в Питере 3-ю Всероссийскую конференцию профсоюзов Центральное Бюро делегирует т. Мгеладзе, на демократическое совещание—т. Косолапова (оба большевики), что также характеризует общую позицию саратовских союзов.

Центральное Бюро разрешает ряд вопросов, связанных с оказанием рабочим медицынской периодической помощи, разбирает вопросы забастовок, как шляпочниц, правительственных служащих и др., участвует в Исполнительном Комитете Совета, связывается с рабочей секцией его, устанавливает контакт в работе.

Много внимания Центр. Бюро уделяет организационному вопросу, вырабатывая устав, принимая непосредственное участие в организации новых союзов и соединяя однородные. В это же время Центр. Бюро оформляет и свою структуру: устанавливается определенная система представительства от союзов, определяются задачи, и реорганизуется в Совет Профессиональных Союзов. Вся эта реорганизация происходит в сентябре 17 года, с какового времени официально считается существование его. Вместе с быстрым развитием профсоюзов Революцией были рождены новые формы организации рабочих на местах—фабрично-заводские комитеты. Последние в течение двух-трех месяцев покрыли абсолютно все предприятия и также намечают тенденцию к об‘единению

и согласованию своей работы. В первых числах апреля месяца 17 года создается Организационное Бюро фабрично-заводских комитетов г. Саратова. 5-го апреля это Бюро оформляется и начинает вести свою организационную работу. Первым делом оно занимается вопросами внутреннего распорядка в предприятиях, произведя анкетное обследование. С первых же дней своей работы оно занимается разрешением ряда конфликтов на предприятиях, состояния промышленности, ставит вопрос о реорганизации военно промышленных комитетов и т. п. Все заседания Оргбюро проходят почти на 95% в разрешении конфликтов на предприятиях, возникающих на почве невыполнения требований рабочих и противодействия введению 8-мичас. рабочего дня, увеличению заработной платы, вмешательству завкома в административно-хозяйственную жизнь предприятия. При Оргбюро образуются комиссии: организационная, контрольно-ревизионная, где концентрируется: в первой—работа по организации фабзавкомов, а во второй—контроль над предпринимателями. Оргбюро, разрешая ряд конфликтов, пришлось столкнуться с уставом Временного Правительства о фабр.-завод. комитетах, запрещающем им контролировать производство и участвовать в приеме и увольнении. Обсуждая это положение, Оргбюро постановляет руководствоваться своими инструкциями о фабр.-завод. комитетах, известив об этом особой докладной запиской Министерство Труда. Инструкция Оргбюро, предоставляющая определенные права в области производственного контроля, быстро проводится в жизнь. В начале августа Оргбюро уже разрешает вопросы о выдаче тех или других видов сырья, предметов оборудования из тех или других заводов. В это же время перед Бюро встал вопрос о взаимоотношениях с Центр. Бюро Профсоюзов и завкома с отдельным союзом. Делая первые шаги к контактированию работы, признается необходимым устраивать совместные заседания и выступления для согласовывания своих действий. Количество конфликтов на предприятиях все увеличивалось, предприниматели не уступали, создаваемые примирительные камеры ни к чему не приводили, забастовки учащались, обострялись, доходя до крайних пределов. Некоторые фабзавкомы фактически стали управлять производством. Атмосфера была до чрезвычайности напряжена. Фабзавкомы с занятого пути не сходили, положения и законы Временного Правительства не выполнялись, а проводились революционным путем свои положения. Меньшевистско-эсеровская соглашательская политика не удовлетворяла требованиям широких рабочих масс. Лозунги—Власть Советам—становились все более и более популярными. Саратовские союзы и завкомы в абсолютном своем большинстве целиком поддерживали эти лозунги. Близилась развязка. Грянула Октябрьская революция, и разрядилась атмосфера. Саратовские профсоюзы в большинстве своем не только восприняли Октябрьскую революцию, но являлись активными ее проводниками. Ряд предприятий под руководством своих завкомов, членов правления, выступала, как реальная сила, защищая власть Советов. Совет Профессиональных Союзов, имевший в своей руководящей головке большевиков, также поддерживал и принимал участие в октябрьские дни. Изменение в корне общеполитического положения изменило задачи союзов и фабзавкомов. Началась новая эра рабочего движения и вместе с ним профсоюзов, как одной из основных его частей.

Октябрьский переворот.

Ко времени Октябрьской революции саратовское профдвижение в обще-организационном отношении было слабо. Союзы были построены по цеховому признаку, с губернией у большинства союзов связи почти не было никакой, союзный аппарат был очень слаб, связь с завкомами была слаба, несмотря на существование двух параллельных органов—Совета Профессиональных Союзов и Совета фабрично-заводских комитетов, содержание союзной работы было ограниченное.

Октябрьская революция, превратив рабочие массы и их организации в господствующий класс, в корне также изменила и задачи союзов. Узкие рамки профсоюзной работы, в условиях капиталистического строя сводящиеся к борьбе за лишний кусок хлеба, меняются на огромнейшие перспективы строительства новой жизни, организации народного хозяйства, улучшения положения широких рабочих масс. Освободившись от гнета буржуазии, рабочий класс начал выявлять свои огромные организаторские способности. На ряду с укреплением Советской власти быстро идет развитие и укрепление профдвижения. Отдавая массу сил и энергии на борьбу с контр-революцией, профсоюзы все шире и шире развивают, углубляют свою работу и вовлекают почти поголовно всех рабочих и служащих в свои ряды.

Происшедший вслед за Октябрем 1-й Всероссийский С'езд профсоюзов закрепил новые задачи союзов, приняв ряд постановлений по основным отраслям союзной работы и давши большой материал для работы на местах. Начинается огромнейшая организационная работа. Совет Профессиональных Союзов начинает проводить работу по об'единению цеховых и профессиональных союзов и построению их на производственном принципе; устанавливается связь с губернией. В уездных городах по саратовскому принципу организуются межсоюзные об'единения, имеющие разную структуру и названия. Происходит слияние Совета Профсоюзов с Советом фабрично-заводских комитетов, значительно укрепившее Совет Союзов, что еще более положительно повлияло на поднятие авторитета и работоспособности отдельных союзов, подчинив им заводские комитеты, как низовые союзные ячейки.

Связавши свою судьбу с Советской властью в момент появления на историческую арену, профсоюзы стали основной опорой и становым хребтом ее. С первых же дней Октября союзы это доказали. На борьбу с чехо-словаками идут в первую голову союзы—строителей, грузчиков, которые выделяют несколько сот человек под руководством членов правлений. Восстание и организация казачества в Уральске требует ликвидации, и союзы отдают своих членов для отправки туда! Вторичное восстание и создание целого фронта контр-революции за Уральском требует принятия решительных мер. Губпрофсовет производит мобилизацию 15% членов профсоюзов. Все проф-

союзы выделяют своих членов и под руководством члена президиума Губпрофсовета отправляются на фронт, где являются основным ядром созданной Красной армии. При наступлении Колчака, начавшего угрожать и Саратову, снова мобилизуются члены профсоюзов, и не одна тысяча их отправляется на фронт. Когда недобитая контр-революция в лице Врангеля делает попытку удушения Советской власти, саратовские союзы снова отдают несколько сот своих членов и на этот фронт. Проводятся две мобилизации на военные командные курсы, куда саратовские союзы выделяют несколько сот человек. В общем можно с определенностью сказать, что не было ни одного случая, где бы саратовские союзы не приняли участия в обороне Республики и не выделили бы своих членов для ее защиты. Все эти мобилизации проходят при полном руководстве Губпрофсовета, а некоторые проводятся полностью его аппаратом. Тяжелое продовольственное положение Республики требует и здесь принятия срочных мер. Саратовские рабочие через свои союзы организуют несколько десятков продовольственных отрядов, которые собирают хлеб для голодающих центров, они принимают участие в сборке урожая по губернии, выделяя для этого сотни своих членов. Сбор продналога также не обходится без саратовских профсоюзов: они формируют 15 продовольственных дружин в общей сложности в 2000 человек. Семенная кампания проходит при самом активном участии профсоюзов, выделивших и для этого около 150 чел. Топливный кризис—союзы и здесь приходят на помощь: выделяет сотни членов союзов, ведущих заготовку дров.

Губпрофсовет принимает активное участие в работе почти всех советских органов, посылая туда своих представителей.

1-я губконференция профсоюзов.

В то же время Совет Профсоюзов, реорганизованный, фактически ставший уже руководителем профдвижения в губернском масштабе, начал принимать ряд мер к оформлению профессионального движения в губернии, где оно строилось слишком разнообразно.

Связь с уездными Советами оживает, и на 1-е июля 1918 г. назначается 1-я губернская конференция профсоюзов. Порядок дня конференции носит характер организационный.

Первым вопросом ставится признание Саратовского Совета Профсоюзов губернским. Конференция после некоторого обсуждения принимает резолюцию: „Ввиду того, что создание отдельного губернского органа нецелесообразно, губконференция признает Саратовский Совет с представительством от уездов Губернским Советом Профессиональных Союзов". Тут же устанавливается норма представительства для уездов: от 3 до 10 тысяч—одного, свыше—на каждые 10 тысяч по одному, и по одному от каждого союза, который также к этому времени успел связаться с губернией.

Принимается ряд постановлений об инструктировании уездов, поддержании связи, как письменной, так и устной, об издании специального органа „Саратовский рабочий". Устанавливается 10% отчисление с членских поступлений в кассу Губпрофсовета и решение о необходимости созыва губернского с'езда раньше созыва областного с'езда.

Областной с'езд.

Условия общепрофессионального характера вызывают необходимость скорейшего созыва областного с'езда, и таковой собирается 18 августа. На этом с'езде принимают участие Саратов с уездами: Аткарским, Балашовским, Вольским, Камышинским, Петровским; Пенза с двумя уездами; Самара с уездами Покровским, Николаевским и Балаковским; Астрахань, Казань и от Тамбовской губернии Борисоглебский уезд. Всего присутствовало 25 делегатов, и с'езд постановляет себя считать Первым Поволжским Областным С'ездом Профессиональных Союзов.

Характерен состав с'езда:

1) Коммунистов	42.
2) Сочувств. ком.	17.
3) Лев. соц.-рев.	3.
4) Социал. револ.	2.
5) Соц.-дем. инт.	3.
6) „ „ мен.	4.
7) Евр. С.-Д. Бунд	7.
8) Беспартийных	7.
9) Других	9.

Этот состав уж сам говорит за работу с'езда. Порядок дня с'езда включал основные вопросы тогдашнего момента.

Наиболее характерными из них следует отметить:

1) доклад о текущем моменте, который вызвал большие прения и фракционные декларации.

2) Профессиональные союзы и экономическая политика рабочего класса, участие союзов в регулировании промышленности и рабочий контроль.

3) Поднятие производительности и рабочая дисциплина.

4) Безработица и борьба с ней.

5) Взаимоотношения с органами Комиссариата Труда.

6) Организационный (производственный) принцип, создание Областного Совета.

Останавливаясь здесь лишь на первом и последнем вопросах, следует отметить первый вопрос, по которому огромным большинством была принята резолюция фракции коммунистов, отмечающая, что *сейчас рабочий класс России должен напрячь все усилия, чтобы удержать в своих руках Советскую власть до неизбежной вспышки социальной революции в других странах; с'езд призывает все профессиональные организации к выполнению огромной трудной задачи, возложенной Октябрьской революцией, по восстановлению и организации на новых началах народного хозяйства и тесно сплотиться вокруг Советов, укрепляя и защищая все их начинания, чтобы дать дружный отпор врагам рабочего класса.*

Ближайшей задачей союзов с'езд признает необходимость приложить все усилия к защите всех завоеваний Октябрьской революции. Всеобщее вооружение и обучение рабочих, подготовка боевых пролетарских батальонов,—все это нами должно быть сделано.

В этих нескольких выдержках ясно отношение Областного с'езда ко всему происходившему в этот момент.

По организационному вопросу принимается постановление о необходимости построения союзов по производственому принципу, намечается ряд мер, как легче это проводить, чтобы изжить цеховую узость и замкнутость путем организации профессиональных секций внутри союза. По вопросу об'единения рабочих в уездах принимается постановление об организации секций при уездных Советах союзов. Подтверждается также необходимость превращения фабзавкомов в ячейки союзов с вытекающими отсюда последствиями.

По вопросу об организации Областного Совета принимается постановление о необходимости создания такого центра с нахождением его в Саратове. На с'езде избирается Областной Совет из 15 человек, где большинство представителей саратовских союзов.

1-й губернский с'езд.

Окончательное организационное оформление саратовского профдвижения происходит на 1-м губернском с'езде профсоюзов, созванном в средине февраля 19 года. На с'езде были представлены 63 профес. организации, с количеством делегатов 187 человек. Абсолютное большинство было коммунистов и сочувств., соц.-дем. интерн 7, меньшев. 8. Соотношение числа делегатов ясно говорит за общее направление с'езда,—он прошел под полным руководством Коммунистической партии. К этому времени саратовские союзы по городу насчитывали в своих рядах 72,640 челов. В общем на 1-м с'езде было представлено около 100000 организованных в профсоюзы рабочих и служащих.

Отчетный доклад Губпрофсовета вызвал довольно оживленные прения, при чем в критике, по преимуществу политической, особенно усердствуют меньшевики. С'езд абсолютным большинством признает политическую линию работы Губпрофсовета правильной. Много внимания с'езд уделяет вопросу „Задачи союзов". По докладу Президиума, он же фракции коммунистов, и содокладам меньшевиков и интернационалистов с'езд определенно выявляет точку зрения саратовских союзов. Абсолютным большинством голосов *с'езд принимает тезисы, выставленные фракцией коммунистов.* В принятых тезисах с'езд решительно отвергает всякие тенденции независимости и считает предательством всякие попытки, противопоставляющие союзы органам Советской власти.

„Единство политической и экономической борьбы пролетариата должно выразиться в совместной практической работе союзов и Советской власти. Конкретно это должно выразиться в правильном и централизованном построении союзов по производственному признаку, устранении всякого сепаратизма в тарифной деятельности, активном строительстве социального обеспечения, поднятии производительности труда, введении трудовой самодисциплины и установлении строгой и обязательной нормы выработки. Союзы должны принять участие в формировании советских органов введением туда своих представителей". Особое внимание с'езд уделяет организационному вопросу. Можно с полной определенностью сказать, что здесь впервые было детально разрешено организационное союзное строительство, и, начиная с 1-го с'езда, у нас согласованность союзного строительства оформляется. Первым делом устанавливается, что следует понимать под принципом производственных союзов. Этот принцип: а) одно предприятие, один союз, б) централизованное управление и кассы, в) централизованный тариф, 4) представление каждого союза центром.

„С'езд целиком присоединяется к постановлениям 2-го всероссийского с'езда и констатирует, что состояние профдвижения в губернии дает возможность реорганизовать союзы на этих принципах. Прошло время существования отдельных Саратовских союзов, Вольских, Балашовских и т. д. Все местные союзы должны стать отделами и отделениями всероссийского союза. Для этого должны быть созваны губернские с'езды отдельных союзов". Организация этих с'ездов поручается Губпрофсовету, при чем установлено, что уездные Бюро не регистрируют те союзы, которые не входят в губернский союз, а Губпрофсовет не регистрируют те из них, которые не входят в состав всероссийского. С'езд определяет, что саратовское профдвижение должно улечься в 26 союзов, каковые он утверждает.

Высшим руководящим органом профдвижения является Губпрофсовет, и с'ездом же принят подробный устав Губпрофсовета.

Начиная с этого с'езда, быстро развивается саратовское профдвижение. Роль Губпрофсовета, как руководящего органа губернии, все усиливается. В течение 19 года созывается 2 губернских конференции, по счету 2-я и 3-я. (2-я—в июне 19 года и 3-я—в октябре). 2-я конференция занимается подведением некоторых итогов и детализирует постановления с'езда. 3-я конференция уделяет некоторое внимание организационному вопросу, устанавливает структуру союзных и межсоюзных органов, определяет финансовые взаимоотношения, особое внимание уделяет организации кустарей и одиночек и т. д. Впервые с полной серьезностью ставится и разрешается вопрос об организации делопроизводства, статистики и отчетности союзов. С этого момента у нас начался более или менее правильный учет членов союзов и союзной работы.

4-я губернская конференция.

Хотя 3-я конференция постановила созвать 2-й губс'езд профсоюзов в ноябре того же года, этого по целому ряду обстоятельств выполнить не удалось. С'езд был созван только в июне 1920 года.

В промежутке между ним созывается 4-я губконференция профсоюзов, которая по своему значению занимает одно из первых мест в общей истории развития профдвижения. Конференция была созвана в январе 1920 года. Этот момент в общем развитии революции был особо выделяющимся. Благодаря чрезвычайному напряжению, героизму и энтузиазму рабочего класса, при поддержке крестьянства удалось одержать значительные победы на фронтах гражданской войны.

Некоторые части Красной армии освободились от непосредственной борьбы на фронте, распускать их не было никакой возможности, т. к. угроза новых нападений со стороны контр-революции была еще очень реальна. Не выпуская винтовки из рук, необходимо было сосредоточить внимание

и силы на трудовой фронт, который к этому времени вырос в действительный боевой участок, требующий принятия срочных и героических мер. Началась кампания перевода частей Красной армии в трудовые части,— этот период известен, как период организации трудовых армий. Не входя в анализ результатов работы этих армий, можно со всей определенностью сказать, что они сыграли крупнейшую роль. Необходимость восстановления хозяйства и быстрейшая ликвидация трудового фронта привели к тому, что методы, применяемые на фронтах гражданской войны, стали применяться и на нем. Строжайшая дисциплина, милитаризация труда, всеобщая трудовая повинность—характерные черты этого периода. Все это, несомненно, должно было отразиться на состоянии профдвижения и в первую голову на определении задач, стоящих перед ним. Основным докладом Губконференции был вопрос о задачах союзов, вызвавший оживленные прения, в результате которых с'езд принял необходимость проведения мер. С'езд констатировал, что процесс развития революции требует от союзов проведения трудовой производственной дисциплины, строгого учета и распределения рабочей силы, участия в неуклонном проведении всеобщей трудовой повинности. С'езд признает необходимым использование всего аппарата в деле восстановления народного хозяйства, считая, что доминирующее влияние и участие в этой работе должно остаться за профсоюзами. В соответствии с этим определением задач конференция разрешает и остальные вопросы порядка дня своей работы. Организационное строительство союзов целиком подчиняется этим задачам. Конференция считает необходимым установление строго централизованного союзного аппарата. Необходимо полное подчинение низших союзных ячеек высшим, сокращение числа союзных об'единений: конференция признает необходимым ликвидацию союзов, как аптечники, парикмахеры, пожарные, домовые работники и т. д., которые должны быть влиты целиком или частично в наиболее родственные об'единения.

Конференция намечает также об'единение союзов, как Рабпрос и Рабис, грузчики и местный транспорт, железнодорожники и водники. Останавливаясь на организации межсоюзных об'единений, конференция считает необходимым еще большее усиление их руководящей роли и строиться по принципу хозяйственного тяготения, определенно установить членский взнос в 2% и строгую финансовую союзную дисциплину, при чем кассы должны быть центролизованы по союзной линии.

Прошедший вслед за губернской конференцией III-й всероссийский с'езд профсоюзов, определивший роль и задачи союзов в переживаемый период, дал полное подтверждение занятой позиции губернской конференцией и наметил дальнейшие пути развития профдвижения. Для проведения и детализации его постановлений и выявления отношения союзных масс к ним в июле 20 года созван 2-й губернский с'езд профсоюзов.

2-ой Губернский С'езд.

Время от 1-го до 2-го с'езда даром не прошло, профработа значительно углубилась и охватила более широкие рабочие массы. На с'езде было представлено 158 тысяч организованных в профес. союзы пролетариата. Из 183 делегатов 132 были членами Российской Коммунистической партии, а меньшевики имели только 3 делегатов. Такое соотношение делегатов ясно показывает, как саратовский пролетариат и их союзы связали свою судьбу с Коммунистической партией.

Обсуждая вопрос о задачах союзов, Губс'езд остановил свое внимание на выяснении позиций так называемых независимцев и синдикалистов. С'езд признает необходимым ведение реальной борьбы против независимцев, которые подделывались и подыгрывались под шкурнические интересы отсталых рабочих, срывали союзную работу. Такое же отношение с'езд выявляет и к синдикализму, считая опровергнутым Российской революцией всю теорию: каждое производство—каждому союзу. Останавливаясь на очередных задачах союзов, с'езд главное внимание уделяет поднятию производительности труда, трудовой дисциплине и устанавливает, что здесь нельзя останавливаться перед самыми суровыми мерами, используя в полной мере дисциплинарные товарищеские суды.

„Правления союзов должны не только выражать интересы членов союза, но, главным образом, интересы всего рабочего класса в целом". Из этой формулировки ясна классовая сознательность и линия саратовских союзов.

Все это отражается в принятом постановлении по организационному вопросу. Важнейшей организационной задачей союзов с'езд считает укрепление связи с широкой рабочей массой, необходимость втянуть ее в грандиозную работу, выполняемую союзами, спаять ее определенной дисциплиной, построить на понимании общих пролетарских интересов. Признается необходимость покончить с расхлябанностью союзных аппаратов, установить твердый и четкий темп работы, строгое разделение ее между ответственными работниками союза под персональной ответственностью каждого за порученную ему работу. Необходимо установить военный темп в работе, строгое выполнение заданий и т. д.

Особое внимание с'езд считает необходимым уделить связи с фабзавкомами и месткомами, установление ответственности их за состояние союзной работы на предприятии. Завкомы должны участвовать в общей работе правлений союзов.

Особенно характерная черта постановлений 2-го с'езда—это взятие курса на усиление межсоюзных об'единений. С этого момента роль Губпрофсовета еще более усиливается, и он становится формальным и фактическим руководителем всего профдвижения в губернии.

Вслед за 2-м с'ездом работа Губпрофсовета значительно расширяется, связь с губернией значительно углубляется, тоже самое по отношению к Губотделам.

За годичный промежуток времени от 2-го до 3-го губс'езда президиум провел три губернских конференции с участием всех губотделов и упрофбюро.

1-я конференция данного периода и 5-я по общему счету, созванная в сентябре 20 года, заслушавшая доклады президиума Губпрофсовета и всех его отделов, проверяет, таким образом, не только общую работу Губпрофсовета, но и отдель-

ных его частей. Наиболее характерным здесь следует отметить поизнание необходимости перехода на плановмерную работу. Фактически, с этого момента Губпрофсовет, а затем и отдельные союзы начали вести работу по установленному плану, что всей дальнейшей практикой полностью подтверждено.

6-я Губконференция, происходившая в декабре 21 года, еще более детализирует задачи союзов на ближайший период. Из основных положений, принятых по организационному вопросу, следует отметить организацию *местечковых секретариатов, целью которых должен явиться охват и организация разбросанных рабочих в глуши губернии.*

7-я Губконференция, созванная в мае месяце 21 года, накануне IV-го Всероссийского С'езда Профсоюзов, главным образом занялась предварительной разработкой вопросов к Всероссийскому с'езду. Следует отметить, что целый ряд предположений, вынесенных Губконференцией, были на с'езде полностью подтверждены, что в первую голову относится к организационному вопросу, как перенесение центра тяжести профдвижения на межсоюзные об'единения, курс на единый союз, централизация касс, финансовые взаимоотношения и т. д.

В развернувшейся широкой дискуссии о задачах профсоюзов Губпрофсовет и все союзы, за исключением железнодорожников, заняли позицию, полностью подтвержденную IV-м с'ездом.

III-й губ. с'езд.

Вслед за IV-м Всероссийским с'ездом был созван 3-й губернский с'езд, проходивший в мае 21 года.

Проведенная за год работа к этому с'езду сказалась. Здесь можно смело отметить, что к этому с'езду саратовское профдвижение достигло наибольших размеров. На 3-м губс'езде было представлено около 240 тысяч членов профсоюзов.

С'езд собирался уже в новых условиях. Только что закончившейся Всерос. Партийный и Профсоюзный с'езд произвел большой поворот в нашей общей экономической политике. Ими была провозглашена новая экономическая политика, и намечены в самых общих чертах те изменения, вернее, добавления к союзной работе, вытекающие из новых условий. В наших губернских условиях провозглашенная НЭП еще очень мало проявилась, и вполне понятно, что с'езд не мог учесть всех выводов из сделанного поворота. Обсуждение вопросов и принятие резолюций шло под углом зрения дальнейшего процесса развития намеченных прошлым с'ездом путей. В принятом постановлении о задачах союзов с'езд устанавливает необходимость сосредоточения всего союзного внимания на удержании и восстановлении крупной промышленности и улучшении положения рабочих. Под углом зрения этих положений должны выполняться и остальные задачи союзов. Отдельным с'езд выделяет вопрос о задачах союзов по отношению к возникающим частным предприятиям. Здесь с'езд определенно занимает позицию защиты интересов рабочих от эксплоатации частным капиталом. В соответствии с этим решается и организационный вопрос. С одной стороны, дальнейшее продолжение взятого курса на единый союз, на связь с массами, и с другой—организация рабочих и вовлечение их в союзы для борьбы с нарождающимся частным капиталом и эксплоатацией.

Союзы и хозяйство.

Обзор работы этого периода был бы неполон, если не остановиться на одной отрасли работы, проделанной Советом и союзами: это участие их в организации и восстановлении народного хозяйства. Из беглого обзора общих задач союзов в первый период их развития вопросы промышленности являются одной из основ союзной жизни и деятельности. Период от февраля до октября 17 года знает очень много фактов вмешательства союзов и фабзавкомов в дело управления промышленности и дальнейшей их судьбы. Октябрьская революция, разрешившая в основном вопросы собственно орудий производства и методов управления им и изменившая в корне задачи союзов, впервые в истории выявила возможность участия союзов в организации народного хозяйства на новых началах, сделав их основным содержанием этой организации.

4-го декабря 1917 года Губпрофсовет ставит вопрос об организации Совета Народного Хозяйства, об участии союзов в этой организации и выделении туда своих представителей. В своей мотивировке необходимости создания такого органа Президиум Совета Профсоюзов проводит, что необходимо создать орган, который должен руководить всей хозяйственной и промышленной жизнью губернии, что, чем скорее сконструируется такой орган, чем скорее он начнет работать, тем лучше будет для хозяйственного развития жизни губернии. Принимая постановление о создании Совнархоза, Губпрофсовет определил также нормы представительства и участия всех союзов.

С этого момента начинается развитие Совнархоза, который становится вскоре Губсовнархозом, фактически хозяином всей губернской промышленности, работа которого проходит в дальнейшем при самом активном и непосредственном участии союзов и Губпрофсовета.

Впервые теоретическое и практическое оформление этого вопроса с соответствующими выводами было выявлено на Областном Поволжском с'езде. В принятых постановлениях об экономической политике рабочего класса и участии союзов в регулировании промышленности с'езд устанавливает: „Необходимость национализации промышленности диктовалась той разрухой, которая явилась следствием войны, и которую не в состоянии устранить капиталистический аппарат, и что, в виду опасности, которая угрожает самому существованию российской промышленности и пролетариату, буржуазия, устраненная от политического влияния, должна быть также отстранена и от экономического. Руководство должно сосредоточиться в государственном органе. Профсоюзы, из боевых организаций при капиталистическом строе, должны превратиться в государственные организации, заменяющие частно-хозяйственный аппарат.

Задача профсоюзов—не только защита труда, в огромнейшей степени выполняемая рабочим госу-

дарством, но и сохранение производства и содействие развитию производительных сил.

При установлении трудовой дисциплины установление норм выработки в соответствии ставкам заработной платы—единый путь, ведущий к этой цели.

Такая же линия проходит в вопросе поднятия производительности труда и рабочей дисциплины и тарифной политике.

Констатируя ряд ненормальных явлений и признавая остроту момента, с'езд предлагает всем союзным организациям напрячь все усилия к поднятию производительности труда и установлению трудовой дисциплины. Все профсоюзы должны строго следить за проведением в жизнь тарифной дисциплины, определенно признав, что за определенную гарантированную заработную плату должна быть гарантировна определенная твердая норма производительности. Для этой цели должны быть созданы специальные нормировочные комиссии. В исключительных случаях допускается сдельная оплата труда.

Не останавливаясь на этих принятых постановлениях, с'езд предлагает в тех случаях, когда меры товарищеского воздействия не помогут, и отдельные группы рабочих не подчиняются союзной дисциплине, применять исключение таковых из союзов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вместе с этим для достижения мер к поднятию производительности труда с'езд считает необходимым войти в сношение с Совнархозом по вопросу о порядке управления предприятиями, установить нормы прожиточного минимума, нормы заработной платы, нормы выработки и правила внутреннего распорядка.

Если к этим постановлениям прибавить постановления с'езда об учете и распределении рабочей силы, где также проводится линия сохранения производства, то вполне станет ясно, как саратовские союзы в первом периоде своего развития относились к вопросу экономического возрождения страны.

Эта линия, несколько более детализированная в вопросе участия союзов в организации и формировании органов промышленности, принята 1-м Губернским с'ездом Профсоюзов.

Тарифный вопрос точно также проходит в полной согласованности с постановлением Областного с'езда. На этом с'езде ставится в порядке дня вопрос „Союзы и организация производства", где признается, что от лозунга „Рабочий контроль" мы должны переходить к непосредственному участию в управлении производства, что может быть достигнуто преобладанием представителей союзов во всех его ответственных руководящих центрах. Необходимо, чтобы между представителями союзов, хозорганами и широкой массой рабочих установилась органическая связь путем регулярных отчетов перед соответствующим производственным союзом.

Начиная с этого с'езда, вопросы производства становятся одним из основных моментов союзной деятельности.

На 4-й губконференции, а затем на 2-м губс'езде ставятся уже доклады Губсовнархоза, по которым с'езд выносит оценку его деятельности, указывает недостатки и ошибки и дает свои соображения для улучшения постановки дела. Вместе с тем устанавливаются и правильные взаимсотношения, которые должны также разграничить сферы компетенции союзных и хозяйственных органов. В это время при Губпрофсовете, а затем при отдельных союзах создаются специальные *производственные отделы*, в задачи которых входят выявление инициативы союзных органов в вопросах организации, усовершенствования производства и инспектирование хозорганов. Через несколько месяцев работа значительно расширяется и охватывает не только производство, но и вопросы сельского и продовольственного вопросов. Производственный отдел реорганизуется в экономический отдел. При Губпродкоме создается комиссия по рабочему снабжению, работает под непосредственным руководством экономотдела. Создается Губсельхозком, задача которого—содействовать восстановлению сельского хозяйства и оказывать пролетарское влияние на его развитие. Губпрофсовет через экономотдел связывается с РКП и принимает вместе с отдельными союзами участие в ряде ревизий. Вообще обще-экономическая работа все расширяется и углубляется, в некоторых случаях союзы позволяют даже излишнее вмешательство в непосредственное управление не только всем производством, но и отдельными предприятиями. Расширяя и углубляя обще-экономическую производственную работу, союзы все остальные отрасли своей деятельности подчиняют этой основной. Тарифная политика приспосабливается к этим требованиям. Сделав в 18 году робкий шаг в сторону отрицания уравнительности заработной платы, введя сдельную систему, через некоторое время на конференциях и с'ездах уже принимаются поощрительные и премиальные системы, значительно увеличившие соотношение между высшим и низшим разрядом. Вся проведенная тарифная политика, на основе увеличения зарплаты за счет увеличения производительности труда, имеет очень централизованный и жесткий метод проведения. Союзами прилагается максимум усилий, чтобы достигнуть каких-нибудь результатов, что во многих случаях достигается.

3-й губернский с'езд, изменив значительно задачи союзов, изменил формы и методы участия их в организации производства. Изменяя их, союзы все же считали одной из основных задач союзов восстановление народного хозяйства. Перенося центр тяжести союзной работы в область защиты интересов рабочих масс, союзы не отрывались от производства. Верно,—были некоторые уклоны, но все же союзы остались неразрывно связанными с производством, согласовывая свою работу с интересами производства.

Союзы в новых условиях.

3-й губернский с'езд, проходивший вслед за 4-м всероссийским с'ездом профсоюзов, после огромнейшей дискуссии о задачах профдвижения, наметил общие, довольно туманно, недостаточно ясно осознанные вехи новой деятельности союзов; это вполне понятно, ибо не было тогда еще ясного представления, во что выльется и самая новая экономическая политика, только что декларированная X с'ездом РКП принятием постановления о продналоге. Кроме того

чувствовалось и порой еще сейчас проявляется недостаточное понимание новой экономической политики и тех выводов, которые должны сделать профсоюзы в своей работе. Сделанный в области общего экономического строительства крутой поворот, перевод ряда отраслей промышленности на хозрасчет, реорганизация органов управления промышленностью, трестирование, а затем и синдицирование, аренда и появление частного капитала—не сразу выявились, и только через довольно продолжительный срок мы получили окончательное усвоение и оформление реорганизованной промышленности и установления самых методов хозяйствования. Общему ходу развития новых форм экономического строительства не соответствовала уже данная формулировка о задачах союзов на 4-м всероссийском с'езде, и на местах, под влиянием требований жизни, намечается ряд новых явлений в союзной работе. Это состояние, длившееся относительно недолгий период, устраняется тезисами ЦК РКП о новых задачах профсоюзов и ясной характеристикой и формулировкой основных противоречий переходного периода. Состоявшийся вслед за этим II пленум ВЦСПС окончательно установил конкретную практическую и союзную работу в новых условиях, и с этого момента начинается новая полоса работы.

Общий экономический кризис Советской Республики особенно обострился в нашей губернии, благодаря голоду, который в очень многом парализовал усилия наших хозяйственных органов. Перестройка нашей промышленности проходила в условиях голода, основные отрасли ее, как мукомольная, маслобойная, почти полностью были приостановлены, деревообрабатывающая, кожевенная были сильно сокращены, а также все остальное было сокращаемо самым немилосердным образом. Достаточно указать, что из 1142 предприятий Губсовнархоз оставил 146 в своем ведении, остальные были закрыты, или (большая часть) были предназначены к аренде. Арендная политика, проводимая со всей предосторожностью, не могла дать каких-нибудь реальных результатов, так как частный капитал к промышленности не применялся в виду того, что, с одной стороны, общие тяжелые условия были очень невыгодны для аренды предприятий, с другой—он был брошен в более выгодные сделки, как спекуляция хлебом, закупка скота и т. п.

Все это вместе несомненно самым беспощадным образом отражалось на профдвижении губернии. Поскольку промышленность сокращалась, предприятия закрывались, учреждения сокращались, база становилась все меньше и меньше,—профорганизации соответствующим образом сокращались, а некоторые даже ликвидировались, особенно в губернии, как, например, союзы: кожевников, швейников, нарпитания. Эти союзы росли во время „военного коммунизма", когда производства их, состоящие в большинстве из кустарей, концентрировались и об'единялись в государственных учреждениях, с переходом же к новой экономической политике они совершенно в нашей губернии потеряли базу.

Вместе с этим росла и безработица. Не имея к 3-му губс'езду в пределах губернии ни одного безработного и прибегая к мерам трудовой повинности, мы в настоящее время имеем свыше 15 тысяч безработных.

В общем, имея к 3-му губс'езду 240 тысяч с лишним членов союзов, мы сейчас об'единяем лишь 98—100 тысяч.

В этих условиях профораганам губерний пришлось перестроиться, сделать довольно значительный поворот в своих задачах и проводить, не ослабляя ни на минуту, и практическую работу.

Отрыв руководящих союзных органов от массы, явившийся результатом об'ективных условий развития революции в период ожесточенной гражданской классовой борьбы со всеми невзгодами, тяжестями и лишениями, ставил в первую голову вопрос о восстановлении и укреплении этой связи. Замечаемый некоторый отход рабочих от своих союзов, особенно переходящих на работу в частно-капиталистические предприятия, необходимо было ликвидировать, но не в смысле каких-нибудь репрессивных мер, а в смысле выяснения перед ними прошедшего периода профдвижения и причин, его вызвавших, а также указать и новые пути их развития. Мы были уверены, что в своей массе саратовский пролетариат сознает все происходящее в профессиональном движении, что он не может быть вне рядов своих союзов, и что часть, не совсем осознавшая свои классовые задачи, под давлением чрезвычайно тяжелых условий жизни, под влиянием новых условий раньше или позже вернется в ряды своих пролетарских организаций. Провозглашенный принцип добровольного членства явился, если можно так выразиться, экзаменом профессиональной классовой зрелости пролетариата. Поставленный прямо вопрос: „Хочешь быть членом союза,—будь, не хочешь,—никто тебя не принуждает", сразу выявил отношение масс к своим союзам. Критикуя деятельность союзных органов, выражая временами недовольство их работой, вся масса—рабочие и служащие—с полным единодушием и всем коллективом все же ответили: „Мы все входим добровольно в свои профессиональные союзы". Добровольное членство не внесло почти никаких количественных изменений в состав саратовских профсоюзов, но зато внесло значительные качественные изменения: несколько сот членов были исключены из состава союзов за свое непролетарское поведение, а главное, на основе проверки отношения широких рабочих масс к вхождению в союзы значительно укрепилась связь между союзом и массой, всколыхнулась сама масса, заинтересовавшись дальнейшей союзной работой.

Союзы с полным сознанием ответственности за свою работу сталкивались с двумя чрезвычайно важными вопросами: 1) положение его членов очень тяжелое, и масса нажимает, требует улучшения своего быта и 2) чрезвычайно тяжелое экономическое положение губернии, отсутствие денежных средств, продовольствия и предметов потребления.

Приходилось работать с таким рассчетом, чтоб, нажимая до известных пределов, согласовать интересы данной группы рабочих с интересами *всего класса, т. е. интересами государства.*

В результате проделанной работы мы можем смело констатировать, что саратовские союзы полностью учли общее положение, требуя только выполнения возможного, что и достигалось во многом из этого. Изменяя свою тарифную политику, отказываясь от непосредственного нормирования и регламентирования заработной платы, оставляя за собой право участия в государственном регулировании общих вопросов заработной платы, становясь стороной, союзы заняли позиции, регулирующие вопросы труда и заработной платы посредством коллективных договоров. При заключении коллективных договоров пришлось столкнуться с необ'яснимым противодействием и нежеланием со стороны хозорганов к их заключению. Бывали случаи, когда они соглашались платить выставляемую ставку, только не подписывать договор. С большими усилиями удалось преодолеть это упорство в городе,—в губернии же оно еще до сих пор окончательно не изжито. Пришлось встать на точку зрения государственной обязанности заключения коллективных договоров, каковое постановление оказало свое действие. Путем системы коллективных договоров и тарифных соглашений, упорно проводимых союзными органами, удалось значительно повысить заработную плату рабочих и служащих, и сейчас можно констатировать, что заработная плата во всех предприятиях и учреждениях, переведенных на хозрассчет, с некоторыми колебаниями доходит до прожиточного минимума. Заключение договоров проходило при полном участии широкой рабочей массы, которые выражали полное доверие правлениям союзов в этой работе, при чем характерно отметить чрезвычайно сознательное и бережное отношение к производству и хозяйственным возможностям предприятия.

Хозяйственный рассчет предприятий, необходимость удешевления своей продукции, конкурренция на довольно слабом рынке сбыта, единоличная ответственность и администрирование на предприятиях—создавали большую почву для возникновения конфликтов, как на самом предприятии, так и в отношении хозяйственных и профессиональных органов. В течение всего периода мы имеем прогрессивно возрастающее количество конфликтов. Создание конфликтных комиссий, примирительных камер, арбитражных судов, быстро привившихся в рабочей массе и профорганах, и служило причиной еще большей связи руководящих союзных органов с низшими союзными ячейками и всей массой своих членов. Изучение всех конфликтов показывает, что 99% всех возникло на вопросе о зараб. плате, и в 95% они разрешены в пользу рабочих. Конфликтов, возникающих по вопросам правовым в государственных предприятиях, за редким исключением вопроса найма или увольнения отдельного рабочего и служащего,—нет. Это—очень характерный факт для наших госпредприятий. За весь истекший период во всей губернии не было ни одной стачки, все конфликты разрешались через установленные организации. Это является чрезвычайно характерным подтверждением сознательности членов и усвоения принципа необходимости общественно-организованного разрешения возникающих кофликтов.

Организация стачечного фонда пока находится в первой стадии своего оформления. Отдельные союзы, непосредственно соприкасающиеся с развитием НЭП и усиливающегося частного капитала и начинающего частично организовываться, уже приступили к усилению работы по организации фонда, но в большинстве союзы еще только намечают вехи его организации. Этим еще больше доказывается определенная сознательность наших профсоюзов, ясно понимающих, что в настоящих условиях борьба не должна принять характера стачек, стремясь всеми силами разрешать их мирным путем. Это не значит, что мы отказываемся от стачки и стачечного фонда, мы фонд создаем, от стачки не отказываемся, но применять ее будем в самых крайних и необходимейших моментах. Говоря о забастовке, мы несомненно в первую очередь подразумеваем частно капиталистические предприятия, и довольно интересно проследить, как сложились взаимоотношения между предпринимателем, рабочим и союзом.

* * *

Чрезвычайно тяжелое материальное положение рабочего, низкая заработная плата на государственных предприятиях, старая тарифная политика, проводимая союзом, начавшая обрисовываться безработица,—все это толкало рабочего к частному предпринимателю, чтоб за более приличный кусок хлеба отдавать себя на полную эксплоатацию хозяина. Нечего говорить, что частные хозяйчики ретиво принялись за привычную им работу, тем более, что они здесь встречали иногда поддержку со стороны самих рабочих, которые боялись, как-бы союз по старинке не урезал им ставку и не направил бы обратно на государственное предприятие. Это заставило союзы срочно выявить свое отношение к этому вопросу. Прежде всего, встал вопрос,—ограничивать ли каким-нибудь максимумом заработную плату на частных предприятиях? Этот вопрос довольно долго дебатировался, и в результате мы заняли позицию, направленную к тому, чтоб не ограничивать каким-нибудь максимумом, а наоборот, обязывающую союзы встать на защиту рабочих частных предприятий и требовать для них полного прожиточного минимума. Эта правильная позиция, занятая союзами, сразу изменила отношение рабочих к ним, и постепенно мы замечали, как, под влиянием невозможной эксплоатации частными предпринимателями, рабочие начали возвращаться в союз и искать там защиты. Но кроме вопроса заработной платы союзы встали на защиту кодекса законов о труде, проводя неуклонно охрану труда.

Проведение кампании по обследованию положения рабочих на частных предприятиях показало, что нарождающаяся буржуазия, пользуясь голодом и безработицей, распоясалась и позволяла самую бессовестную систему обходов законов об охране труда, приеме и увольнении рабочей силы и т. д. На эту аттаку пришлось ответить контр-аттакой, выразившейся в предании суду свыше 80 частных предпринимателей и организации общественного публичного процесса. Процесс имел огромное значение во всей дальнейшей работе. С одной стороны, он дал хорошенько понять предпринимателям, что новая экономическая политика не означает отказа от основных завоева-

ний рабочего класса, и что Советская власть зорко будет следить за их выполнением и беспощадно карать их нарушителей, и, с другой стороны, он показал много слабых сторон союзной деятельности, в первую голову, органов охраны труда, заставив пересмотреть состав инспекторов, освежить его и обратить на их работу особое внимание. Все это вместе создало тягу рабочих частных предприятий в союз, и в настоящее время можно констатировать, что 90% рабочих частных предприятий состоит членами союзов, и труд их регулируется при непосредственном участии этих союзов.

Сделанный поворот изменения задач союзов вполне себя оправдал и в практической работе. Работа союзов оживилась, связь значительно укрепилась, материальное положение рабочих значительно улучшилось.

4-ый Губернский С'езд.

Созванный в сентябре с. г. 4-й Губернский С'езд подвел итоги проделанной работе и единогласно признал правильность и своевременность перехода к новым задачам. Отметив отдельные уклоны, особенно в вопросе участия союзов в производстве и взаимоотношениях с хозорганами, с'езд дал определенные директивы дальнейшей работы. Необходимо отметить, что 4-й Губс'езд, проходивший накануне 5-го Всероссийского с'езда профсоюзов, в принятых им постановлениях наметил многое, полностью совпавшее с постановлениями последнего.

Определяя очередные задачи союзов, с'езд отмечает тенденцию развития НЭП'а в сторону роста капиталистических отношений и устанавливает, что основной задачей союзов является организация наибольшего количества наемных рабочих и служащих и представлять из себя реальную, спаянную общими классовыми интересами, организацию, о которую должны разбиваться все волны мелко-буржуазной стихии.

С'езд отмечает необходимость еще более усилить принцип добровольного членства, намечая линию на индивидуальное вступление в союз и внесение членского взноса. Союз должен учитывать настроение масс, овладевать ими и оформлять их требования *только на основе интересов рабочего класса в целом.*

Останавливаясь на практических задачах союзов, с'езд отмечает работу по организации и регулированию рынка труда путем участия в работе Биржи Труда и Биржевых комитетов. Борьба с безработицей должна быть проведена самым решительным образом разными мероприятиями. Охрана труда должна быть усилена, особенно на частных предприятиях, но также необходимо подтянуть и наши хозорганы.

С'езд решительно отвергает всякую попытку выделения в какие-то самостоятельные виды рабочего движения социальное страхование, кооперацию, медицину и т. п. и указывает, что социальное страхование и медицина должны быть в аппарате Советской власти при полном участии и влиянии профсоюзов.

По вопросу дальнейшей политики заработной платы с'езд наметил линию дальнейшего увеличения ее и определенно указывает, что эта работа должна вестись в полном соответствии с ресурсами предприятия и данной отрасли хозяйства, так как улучшение положения рабочих теснейшим образом связано с укреплением и развитием производства. Ставя так вопрос, с'езд поэтому считает необходимым участие союзов во всех руководящих экономическо-производственных органах, отвергая самым решительным образом всякую попытку противопоставления хозяйственных и профессиональных органов.

В противовес усиливающейся мелко-буржуазной идеологии с'езд ставит перед профсоюзами задачу во что-бы то ни стало усилить культурно-просветительную работу среди широкой рабочей массы для повышения политического классового самосознания и воспитания, ликвидацию общей, технической и политической безграмотности. Все распространенные слухи о какой-то независимости союзов от Советской власти и отхода их от руководства Российской Коммунистической Партией с'езд решительно и категорически отвергает и постановляет, „что выставленные задачи, направленные как для улучшения положения рабочих масс, так и для дальнейшего укрепления и развития завоеваний Октябрьской революции, могут быть осуществлены *при условии теснейшего контакта и связи союзной работы и союзных органов с органами Советской власти и их работы под руководством авангарда рабочего класса—Российской Коммунистической партии*

Останавливаясь бегло на пройденном пути и на состоянии профдвижения в настоящее время, можно смело констатировать, что саратовские союзы проделали колоссальнейшую работу, выросли и окрепли в могучую семью идейно и организационно спаянных широких рабочих масс. Рабочие массы, вопреки всяким предсказаниям наших врагов, тесно связаны со своими союзами, сознают их сущность и все более втягиваются в активную союзную жизнь. Будучи разбросаны и распылены до революции, бросившись в первый период своего освобождения к стихийной организации, создавая узко-цеховые и профессиональные союзы, рабочие массы России сейчас первые в мире организовались в мощные единые производственные централизованные об'единения. Смешно слушать жалкие слова разных социал-соглашателей, что Октябрьская революция, диктатура пролетариата уничтожила професс. движение. Вздор и чепуха. Каждый работающий в профдвижении, наблюдающий за развитием его, может со всей определенностью сказать, что только Октябрьская революция дала профдвижению широкий путь развития, что только она дала возможность профдвижению свои сравнительно узкие задачи в капиталистическом обществе сменить грандиозной задачей строительства новой жизни.

Прошло только пять лет, но пройденный путь и проделанная работа стоят многих десятков лет мирного развития. Ломка основ старого строя, разрушение твердынь буржуазии, ожесточеннейшие схватки (идейные и вооруженные) двух классов, закрепление вырванной власти, героическая

и беззаветная защита ее на фронтах кровавой борьбы, героический и упорный труд по восстановлению разрушенного хозяйства,—такова история нашей революции, такова же и история нашего профдвижения. Профсоюзы неразрывными нитями связаны со всем ходом развития Октябрьской революции, ибо они явились и являются становым ее хребтом.

В период ожесточенного вооруженного столкновения и гражданской войны союзы были резервуаром сил и средств революционной защиты, в период мобилизации тыла для поддержки фронта они являлись штабом революционной борьбы на трудовом фронте.

В новых условиях они будут штабом защиты интересов своих членов и восстановителями народного хозяйства, стальной стеной, о которую разобьются волны бушующей стихии мелкой буржуазии, и вместе с Советской властью, под руководством Российской Комунистической партии, выйдут из настоящего тяжелого положения, преодолеют все препятствия и доведут великое дело Октябрьской революции до окончательной победы и установления коммунистического общества.

Тарифная политика за пять лет.

Г. Каган.

Буржуазно-помещичье государство дореволюционного периода оставило тяжелое наследство в области условий труда и заработной платы рабочего класса. До Февральской революции в стране не существовало никаких законов, которые бы охраняли самые элементарные права трудящихся. Царское правительство вмешивалось во взаимоотношения между трудом и капиталом только для того, чтобы поддержать капиталистов полицейской нагайкой во время их столкновения с крамольниками-рабочими. Отсутствие рабочих организаций, профсоюзов, устраняло влияние организованного пролетариата в установлении условий труда и заработной платы; каждый рабочий был предоставлен самому себе. При таких условиях в вопросах труда царил полный произвол предпринимателей. Заработная плата была нищенская, рабочий день достигал 16—18 час., сверхурочные работы были частым явлением и совершенно не оплачивались, труд женщин и подростков самым беспощадным образом эксплоатировался. Кроме мизерности, заработная плата была еще крайне пестра. Уровень заработной платы колебался от 1 до 100, при чем на ряду с нищенским заработком рабочих существовали колоссальные ставки для административно-технического персонала.

Империалистическая война, которая принесла громадные прибыли капиталистам, еще более ухудшила материальное положение рабочего класса.

Война, подорвавшая хозяйственный базис страны, привела к прогрессивному вздорожанию цен на предметы питания и потребления. Поэтому, несмотря на номинальное повышение заработной платы, реальное ее значение с каждым днем падало: повышение заработной платы значительно отставало от возростания цен. Кроме того те минимальные завоевания в области труда, достигнутые рабочим классом, благодаря напряженной стачечной борьбе за время 1912—14 год.,—были отняты, и рабочий класс лишился всяких возможностей организованным путем давить на капиталистов, так как царское правительство разгромило все зачатки рабочих организаций.

В таких условиях тарифная политика представляла собою политику произвола предпринимателей, поддерживаемую всем полицейским аппаратом царского правитильства.

Политика временного правительства.

Февральская революция, нанесшая первый удар русской буржуазии, создала благоприятную обстановку для борьбы за улучшение экономического положения пролетариата. Эту обстановку пролетариат поспешил использовать. С первых же дней революции начинается стихийное движение за повышение заработной платы, за установление 8-часового рабочего дня, в особенности со стороны низко оплачиваемых групп рабочих. Напор в этом отношении был настолько силен, что местные союзные об'единения, только что организованные, еще не окрепшие, не в состоянии были руководить этим тарифным движением, охватившим широкие массы. Борьба за заработную плату вначале выражалась в заключении частных соглашений между группами рабочих и предпринимателями, часто помимо союзов, но, встретив сопротивление со стороны предпринимателей, рабочий класс начал переходить к более организованным методам борьбы. В этом вихре борьбы с чрезвычайной быстротой возникали один за другим молодые профессиональные союзы, устремившиеся к захвату стихийного движения в свои руки для того, чтобы придать ему более организованные формы. Под руководством профсоюзов рабочий класс в своей экономической борьбе постепенно перешел с частных соглашений к форме коллективных договоров, посредством которых фиксировались достигнутые борьбой завоевания.

Эти договоры были локальными, т. е. охватывали только одно предприятие или учреждение, и далеко не заключали в себе всех условий труда.

Какую же роль сыграло эсеро-меньшевистско-буржуазное правительство в этих гигантских столкновениях труда с капиталом?

Правительство того времени не торопилось устанавливать тех или иных законов о труде, не старалось закреплять соответствующими постановлениями то, что достигалось рабочими в процессе борьбы, даже то, что стало вполне „обычным правом". Министерство труда, возглавляемое представителем меньшевистской партии, сохраняло строгий нейтралитет в столкновениях рабочих с капиталом, выступая посредником, и то лишь тогда, когда „борьба начинала слишком затягиваться, угрожая интересам общественным и государственным". Министерство труда „подготавливало" законопроекты в области труда, причем за все время существования временного правительства только один закон увидел свет—закон о примирительных камерах. Даже закон о 8-ми-часовом рабочем дне, о котором на словах так усердно ратовали и ратуют социал-предатели, только „подготавливался" меньшевистским министром. Рабочий класс тем временем действовал по-своему. Путем частых соглашений, уступивших постепенно место коллективным договорам, он продолжал борьбу за улучшение своего экономического положения. Борьба

велась на местах отдельными отрядами, отдельными союзами, так как всероссийских центров для направления профработы вообще, и тарифной политики—в особенности, или не было, или они были слишком слабы. В результате получилась пестрота и крайнее несоответствие в оплате труда рабочих в промышленности: тарифные ставки рабочих мелкой промышленности иногда были значительно выше крупной, тарифные ставки в провинции часто превышали таковые в Москве и Петрограде, что об'ясняется, с одной стороны, тяжелым положением крупной индустрии, а с другой—начавшимся саботажем со стороны крупных предпринимателей. Кроме того, основным лозунгом тарифного движения пролетариата этого периода был лозунг „уравнительности" заработной платы. Это стремление явилось реакцией на существовавшее раньше резкое различие между минимумом и максимумом заработной платы.

Октябрьский переворот.

Октябрьскяя революция, передавая всю политическую и экономическую власть в стране рабочим и крестьянам, в корне изменила задачи профсоюзов вообще и тарифную политику—в частности.

Государственная власть через 4 дня после ее создания без всякой „подготовки" приступила к регламентации прав трудящихся. С этой целью был издан целый ряд декретов: об инспекции труда, о 8-мичасовом рабочем дне, о еженедельном 42-часовом отдыхе и др. Заработная плата попрежнему регулировалась коллективными договорами, но юридический характер договора был значительно изменен. Согласно опубликованному положению о порядке заключения договоров, все коллективные договоры должны были регистрироваться в организованных на местах Отделах Труда, после чего они приобретали характер *обязательного акта государственной власти*. Мало того, коллективный договор представлялся на утверждение в Отдел Труда и в том случае, когда предприниматель с ним не соглашался. При разрешении спорных вопросов, возникавших между рабочими и предпринимателями представитель Наркомтруда и отделов труда на местах поступали в качестве супер-арбитров, решения которых для сторон были обязательны. Таким образом, вместо нейтралитета, прежнего правительства во взаимоотношениях труда с капиталом, рабоче-крестьянское правительство с первых-же дней своего существования проявило максимум активности для защиты экономических интересов трудящихся и ограждения их от эксплоатации предпринимателей. На основе регламентированных государством основных законов о труде, профсоюзы продолжали углублять свою тарифную работу. С развитием профессионального движения, в производственном масштабе охватывающего всех без исключения лиц, занятых в производстве, с образованием всероссийских центров отдельных производственных союзов и межсоюзных об'единений, тарифная работа начинает принимать более однородный и планомерный характер. При профсоюзах организованы тарифные отделы, центральные расценочные комиссии, также заводские расценочные комиссии на местах для проведения подготовительной работы и разрешения конфликтов. Коллективные договоры вместо прежних бесформенных, куцых, приняли широкие размеры, охватывающие все условия труда для данной группы рабочих, например, разработанный ЦК металлистов типовой коллективный договор содержит свыше 60 пунктов. В договорах определялась также квалификация работников—в зависимости от выучки, тяжести, вредности работы. Равенство в заработной плате, послужившее причиной отлива квалифицированной силы из предприятий, понемногу стало изживаться. Так, по большинству договоров рабочие в отношении заработной платы распределялись на 5 групп в зависимости от своей квалификации. В целях устранения крайней пестроты, как в правовых, так и материальных условиях рабочих и служащих, было издано постановление, согласно которому все договоры не имели силы без подписи соответствующего совета профсоюзов и комиссара труда.

Социалистическая политика.

Октябрская революция коренным образом изменила отношения пролетариата к производству, что, конечно, должно было отразиться и на тарифной политике. Хозяйственный развал, явившийся результатом войны и политики Керенского, осложнившийся катастрофическим падением производительности труда, саботажем со стороны предпринимателей, грозил окончательным разрушением всему народному хозяйству, следствием чего могла бы явиться гибель завоеваний Октябрской революции. Перед профсоюзами, как классовыми организациями пролетариата, взявшими на себя все бремя государственного управления, впервые встала задача согласования тарифной политики с политикой укрепления хозяйственной жизни страны.

В тарифной политике выдвигаются новые для русского пролетариата лозунги: *трудовая дисциплина, норма выработки, сдельная оплата.*

Для поднятия трудовой дисциплины во всех коллективных договорах профсоюзы начинают устанавливать правила внутреннего распорядка, регламентирующие обязанности рабочего в производстве. Вопрос относительно обязанности каждого рабочего гарантировать определенную норму выработки за определенную плату был выдвинут впервые союзом металлистов еще в 1917 году, однако, при существовании буржуазной власти в стране этот новый лозунг был непонятен широким массам рабочих. Только после Октябрьской революции, когда перед каждым рабочим стала очевидна необходимость восстановления производительных сил страны, нормы выработки впервые начали применяться профсоюзами. Также обстоит вопрос и со сдельной оплатой. До Октябрьской революции сдельные и премиальные системы оплаты труда были неприемлемы для рабочего класса, как системы потогонные, так как при бесконтрольном хозяйничании предпринимателей и преданных им администраторов сдельные расценки, размеры премий устанавливались ими совершенно произвольно, без всякого участия рабочих. После же Октября нормирование заработной платы находилось в руках заводских и союзных расценочных комиссий. Вот почему В. Ц. С. П. С. в своем первом циркуляре, изданном в 1918 году,

рекомендует всем профсоюзам ввести: 1) повременную плату с твердой нормой выработки при премировании повышений сверх платы производительности до определенного предела и 2) сдельную систему, как одну из мероприятий, направленных к поднятию производительности труда; и та, и другая форма оплаты может, само собой разумеется, вводиться с разрешения и под контролем профессиональных организаций.

К началу 1919 г. вполне выпукло вырисовалась экономическая политика Советской власти того времени, которая и легла в основу дальнейшей тарифной политики. Почти вся промышленность была национализирована и перешла в ведение государственных органов, частный капитал, частный рынок ликвидированы. Все народное хозяйство представляло собой единый хозяйственный организм, единое целое, под единым управлением. Изделия промышленности потеряли роль товаров, а поступали в государственные склады для всеобщего распределения, денежная система отмирала. При таких условиях социалистической перестройки промышленности труд стал повинностью каждого трудящегося. В это время был выдвинут лозунг, вполне характерный для этого периода: „Кто не трудится—тот не ест". Заработная плата, означавшая оплату за труд при капиталистической системе производства, заменена государственным обеспечением.

Понятно, что, поскольку государство перешло к строгой регламентации всей промышленной жизни, строившейся по принципу единого хозяйственного плана, постольку и тарифная политика, выражавшаяся по существу в распределении государственных материальных средств, приняла строго централизованный характер. Частные соглашения союзов с хозяйственниками постепенно заменены государственной регламентацией условий труда и заработной платы. Коллективный договор заменен декретом. Декрет Советской власти устанавливал не минимум, а максимум тех материальных средств, которыми в данный момент государство смогло обеспечить трудящихся. Изданный СНК кодекс законов о труде, а также, в развитие его, Нормальное Положение о тарифе—точно определили все условия труда трудящихся, без всякого права мест изменять их, как в сторону повышения, так и понижения. Согласно кодексу законов о труде, за нарушение государственных тарифов отвечали не только учреждения, но и трудящиеся. В кодексе имеется пункт, по которому лица, получавшие вознаграждение свыше причитающегося им, отвечают в уголовном порядке. Деятельность государственных и профессиональных органов в области тарифной политики сводилась не только к установлению определенной заработной платы, но и к борьбе с ломкой тарифов, как безусловной необходимости момента. Советская республика представляла собою осажденную крепость вследствие блокады иностранного капитала; пролетариат, захвативший власть в свои руки, вынужден был напрячь все свои силы на защиту завоеваний революции от внутренней и внешней контр-революции. Понятно, что в таких условиях скудные запасы материальных рессурсов страны должны были делиться со строгим расчетом, со строгим учетом. Частные интересы отдельных рабочих или групп рабочих приносились в жертву интересам рабочего класса в целом. Вот почему всякое превышение государственной нормы заработной платы дезорганизовало плановое распределение рессурсов и являлось преступлением по отношению к пролетариату. Указанные выше основные принципы легли в основу деятельности профсоюзов в тарифной политике.

Централизация работы.

II-й Всероссийский с'езд профсоюзов, происходивший в январе 1919 г., по тарифному вопросу, вынес следующие положения:

1) „Основным принципом регулирования заработной платы, в связи с борьбой за восстановление народного хозяйства, должна служить ответственность рабочих и служащих за производительность труда перед своим союзом, а последнего—перед общеклассовыми интересами пролетариата,—для чего в основу тарифных положений должна быть положена сдельная и премиальная системы оплаты труда, построенные на твердой норме выработки".

2) Строгая централизация всей тарифной работы по всероссийским производственным об'единениям: ни одно местное об'единение не имеет права устанавливать своих тарифов. Тарифы вырабатываются соответствующими Ц. К. и утверждаются В. Ц. С. П. С. и Наркомтрудом.

Эти положения, наметившиеся в тарифной практике ряда союзов еще до с'езда, дают, наконец, прочную основу тарифной политике. Весь 1919 г. прошел под знаком практического укрепления тарифных положений, принятых с'ездом.

В целях правильного нормирования заработной платы во всероссийском масштабе все местные тарифы постепенно заменены всероссийскими. Так, до средины 1918 г. у нас еще не существовало ни одного областного тарифа, в июле мы имели 14 областных и 6 всероссийских тарифов; начиная же с сентября месяца 1918 г., число всероссийских тарифов значительно возрастает, а в 1919 г. все всероссийские об'единения уже имели законченные тарифы, что положило конец местному сепаратизму и пестроте в тарифной политике. Изданные в 1919 г. тарифы представляют собой значительный шаг вперед по сравнению с предыдущим.

Все тарифы были построены по однообразной схеме с одинаковой заработной платой по минимому и максимуму; тарифы заключали в себе по 35 разрядов—согласно квалификации работников. Квалификационная работа союзов в течение 19 года перестала быть искусством тарификаторов, а приняла научную форму. Установление правильной квалификации работников сыграло большую роль, как фактор организации производства. Гораздо хуже обстояло дело с нормировкой труда. Буржуазия в этой области не оставила нам почти никакого наследства, и профсоюзам почти без всяких материалов пришлось приступить к этой сложной, но необходимой работе. Что касается проведения премиальных систем на основе дополнительного вознаграждения за перевыработку, то в 19 году, вследствие зачаточного состояния нормирования труда, они не получили широкого применения.

3-й Всероссийский С'езд профсоюзов, происходивший в апреле 1920 года, по примеру предыдущего с'езда рассматривал тарифную проблему с точки зрения поднятия производительности труда и трудовой дисциплины, что являлось необходимым условием улучшения материального положения трудящихся. Признавая необходимым в интересах пролетариата проведение в дальнейшем жесткого нормирования заработной платы, с'езд выдвинул следующие наиболее важные задачи тарифной политики: 1) борьба с ломкой тарифов, 2) нормирование заработной платы, 3) проведение премиальных систем и 4) снабжение рабочих по целевому принципу. Весь 1921 год прошел под знаком проведения этих основных задач.

Борьба с ломкой тарифов к началу 1920 г. стала одной из важнейших задач профсоюзов в тарифной области. Тяжелое материальное положение Республики вследствие гражданской войны требовало строгой планомерности в расходовании государственных рессурсов; всякое уклонение от установленных норм вносило дезорганизацию и вызывало недовольство со стороны наименее обеспеченных групп, что ставило под угрозу срыва всей централизованной тарифной работы. В 1920 году прорыв „тарифного фронта" достиг угрожающих размеров.

Нормирование труда после 3 го с'езда стало основной работой союзов. Каждой профорганизации, каждому отдельному рабочему стало очевидно, что улучшение его материального положения возможно только при условии поднятия производительности труда. Ограниченные государственные рессурсы необходимо было использовать с максимальной пользой для производства. Вот почему нормы выработки в предприятиях и нормирование штатов в учреждениях стали основной базой проведения тарифов.

Насколько нормирование труда превалировало над всей остальной тарифной работой, видно из того, что тарифные отделы на 1-й всероссийской тарифной конференции, происходившей в апреле 1920 года, были переименованы в отделы нормирования труда. Для успешного нормирования труда, а также для привлечения к этой работе хозяйственников во всех предприятиях, наряду с расценочными комиссиями организованы технико-нормировочные бюро, а в союзах—бюро нормирования. В эти бюро введены наиболее квалифицированные технические силы для того, чтобы поставить дело нормирования на научную почву.

Кроме того нормирование труда являлось необходимым условием для проведения премиальных систем оплаты. Премиальные системы за период 1920 года получили самое широкое распространение во всех предприятиях и учреждениях Республики и стали одной из составных частей тарифной работы профсоюзов. Однако, быстрое обесценение денежных знаков сильно отразилось на эффектности денежного премирования, тем более, что премиальное вознаграждение не могло превышать 200% твердой ставки. Учитывая это, СНК в октябре 1920 г. начинает вводить натуральное премирование по принципу целевого снабжения. Еще в 1918 году, в связи с начавшимся процессом падения реальной заработной платы, у нас начинает практиковаться система снабжения рабочих различными предметами питания и потребления в порядке дополнительной оплаты. По мере обесценения денежной заработной платы и более решительного переустройства народного хозяйства на социалистических началах все больше начинает выявляться вопрос о натурализации заработной платы. К моменту 3-го всероссийского с'езда профсоюзов, в связи с катострофическим падением труда, поворот тарифной политики в сторону натурализации заработной платы стал очередной задачей тарифной политики. Однако, крайняя ограниченность продовольственных рессурсов страны вынуждало подходить к этому весьма важному вопросу с большой осторожностью и постепенностью. Было-бы нецелесообразно сразу во всех отраслях промышленности перейти к натурализации заработной платы.

3-й с'езд выдвинул, так называемый, „целевой" принцип снабжения, выражающийся в том, что государство сосредоточивает наибольшее количество продовольственных рессурсов в наиболее важных отраслях промышленности. „Целевой" принцип, или принцип „ударности", в то время был господствующим не только в смысле обеспечения заработной платы, но и вообще—основным принципом нашей экономической политики. Бессомненно, что наиболее целесообразной формой использования материальных рессурсов с максимальной пользой для нашего хозяйства явилась форма натурального премирования. Эта форма оплаты, правда, применяясь вначале в очень ограниченном количестве предприятий, сильно способствовала повышению производительности труда предприятий, так как фонды натурпремирования отпускались только в зависимости от выполнения производственной программы. Таким образом, впервые в нашей тарифной политике производственная программа становится базой, необходимым элементом построения системы оплаты труда. Это означает переход от личного, индивидуального премирования к коллективному.

В 1920 г. вполне закончилась также организационная схема тарифных аппаратов. Весь год проходит под знаком „об'единительной борьбы" для создания единого аппарата по регулированию заработной платы в стране. Большое отрицательное влияние на тарифную работу оказала прежде всего двойственность аппарата: наряду с тарифными отделами в профсоюзах существовали такие же подотделы в органах Наркомтруда. Фактически вся работа по нормированию труда выполнялась профсоюзами, отделы труда только занимались штемпелевкой постановлений последних. К концу 1920 года эта двойственность была ликвидирована путем передачи всей тарифной работы профсоюзам. Сосредоточение государственного нормирования заработной платы в профорганизациях вполне соответствовало основному курсу продвижения того периода—„огосударствлению". Кроме того, тарифные органы подчинили себе работу всех ведомств в области нормирования труда и связались с органами Наркомпрода, распределявшими продовольствие. Во главе комиссий по рабочему снабжению стали представители тарифных отделов ГСПС. Таким образом, к

концу 1920 года политика заработной платы целиком направлялась профорганизациями, производственные союзы стали единственными организаторами труда в производстве.

Новая экономическая политика.

С окончанием гражданской войны и переходом к мирному строительству начинает изменяться характер экономической деятельности Совласти. От продразверстки, означавшей жесткое из'ятие всех излишков сельско-хозяйственных продуктов в пользу государства, мы перешли к натурналогу, с оставлением в руках крестьян значительного количества продуктов для местного товарооборота. Открытие рынков поставило перед профсоюзами задачу пересмотра тарифной политики в сторону наибольшего материального обеспечения рабочего класса. Поскольку на местные рынки стали поступать продукты сельского хозяйства, постольку перед профсоюзами стала задача извлечения этих продуктов с наибольшей выгодой для рабочего класса. Существовавший уровень заработной платы далеко не покрывал даже самых минимальных потребностей, повышение же денежного тарифа в обстановке прогрессивного падения курса рубля грозило еще худшими последствиями для народного хозяйства. Единственно целесообразной мерой было снабжение рабочих достаточным для товарообмена количеством промышленных изделий. С этой целью в апреле 1921 г. Совнарком издает декрет о натурпремировании предметами собственного производства. Согласно этому декрету предприятие, в зависимости от выполнения производственной программы, отчисляет в фонд премирования рабочих определенный % своих изделий. Изделия через заводские или союзные рабочие кооперативы, которые быстро начали создаваться по всей Республике, поступают на рынок для товарообмена с крестьянами. Эта форма заработной платы являлась временной, переходной и диктовалась крайним оскудением продовольственных рессурсов страны—с одной стороны и совершенным обесценением денежной заработной платы—с другой. Вторым декретом, одновременно изданном с первым, отменены ограничения сдельного приработка рабочих, что также содействовало некоторому поднятию материального уровня рабочего класса.

Указанные мероприятия не в состоянии были кардинально разрешить тарифный вопрос, который к моменту 4-го всероссийского с'езда (май 1921 г.) крайне обострился. Существовавшие системы оплаты труда, приспособленные к старой экономической политике, основанной на жесткой регламентации государством всей промышленной жизни, совершенно не соответствовали изменившейся экономической обстановке. Заработная плата была раздроблена между отдельными ведомствами и выдавалась в форме социального обеспечения без видимой связи с производительностью труда. Так, например, денежная часть выдавалась заводоуправлениями, пайки—продорганами, коммунальные услуги—коммунхозом и т. д. При этом как раз натуральная часть оплаты, игравшая самую важную роль в бюджете рабочего, выдавалась без всякого отношения к производительности данного работника, за исключением натурпремирования, размеры которого были крайне незначительны. Кроме того существовавшие системы, как-то: премиальные, премиально-сдельные, прогрессивно-сдельные и т. д.,—были настолько сложны, что совершенно были недоступны пониманию широких рабочих масс. Эти дефекты в системах оплаты, которые безусловно усугубляли процесс падения производительности труда, были ликвидированы 4-м с'ездом профсоюзов. Заработная плата была оформлена и об'единена в руках заводоуправления и целиком поставлена в зависимость от производительности труда. Соотношение между минимумом и максимумом, вместо почти прежней уравнительности, установлено как 1:5. Вместо прежних старых систем введена система прямой сдельщины, наиболее простой и понятной широким массам. Кроме того с'езд принципиально высказался за проведение так называемой коллективной оплаты труда. Эта новая система оплаты выражалась в том, что заработная плата каждого работника ставится в зависимость не только от личной, но и от коллективной производительности—для того, чтобы заинтересовать всех работников в общей выработке предприятия.

Новая экономическая политика к моменту 4-го всероссийского с'езда профсоюзов не была выявлена с досточной ясностью, а потому и тарифная политика была намечена с'ездом лишь в самых общих чертах, причем местам было предоставлено право изыскивать конкретные ее формы. С этой целью 4-м всеросс. с'ездом была провозглашена децентрализация тарифной политики. До самого декабря месяца, т. е. до получения II наказа ВЦСПС, центр, ввиду отсутствия определенных фондов заработной платы, с одной стороны, и конкретных, проверенных на опыте систем оплаты, с другой,—прекратил почти всякое руководство местами в тарифной области. В таком же положении был и Губпрофсовет по отношению к уездам. Период между с'ездом и II-й всеросс. тарифной конференцией, происходившей в октябре месяце 1921 года, характеризуется полнейшей децентрализацией, доходившей до „самостийности“, полной оторванностью мест от центра, а потому и крайней пестротой, как в уровне заработной платы, так и в применяемых системах. Заработная плата в октябре месяце у нас по Саратовской губ. колебалась между 50.000 и 1 миллионом. Это время является периодом искания путей к согласованию тарифной работы с изменившейся экономической обстановкой страны. II-я всеросс. тарифная конференция внесла значительное оживление и ясность в работу. Конференция, под'итожив опыт, накопленный местами за 4 месяца, дала определенные директивы по основным вопросам тарифной политики. Из всех систем оплаты труда, применявшихся за этот период в виде экспериментов, были установлены наиболее жизненные, а именно: коллективная оплата, бюджетно-сдельная и прямая сдельщина; намечена впервые тактика профсоюзов по отношению к частновладельческим предприятиям, которые начали зарождаться; разрешен целый ряд вопросов организационного характера, а именно: слияние экономотделов с тарифными, ликвидация МРК и замена их тарифно-нормировочными бюро; установлены правильные взаимоотно-

шения между союзными органами, а также между последними и хозяйственными. В общем, конференция окончательно ликвидировала элементы социального обеспечения в тарифной политике профсоюзов и приспособила ее к новой экономической обстановке.

Новые системы оплаты труда безусловно сыграли большую положительную роль в смысле оздоровления нашего производства: штаты в предприятиях и учреждениях значительно сократились за счет бюллетеньщиков и т. п. лентяев, число прогулов уменьшилось, производительность возросла; все это содействовало и улучшению материального положения рабочих, заработная плата которых стала неуклонно возростать.

Однако, достаточной устойчивости тарифная политика до получения наказа В. Ц. С. П. С. (декабрь 1921 г) не имела, в виду отсутствия на местах определенной материальной базы. Места при установлении размера заработной платы для того или иного предприятия совершенно не знали размера материальных рессурсов, которые будут отпущены им центром. Отсюда получалось часто несоответствие между высотой заработной платы и отпущенными кредитами. II-й наказ В. Ц. С. П. С., изданный 1 декабря, придал больше устойчивости тарифной политике профсоюзов. Тарифная политика снова получила централизованный характер. Согласно наказу, центр на основе имеющихся в его распоряжении рессурсов, на каждый месяц определял среднюю оплату для данной местности и высылал необходимое количество денежных и продовольственных пайков на определенное количество рабочих и служащих. Наказом установлена единообразная по всей Республике система исчисления заработной платы (циркуляр 383) и методы распределения фондов между отдельными предприятиями. Тарифная работа союзов свелась к планировке фондов между учреждениями и предприятиями, распределение-же заработной платы между сотрудниками предприятия передано администрации.

Новые веяния.

К началу 1922 года новая экономическая политика вполне выявилась: почти вся государственная промышленность переведена на хозяйственный рассчет, часть предприятий сдана в аренду, оживилась торговля, снова появились частные предприятия. Народное хозяйство не представляло собой единого хозяйственного „организма", как в эпоху „военного коммунизма", а состояло из отдельных, почти вполне самостоятельных хозяйственных единиц, самостоятельно распоряжающихся своими изделиями. „Хозяйственный рассчет" в государственных предприятиях и появление частного капитала значительно изменили задачи профсоюзов вообще и в тарифной политике—в частности. Новые задачи профсоюзов, намеченные в тезисах Ц. К. Р. К. П., получили свое практическое разрешение на февральском пленуме В. Ц. С. П. С.

Согласно постановлению пленума, *тарифная политика, вместо государственного нормирования заработной платы через профсоюзы, свелась к государственному регулированию с участием профсоюзов.* Эта формула и определила дальнейшие пути тарифной политики.

Роль государства в направлении тарифной политики выражается в установлении минимальных норм оплаты и вообще условий труда в государственном масштабе, ниже которых ни одно учреждение или предприятие не имеет права применять. Конкретные-же условия труда для каждого отдельного предприятия устанавливаются путем соглашения профсоюзов с соответствующими хозяйственными органами или предпринимателями. Все законодательные и вообще функции принуждения, которые раньше выполнялись профсоюзами, постепенно отошли от них в соответствующие государственные органы. Для проведения в жизнь новых задач необходимо было прежде всего приспособить тарифные аппараты, как Губпрофсовета, так и Губотделов.

Экономотдел окончательно слился с тарифным, кроме того, в связи с переходом охраны труда в Наркомтруд, к об'единенному тарифно-экономическому отделу перешли также функции по руководству охраной труда и работа по улучшению быта. Центр тяжести тарифной работы перенесен на места, в производственные об'единения и предприятия.

Работа по заключению коллективных договоров после февральского пленума являлась основной задачей тарифно-экономических отделов. С частновладельческими и кооперативными предприятиями первые договоры были заключены еще в декабре 1921 г. Но с февраля месяца работа начинает принимать более широкие размеры, в связи с обследованием частновладельческих предприятий, предпринятым профсоюзами. Обследование обнаружило беспощадную эксплоатацию труда, нарушение законодательства о труде. Результаты обследования значительно встряхнули профсоюзы, которые повели энергичную борьбу с предпринимателями. В настоящее время во всех частновладельческих и кооперативных предприятиях г. Саратова, насчитывающих не менее 10 человек, имеются коллективные договоры. При заключении договоров в основу исчисления заработной платы до июня месяца преимущественно применялся наказ В. Ц. С. П. С. (циркуляр 383), так как до этого месяца, ввиду ежемесячного беспрерывного роста цен на прядметы питания, этот метод исчисления гарантировал рабочим достаточную устойчивость заработной платы. После июня коньюнктура рынка меняется. Цены на продукты питания или падают, или остаются без изменения, а цены на предметы потребления, как-то: на обувь, мануфактуру,—значительно возрастают. Поэтому тарифно-экономический отдел предложил союзам в дальнейшем в основу исчисления заработной платы положить набор продуктов *питания и потребления,* разработанный ОТЭ ГСПС (стоимость его по ценам 1913 г. равна 15 р. 60 к.). Этот метод исчисления придал больше устойчивости заработной плате рабочих.

С марта начинается подготовительная работа по заключению коллективных договоров и с государственными предприятиями. Однако, кампания по заключению коллективных договоров с госпредприятиями прошла очень медленно по целому ряду причин, как об'ективного, так и суб'ективного характера. Первой и основной причиной является тяжелый экономический кризис, надви-

нувшийся на нашу промышленность и выразившийся, главным образом, в отсутствии сбыта и отсутствии оборотных средств; вторая причина состояла в недостаточном учете нашими хозяйственниками своих рессурсов, и, наконец, третья причина, это—непонимание многими хозяйственниками основ новой тарифной политики. В виду тяжелого положения промышленности, только в незначительной части предприятий удалось провести полностью намеченный нами в типовом договоре набор продуктов, в остальных пришлось его значительно сократить. Так, например, на август месяц в целом ряде предприятий заработная плата составляет только 50 процентов стоимости набора продуктов. В среднем по основным отраслям государственной промышленности на август месяц заработная плата достигает 57,3 миллиона, что составляет 82,9% прожиточного минимума (100.000 каллор.), а в довоенных рублях—11 руб. 6 к.

Таким образом, договорная практика приобрела широкие размеры. Почти во всех более или менее крупных предприятиях г. Саратова применяется коллективный договор. Всего заключено с частными и госпредприятиями, а также учреждениями до 1 сентября с. г. 153 договора и 56 тарифных соглашений. Кроме того, необходимо отметить, что по городу Саратову из количества 35,618 работающих на предприятиях и учреждениях 22,912 охвачено коллективным договором, т. е. 61,8%; что-же касается работающих только на фаб.-заводских предприятиях, то они на 94,5% охвачены договорами и соглашениями. Таким образом, коллективный договор на предприятиях является преобладающей формой регулирования труда и заработной платы.

Регулирование заработной платы в советских учреждениях, находящихся на госснабжении, проводилось следующим образом.

В феврале месяце была организована губ. Фондовая комиссия, просуществовавшая до июня месяца. Фондовая комиссия была составлена из 2-х представителей Губпрофсовета, 1—от Губпродкома, 1—от Совнархоза и 1—от Финотдела. Работа комиссии проходила под полным руководством ОТЭ, заведующий которого и состоял председателем комиссии. Деятельность Фондовой комиссии сводилась к планировке денежных и натуральных фондов заработной платы между отдельными предприятиями и учреждениями по разверстке Цефонда. Работа Губфонда сыграла большую положительную роль в отношении своевременной выплаты заработной платы. До существования Губфонда кредиты распределялись самостоятельно учреждениями, без всякого контроля, а потому бывали случаи, когда суммы, отпущенные на заработную плату, расходовались на другие нужды; заработная плата выдавалась крайне неаккуратно. Губфонд положил конец этим ненормальным явлениям: каждое учреждение получало от Губфонда определенный фонд—денежный и натуральный, который оно обязано было распределить по подведомственным ему учреждениям в определенный срок с соответствующим профсоюзом. И действительно, такой порядок распределения заработной платы дал положительные результаты: за время существования Губфонда почти нигде, за исключением, может-быть, Губотнароба, где число работников не соответствовало количеству зачисленных на госснабжение, задолженности не было, заработная плата выплачивалась сравнительно своевременно.

С июня месяца Губфонд ликвидирован, и кредиты на заработную плату отпускаются центром непосредственно учреждениям. В целях своевременной выплаты, а также повышения заработной платы и в учреждениях начинают применяться тарифные соглашения, которые являются переходной формой к переводу всех учреждений на оплату по коллективным договорам.

В настоящее время, за очень редким исключением, во всех советских учреждениях имеются тарифные соглашения, гарантирующие работникам определенную заработную плату (немногим выше гос.-минимума) и определенный срок выплаты. Соглашения заключаются на 1 месяц.

Союзы—защитники трудящихся.

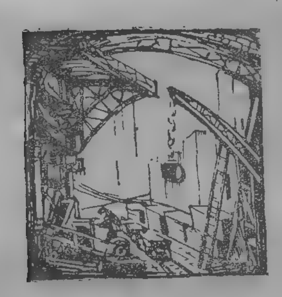
Работа в конфликтной области является одной из важнейших работ профсоюзов.

На частных предприятиях первые конфликты возникли еще в декабре месяце. Для разрешения конфликтных вопросов при союзах были организованы конфликтные комиссии, а на местах—РКК. Основной задачей этих конфликтных органов была защита рабочих и служащих от произвола и эксплоатации предпринимателей. С февраля месяца при Отделе Труда организована конфликтная комиссия, куда поступают все конфликты, не получившие своего разрешения на местах. В организации и работе конфликтной комиссии принимал активное участие Губпрофсовет. До перевода госпредприятий на хоз. рассчет главная масса конфликтов падала на частновладельческие предприятия. Но с переходом предприятий государственной промышленности на договорные начала начались конфликты и в государственных предприятиях. Тактика профсоюзов при разрешении конфликтов, особенно в госпредприятиях, заключалась в скорейшей и безболезненной ликвидации всяких возникающих недоразумений между рабочими и работодателями с максимальной выгодой для рабочих, но не в ущерб, конечно, производству. В типовом коллективном договоре были определены инстанции для разрешения конфликтов: РКК—на предприятии, примирительная камера и третейский суд с обязательным государственным арбитражем—при Отделах Труда.

Несмотря на то, что после февральского пленума ВЦСПС Губпрофсовет перенес центр тяжести своей работы на вопросы защиты труда, отрыва от участия в производстве не наблюдалось. Во всех высших хозяйственных и плановых государственных органах участвуют представители ГСПС: в Губисполкоме, Экосо, Губплане, Бюджетной комиссии, Совнархозе. Разрешение всех наиболее важных хозяйственных вопросов губернии проходит при активном участии и непосредственном влиянии Губпрофсовета. Таким образом, отказавшись от мелочного вмешательства в управление производством, мы за последнее время установили свое систематическое влияние на вопросы регулирования хозяйственной жизни губернии. Такой же поворот в этом вопросе про-

делан и производственными об'единениями союзов. За исключением отдельных случаев ненормального отношения союзов к производству (уклон в сторону отрыва или, наоборот, сращивания), мы в настоящее время наблюдаем более или менее нормальные взаимоотношения между союзными и хозяйственными органами в этом вопросе.

Под'итоживая результаты тарифной политики за 5 лет, необходимо констатировать, что, несмотря на тяжелое состояние нашей промышленности, рост заработной платы рабочих медленно, но постепенно растет. Если в ноябре 1921 г. заработная плата нашего саратовского рабочего в среднем достигала только 30% довоенного уровня, то в июле она достигала 82,5%, т. е. увеличилась больше, чем в $2\frac{1}{2}$ раза. Правда, она еще не достигла полного довоенного уровня, но, принимая во внимание уменьшение продукции нашей промышленности, достигающей 26% довоенной, мы можем констатировать большие успехи в тарифной политике. Наша тарифная политика на протяжении 5 лет была неразрывно связана с общей экономической политикой Соввласти: малейшее улучшение в общем экономическом положении страны немедленно же вызывало улучшение материального положения трудящихся, и в настоящий момент, несмотря на изменение задач профсоюзов, что нашими врагами, меньшевиками и эсерами, толкуется, как „независимость“ профдвижения,—основные задачи тарифной политики ничуть не изменились. Вопросы улучшения материального положения трудящихся попрежнему связаны с основным вопросом—вопросом возрождения нашего хозяйства. Только в такой плоскости профсоюзы в полном контакте с Советской властью разрешат тарифную проблему.

ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ.

Я. Лалова.

Из ссылки я прибыла в Саратов в апреле 1917 года. Саратов, как и вся Россия в то время, представлял из себя сплошное меньшевистское царство. Предстояли горячие схватки, борьба не на жизнь, а на смерть.

По предложению т. Ковылкина, ранее меня прибывшего в Саратов, мы с т. Лаловым поступили в жел.-дорожные мастерские: т. Лалов—по специальности, я—в качестве чернорабочей.

Грустно было видеть комитет рабочих наполненным меньшевистскими заправилами. Ждать было некогда, и мы сразу окунулись в политическую работу, сразу попали в родную стихию.

Через короткое время мы с т. Ковылкиным попали в комитет. Наше избрание было не по сердцу врагам, и против нас началась травля: меньшевики пустили в ход испытанное орудие свое—клевету, ложь и проч., распускались слухи о якобы близком родстве моем с т. Ковылкиным, формальном тормазе к общей работе в комитете.

Но все происки врагов были тщетны—наше влияние среди т. т. рабочих росло, наше положение крепло.

По моей инициативе была открыта школа взрослых для работниц в мастерских.

Меньшевики горячо откликнулись на это дело и поторопились снабдить школу преподавательницами из среды своих единомышленниц—так надеялись соглашатели удержать день-ото-дня падавшее влияние на рабочих.

Но они жестоко ошиблись. Вскоре оказалось, что неграмотные работницы „в политике“ далеко опередили своих „наставниц.“

Первая схватка произошла во время выборов в городскую думу.

Когда симпатия работниц к кандидатам большевикам вполне определилась, задетые за живое интеллигентки демонстративно покинули школу. Нужно отметить единственную т. Гвоздеву, не поддавшуюся настроению своих коллег и продолжавшую дело просвещения рабочих масс.

Политическое воспитание работниц давало ощутительные результаты.

Работницы на собраниях не раз спрашивали т. Петерсон, когда же на смену буржуазному временному правительству придет подлинная рабоче-крестьянская власть.

Ждать пришлось недолго.

Наступили жаркие июльские схватки, за ними красный *Октябрь.*

На станции Ртищево.

Рабочий Чибряков.

Сегодняшний день российский пролетариат, а в частности и саратовский, справляет 5-ю годовщину Октябрьской революции. 5-ть лет прошло с тех пор, как Российский пролетариат и крестьянство во главе с своей родной по духу и крови Коммунистической партией взяли власть по управлению страной в свои мозолистые руки.

Мне лично в самый момент боевой Октябрьской схватки в г. Саратове активного участия принимать не пришлось, ибо на второй день после того, как вся оппозиция ушла из Совета и сгруппировалась в здании быв. Городск. Думы, я и тов. Вайфел были командированы уже нашим Советом в поселок Ртищево: он для занятия должности поселкового Комиссара, а я—его заместителем. Получивши мандаты, принесенные тов. Бабушкиным, и взявши на хлеб 5-ть руб. денег у председателя месткома ж.-д. мастерских тов. Ерасова, не заходя на квартиры, мы отправились с поездом № 3 до ст. Ртищево.

Во время остановки на ст. Аткарск стали говорить с товарищами рабочими, присутствовавшими здесь на вокзале; из разговоров можно было уяснить, что все то, что совершилось в Саратове, им еще неизвестно. Получивши от нас полную информацию о происшедшем в Саратове перевороте, рабочие бросились в депо. Что происходило у них после—неизвестно, ибо поезд тронулся дальше.

О мелких станциях, встречающихся по пути, говорить не приходится, ибо и поезд стоял 2—3 минуты; но помню на одной из станций, кажется, Екатериновке, где пришлось поговорить со стрелочником о случившимся в Саратове, он задал мне вопрос: „Что земля-то будет дана крестьянам без денег или совсем не дадут?“ Ему отвечали, что земля должна принадлежать крестьянам без выкупа. Он, тяжело вздохнув, сказал: „Скорее-бы бог дал“.

Поезд тронулся дальше. Под'езжаем к ст. Ртищево, сердце невольно бьется, хочется скорее узнать, что здесь творится. Наконец-то поезд останавливается, выходим из вагона, на станции публики очень много, много рабочих, прямо с работы, в синих грязных блузах, на лицах у некоторых отпечатки какого-то тяжелого настроения, слышатся слова, обращенные к приезжим из Саратова: „Что случилось у Вас?“ Отвечают, что идет бой из пулеметов и пушек; чем кончится—неизвестно.

Вокруг нас сгруппировалась толпа таких-же рабочих, и при нашем заявлении, что мы—рабочие из Саратова, приехали специально сюда в Ртищево, то нам сейчас-же предложили идти с ними вместе на продовольственный пункт, где у них сегодня должно состояться общее собрание.

По дороге задавались одни и те-же вопросы, т. е. что случилось в Саратове.

Входим, публики очен много, собрание только что открылось, им руководил машинист Федоров. Было предоставлено слово нам.

Первым выступает тов. Вайфел—публика мгновенно замирает, и как только оратор сказал, что в Саратове власть перешла в руки рабочих под руководством партии большевиков, то раздался гром апплодисментов, но не все присутствующие на собрании были рады этому известию: часть сейчас-же стала покидать собрание; уходящих провожали криками—„Скатертью дорога“.

Осталась на собрании, действительно, одна рабочая семья, которая после нашей информации стала задавать целый ряд вопросов, на которые тут-же получала раз'яснения. Затем был поставлен вопрос о сотне казаков, каковые находились в этот момент на ст. Ртищево. Решено было послать к ним делегацию для приглашения их на собрание с целью выявить их отношение к данному моменту. По возвращении делегация доложила, что рядовые казаки сейчас-же придут, но командир сотни их задерживает.

До прихода казаков мы стали подсчитывать свои силы на случай, если они выступят против нас. Здес же присутствовал на собрании начальник ртищевского гарнизона гр-н Дунаев, беспартийный, который заявил, что в его распоряжении есть человек 70—80 надежных солдат, да из среды рабочих можно такое-же количество набрать, но беда была только в том, что оружия на всех не хватило.

Входят казаки. Собрание их приветствует апплодисментами. Тут-же их информировали о случившемся в Саратове и поставили перед ними вопрос ребром: как они смотрят на все происшедшее и не намерены ли выступить против рабочих. Один из казаков говорит, что они не выступят сами-то, а если вот заставит их начальство, тогда какже быть?

Выступившие затем наши товарищи старались им доказать, что начальство по сравнению с нами и ими—ничто, просто, кучка, с которой легко можно справиться, и что у них там на родине тоже есть бедное казачество, которое тоже угнетается зажиточными, и что у них, быть-может, в настоящее время тоже происходит борьба.

Тогда выступает еще один казак лет 30-ти и обращается к казакам со следующими словами: „Братья казаки, нам нет никакого смысла высту-

пать против рабочих, ибо мы сами—бедное казачество, нам необходимо уезжать на родину".

Большинство из присутствующих здесь казаков было солидарно с заявлением оратора. Из толпы казаков послышался голос: „Можно притащить сюда на собрание командира нашей сотни".

Послали 3-х казаков и 2-х рабочих за ним. Через несколько минут входит командир, лощеный, молодой, чисто одет в форму, на вид лет 25-ти. Серьезно окидывает глазами всех присутствующих, спрашивает повышенным тоном: „В чем дело?" Ему из членов президиума собрания задаются тоже вопросы о случившемся, а главное это—намерен-ли он со своим отрядом что-либо предпринять. На все эти вопросы отвечает коротко, говоря, что никаких случившихся моментов он не признает, и у него есть свое высшее командование, которому он и подчиняется. Если оно прикажет выступить или разоружиться, то он, как человек военный, должен будет подчиниться, и сейчас-же дает телеграмму в Ростов, как ему поступить.

Собрание было закончено, и преступлено к организации Революционного Комитета, в каковой вошли коммунары т. т. Овсянников, Федоров, Григорьев и другие, и нам пришлось поработать несколько дней с ними.

На второй день была получена телеграмма с правительственного телеграфа от лже-социалиста, низвергнутого уже в то время, губернского комиссара, меньшевика Топуридзе о немедленной высылке всех находящихся на ст. Ртищево казаков для подавления большевистского восстания в Саратове. Сейчас же были приняты меры к недопущению выезда казаков.

Затем получена проходящая телеграмма, адресованная на ст. Пенза от главного Исполнительного Комитета Р.-У. ж. д. за подписями, кажется, Судочкова и Медведева, о немедленной высылке находящихся там 300 казаков тоже в Саратов для той же цели. Нами туда был послан нарочным один из товарищей, которому было поручено сделать предупреждение пензенским товарищам о принятии мер к недопущению выезда казаков.

Проработавши таким образом дней 8-мь в Ртищеве, мы вернулись обратно в Саратов.

ОКТЯБРЬ В ДЕРЕВНЕ.

(РАССКАЗ).

Андрей Винокуров.

I.

Деду Пахому четвертый раз твердит Кузька-внученок о каком-то Октябре; бормочет под руку, мешает работать. Нужно доделать телегу—и на мельницу, а он прибежит с улицы и деду в правое ухо:

— Еще, грит, Октябрь-та этот приедет в нашу Лаптевку, расспрашивать будет, хто как живет, у ково сколько лошадей, холста и денег. Барина-та, грит, в шею, а землю-та всю нам. Все, грит, нам: рощу, лесопилку, мельницу..

— Тьфу, паскудыш!—осердится дед Пахом,—типун тебе на язык. Скрипит и скрипит, как неподмазанное колесо. Нет, штабы конюшню почистить, хворосту порубить, ан сплетни только сбираешь.—Замахнется на него обухом, тот опять убежит за ворота.

На улице с утра галдеж. Соберутся, рассядутся у заваленок и тычат руками друг в друга. Мельник Софрон что-то к попу все похаживает, а его курносый мальчишка подслушиванием занимается, отцу таскает Лаптевские новости.

Не спорится работа у деда. То окоротит наклеску, то не на месте дыру продолбит, а тут на грех петух раскричался.— „Не тот, так другой",—матюкнул дед, бросил в него чуркой, а она прямо по ногам, повалился красный—и голову на бок.

— Так к среде-то и не сколотишь,—думает он,—Гнедухе посыпать нечем, да и сам вечёр последнюю квашню затеял.

После обеда не пошел к телеге, тянуло что-то на улицу. Хотелось послушать, про что балагурят бездельники, и проверить Кузьку.

Деда Пахома любила вся Лаптевка. Без него—ни шагу, ни одного дела. Сеять ли яровое, начинать ли жнитво, покосы, парить ли пар,—все глядят на его ворота: отворились они, он выехал—и все за ним.

Дед был и депутатом. К барину ли, к губернатору ли—посылали его. Не отступит, не задрожит,—своего добьется. А теперь еще больше был нужен. Шутка ли? Вся сполошилась деревня, трещала кореньями роща, плескался на задах пруд во все стороны, а от чего—не знали. А кто говорил, что это идет Октябрь-Великан из города,—верить боялись.

Говорили по-разному и все на перебой. Колесник Маркелыч рассказывал, как от Октября дрожали в городе здания и звенели стекла, как прятались буржуи по чердакам и подвалам. Тимофей-ямщик передавал, как Октябрь раздавал рабочим дома и фабрики, и как власть посадил за решетку. У деда Пахома загорелись маленькие серые глаза, расправились на лбу морщины, и еще красивее на солнце засеребрилась борода.

Он теперь один больше всех понял и поверил, а когда мысли уложил в порядок, проговорил торопливо сидящим:

— Поезжайте за Октябрем ребята, поезжайте скорее

II.

Всю ночь на печке дед рассказывал Кузьке сказки—про Илью Муромца, Николу Селяниновича и третью—про Октября-Великана. Последняя Кузьке понравилась больше, и он решил не спать всю ночь, чтобы встретить его утром вместе с дедом.

Кузька радовался теперь, что дед заговорил о нем сам, и что он знает о нем больше, чем вся Лаптевка.

Петухи уже прокричали второй раз, а сказку дед не закончил. И когда зорька через окно заглянула на печку и погладила ладонью по лицу уснувшего Кузьки, он перевалился на горячие кирпичи, просунул ноги под дерюгу и стал дожидаться рассвета.

Только солнце перелезло через повети и заходило по двору на высоких светлых ногах, дед уже скрипел по избе новыми лаптями, заглядывал в окна и расчесывал пальцами бороду.

Вдруг за околицей затрещало, загремело, словно камни посыпались с кручи. По дороге, обмотанное пылью, бежало что-то черное, выбрасывая вязанками дым.

— Кажись к барской усадьбе?—подумал он, так и есть.—Стащил на пол спящего Кузьку, и, пока тот протирал глаза, он был за усадами.

Взбудоражилась вся деревня. Хлопали калитками, бежали улицей и кричали в окна.

А кто-то схватил даже колокольную веревку и ну раскачивать колокола, как на пожаре.

Курносый мальчишка Софронов сверкал мимо дворьев пятками с нехорошими новостями, от которых у отца расстроился живот.—Спрятать все надо, спрятать,—мелькнула мысль. Потом, опомнившись, ситец и другие товары, которые не уло-

жил он под алтарем, стаскивал в за-ночь вырытую яму.

А у ворот барского дома стояла черная, железная телега и хрипела от усталости. Галдели около мальчишки, и лаяли издали собаки.

Прибежавший Кузька, разглядывая ее сквозь городьбу, в щелку, об'яснял своим товарищам:

— В ней пары... Вон там, в брюхе. Накачают, она и едет. В колесах—тоже пары... Дедушка сказывал. Как накачают, так тыщу верст в час едет. Захочет,—едет по земле, захочет—по небу. Скоро, грит, все на таких будем ездить, возить дрова, снопы и пахать...

А бабы, сбившись, как овцы, в кучу, крестились и читали: „Да воскреснет бог“...

Дед Пахом уже расхаживал с Октябрем по барским хоромам, от непривычки скользя по паркету, слушал звонкие, как медь, слова и удивлялся смелости и правде.

Потом один скрипел лаптями по разноцветным комнатам, смеялся в большие зеркала и плевал на картины, изображающие голых женщин.

— Удрал, поперек-те дери,—говорил он,—не по шерсти стало. Врешь, сыщем... Ну, и силища у Октября этого, на што барин,—и то напугался. Чуть проходит в двери, шагает—трясутся стены, а от руки, должно, не один десяток на тот свет уйдет. Не зря баили,—все лишнее хочет с земли стрясти.

Когда обходили кладовые и конюшни, дед делился радостью с мужиками:

— Вот поди ты: бывало, до кухни его с трудом доберешься, и то зимой, а летом стой на дворе: боялся, на лаптях принесем заразу; а теперь?.. Вы, слшь, теперь хозявы, Октябрь-та баит. Все слшь, ваше. Много ведер вы пота-та пролили на его пашнях, а он вашу силушку пропивал, проигрывал да вас же дураками неотесанными называл...

— Правильно, так и было!—гудели на его слова.

— Баили все, барина бояться и почитать надо. Ево, дескать, бог послал. Бог за почитание в рай направит, а Октябрь-та:—рай, слшь, на земле, а што бог—это врут. По-боку бога. А мы-та, мы-та,—качая головой, как бы раскаивался дед,—жили, как мочала, хош—крути направо, хош—налево... Рай-та, слшь, в каждой деревне, где нет барина,—продолжал он,—есть руки, и делай ево, какой кому нравится.

Тут-же блеснула мысль - прийти ужо и выбросить всех богов под сарай.—Будет, побарствовали.—Рассмеялся в душе от того, что он ужо сделает, а им сказать побоялся—не поймут сразу.

А Октябрь считал богатство и все записывал в тетрадку. По счету выходило, что на два двора будет по плугу. Лошадей и коров хватит всей голытьбе, а остатком можно выработать тысячу десятин, не прибавляя рабочих.

Стучит черная телега и прыгает на месте. Надорвавшиеся собаки уже ходят, обнюхивают, поджав хвосты. Коровница Акулина до того загляделась, что свалила нечаянно ведро с молоком на-бок.

Осмотрев все и записав, Октябрь с дедом садились на хрипевшую телегу, чтобы поехать в школу и собрать народ.

Когда дед усаживался, кричали вокруг:

— „За гриву, за гриву держись! Это—не твоя гнедуха. На тот свет умчит“.

Еще сильнее захлопало и затрещало в „брюхе“. Затряслась, задвигалась так, что все бросились—кто-куда.

А дед натянул на лоб облезлую шапку и крепко вцепился пальцами в сиденье.

Ветром неслись по гумнам. Мелькали плетни, деревья. Бежала навстречу улица, пестрели и качались в глазах у дворов хороводы.

Не чуял, где было сердце, словно потерял дорогой, слышал только, как росла и ширилась грудь, как ходила кровь в жилах. А дома—будто на сажень больше выросли, и все отчего-то смеются...

III.

Выехав на другой день с Октябрем в поле, дед удивился его широте и дали. Как будто в первый раз видел. Одетое синим туманом, оно было похоже на безбрежное море. Далеко, далеко на возвышенности, как на островке, виднелась Лаптевка. „Неужели,—думал он,—стоверстное теперь наше?“—„Ваше, ваше“,—как-бы отвечал Октябрь, окидывая светлыми глазами полосы. От радости хотелось лечь пластом во всю его длину и закричать: „Не отдадим!.. Не отдадим!!!“.

Долго ходили и мерили. Шаги у Октября были большие, дед, торопясь, спотыкался, падал и, вставая, нагонял снова.

Когда проходили тем местом, где у него был двухаршинный загон, он не нашел вчерашней межи,—Октябрь будто и его вытянул десятин в десять.

Рощу решили не мерить. Он, издали протянув руку, наметил, сколько нужно Лаптевке. Вышло так: справа—от Разинского бугра, а влево—до Пугачевского дола. В длину без меры, т. к. и сам дед за всю жизнь не доходил до ее конца.

Играло солнце лучами в золотой жниве и качалось на сосновых вершинах.

Бегал по межнику ветер, кружился, распутывал бороду Пахома и прятался под растегнутой шубой.

Хорошо и светло на душе у деда. Будто тридцать лет старости он свалил с плеч. Ходит уверенно и смело, оставляя на бороздах печати новых лаптей.

На обратном пути заехали на кирпичный завод, потом на лесопилку и мельницу. Долго беседовали с рабочими и учили, как теперь работать и жить.

— Теперь ведь это все наше,—разводил руками дед с телеги.—Глядите сами. Дело штоб

шло... Все штоб в порядке,—а у самого сердце так и хочет выпрыгнуть.

Когда Октябрь уехал в другую деревню, он говорил собравшимся у его завалинки: —Не надо так, штоб каждый себе. Надо артельно. Надо выравняться, пустые дворы пополнить. Будет ходить за долотом й колесом по дворьям... А нищие штоб у окон не тянули—дело им дать. Всё, всё собча. Так-то гору своротишь, и спину не больно.

— Поровняться, поровняться!—кричали,—собча все!..

IV.

На дворе деда Пахома Кузька кряхтел с топором над дровами. Сложенная поленница упиралась в повети. Такая она была, ровная и гладкая, что деду сразу бросились в глаза коричневые дощечки выброшенных вчера образов.

— Из дров и опять в дрова,—думал он.—Как в писании сказано: „из земли—и опять в землю пойдешь"... Сгорят также. Вот правда не сгорит. Обманщики... Кровопифцы... Будет, теперь не перехитришь...

Солнце на роще стелило пунцовую постель и готовилось к отдыху.

Поднавес соломенный вытянулся на весь двор до ворот. Забили, как в худой чугун, на церковной вышке, к которой ковыляли две старухи, как-бы для того, чтоб поп не вернулся назад.

А на печке дед с Кузькой снова беседовали о том же.

Когда Кузька дослушал сказку об Октябре-Великане, то сразу решил и посоветовал: „Телегу доделывать не надо, сошники оттягивать тоже. Взять у лавочника Софрона на железном ходу, а вместо сохи—плуг. Чалого тоже взять, ему хватит и трех".

А тот все думал: „Ну и силен же он, ну и плечист. Правду сказывали: как размахнется—присядут города, а пушки, конница—будто горох по улице. „Мать, слшь, у меня—нужда, а отец—горе. Такой вот я и уродился. А он сильнее Ильи Муромца... Не отдавайте, слшь, живые именье-та. Если што—косы в руки, дубины"... Хорошо и сердешником по затылку... Не отдадим... Зачем?.. Ихо што-ль?... Кузька, а Кузька?

Спит, курицын сын. Ну, и я усну... Завтра скажу, что будем делать".

Октябрь в германском плену.

(ВОСПОМИНАНИЯ).

Старанников (Скиталец).

В прошлом февральском сборнике воспоминаний я остановился на том, что меня послали работать в шахты,—с этого я и начну.

Команда большая,—среди них русские, французы, англичане, но преобладали, конечно, русские и совсем немного англичан. Они находились в более привиллегированном положении по отношению к русским пленным.

Тот, кто испытывал ужасы плена вообще, тому особенно понятна тяжесть работы в соляных шахтах, и тот срок, который мне пришлось пробыть (6—7 месяцев), все равно, что пробыть 3 года в русской каторге. Место шахт находилось близ Лангельзальца.

Вечереет. Нас—15 человек в одной комнатушке, вернее, клетке, рассчитанной на каждого так, что он может пользоваться спальным местом, лежа на том или другом боку. Одно окно с железной решеткой и проволочной сеткой. В углу стоит параша. Дверь на замке. Под окном ходит часовой, с примкнутым штыком формы пилы. Товарищи кончают ужин, состоящий из похлебки, которой немецкий крестьянин не кормит даже свиньи, а последняя очень разборчива и от даваемой нам похлебки воротит нос. Пища заключается в двух черепках супа, приготовленного из картофельных листьев или листьев капусты и никуда негодной гнилой картошки, совершенно не промытой, и еще в добавление к супу выдавалось 150 граммов хлеба на день. Ребята подобрались с едой, занялись кто чем: одни ложатся спать, а другие сели в кружок и читают письма, брошюры—„На чужбине", издаваемые эс-эрами в Швейцарии, газету „Вестник военнопленного". Должен сказать. что, несмотря на строгую изолюцию я связи не терял с лагерным комитетом, который нас снабжал и информировал о положении в России. Поэтому все вечера проводили за обсуждением того, как развивается в России революция.

Но в этот вечер мы были заняты другим вопросом—обсуждением, как реагировать на репрессии, изо дня в день усиливающиеся со стороны немцев. Усиление репрессий вызвано убийством немецкого часового русским военнопленным, который не вынес пыток насилия и покончил с часовым, а сам скрылся. Товарищ был всеми нами уважаемый (анархист). После короткого обмена решили: на каждый шаг репрессии реагировать активно, зная, что нас поддержат французы. Последние были хорошие ребята, попавшие на шахты, как штрафные.

На утро строимся по четыре человека в строю двух шеренг немецких ландштурмистов, злобно на нас смотрящих. Всех томило какое-то предчувствие, что сегодня должно что-то совершиться, и оно совершилось, совершилось по дороге из казарм к месту работы. Один из французов закурил; начальник конвоя, увидев, что француз курит, набросился на него с бранью и закричал: „Нихт раухен, швайне францезише". Француз не стерпел и ответил, что он сам свинья. Стоящий рядом часовой делает попытку ударить француза, но последний, защищая себя, ударяет часового. Мелькнул приклад, и тяжелый удар по голове лишает жизни товарища. Как электрическая искра пробегает по нашим рядам: крики, протесты, возмущенья. Конвой взялся за винтовку и тут же повел нас, подгоняя ударами прикладов, обратно в казармы, оставив мертвого товарища на дороге. Каждый хорошо сознавал, что сейчас будет расправа с последствиями крови, но ни у кого ни один мускул не дрогнул. Чувствовалась решимость, безразличие к смерти. Нас ввели во двор, выстроили в одну шеренгу. Скомандовали: „Смирно", и в течение 2-х часов стояли не шевелясь, ибо малейшее движение вызывало ряд ударов ружейным прикладом.

Через 2 часа приехал для усмирения бунта обезоруженных, голодных, измученных пленных германский офицер из лагеря и приказал выдать зачинщиков. На это приказание последовало гробовое молчание. Тогда, после третьего предложения он отдает конвою команду „на руку" и всю команду поставил на гусиный шаг, т. е. на носки, приседать, держа руки на вытяжку. Первые 10—15 мин. вся выстроенная шеренга крепилась, но вот отдельные товарищи—больные—не в силах были физически выдержать. Всякого товарища, потерявшего равновесие, избивали, а некоторых прикалывали штыками, и в результате: 1 убит, и 5 чел. нанесены раны штыком и избиты. В последнюю категорию попал и я. Получив побои, пришлось недели 3 поваляться, отлежаться. За это время получили вести из Швейцарии, что в России власть Керенского шатается. Снова потянуло из душной казармы в лагерь, в среду, в толпу массы, военнопленных, т. к. Октябрь чувствовался. Но как вырваться—вот здесь загвоздка. Решили вместе с другими 4-мя товарищами калечить себя физически, дабы через медицинский осмотр отправиться в лагерь. Часть товарищей стала натирать ноги солью и набивать щеткой, делая искусственную „гангрену". А я решил пить крепкий чай. Выпив 2 фунта в 6 приемов, мне удалось достигнуть функционального расстройства сердечной деятельности. Через некоторое время мне

удалось отправиться в лагерь. По прибытии в лагерь ждала работа, она заключалась в следующем: подготовка группы товарищей на французский фронт для работы в частях действующей армии по разложению части. К этому был удобный случай, т. к. производился набор военнопленных—для отправки на фронт по укреплению траншей и окопных сооружений.

Дни шли. Вести, которые мы получили, говорили, что максималисты-большевики свое влияние все больше и больше распространяют по России.

Французы стали относиться к нам с пренебрежением, ибо они надеялись, что большевики будут продолжать войну до победы.

3-го ноября я вышел из лазарета и сразу попал в обстановку необходимости подготовить местные лагеря к предстоящим изменениям в России. Сведения о перевороте мы получили 10-го ноября, и из полученных газет видно было, что Ленин является председателем Совнаркома. Перед нами встал вопрос, как отпраздновать 2 революцию, и решили использовать наши легальные учреждения, как-то, театр и проч.,—для массового выступления, а также повести агитацию кружковую в бараках. Настроение военнопленных сразу выявилось в пользу положительного сочувствия перевороту в России, да и понятно почему,—всем хотелось скорее вернуться в Россию из плена, где они находились в ужасных условиях.

Празднование Октября нам удалось провести 15 ноября путем митингов по баракам и постановки революционной пьесы „Жертвы 1905 года". Отпраздновали его скромно, ибо нас в дальнейшем ждала трудная тяжелая работа, которая меня и других товарищей привела на скамью немецкого суда генералов, приговоривших к 11 мес. тюрьмы крепости Грауден—за работу по разложению западного фронта.

Я хочу подробно остановиться на моментах, которые пришлось пережить в дни Октябрьской Революции. Французы, когда пришли вести о революции февраля, были страшно рады. Они радовались, что Россия последовала примеру Франции и поставит править в России президента. Кроме этого, среди французов упорно носились слухи, что Николай связан родственными чувствами с Германией и думает заключить сепаратный мир,—поэтому они и были рады, когда свергли Николая. Правительство же Керенского и компании, об'являя „войну до победного конца", вселяло надежду в среду французских военнопленных в победу над „бошами" и на скорое возвращение на родину. В дни февральской революции французы русского военнопленного чуть-ли не на руках носили, помогая материально, снабжая получаемым бисквитом и лагерным супом, который они не ели, ибо у них „животики" от супа болели (как они выражались), и „их желудок может переваривать лишь шоколад и бисквит", каковой они получали в неограниченном количестве.

Время шло, и радость французов сменилась унынием и озлоблением против русских. На горизонте революции показался Октябрь с Лениным и выброшенным лозунгом „Долой войну, мир и возвращение армии в деревни и города". Озлобление их достигло крайних пределов, когда немцы воспользовались слабостью русского фронта и, перебросив свои части, стали лупить французов на западном фронте. Их озлобление дошло до того, что они прекратили свою филантропическую помощь, т. е. подачки: перестали давать суп, выливая его на глазах измученного и голодного русского в грязь. Не обходилось дело и без рукопашных схваток отдельных групп русских с французами. Несмотря на страшный голод, русский был несогласен менять на суп скорое свое возвращение в Россию, ибо нами был брошен лозунг: „Долой войну! Мир и возвращение в Россию". Так встретили Октябрь французы.

Немцы приняли Октябрь иначе. Сколько похвалы они возносили Ленину и Троцкому. Целые передовицы посвящали личности нашего Ильича. Их радость покоилась намысли принудить заключить сепаратный мир, стать победителем, всю армию перебросить на французов и, разбив последних, отправиться по домам с песней: Deutschland über alles.

Но после выступления Троцкого в Брест-Литовске немцы поняли, что они ошиблись в своих расчетах и давай их поносить, ругать. Отношение немцев к русским я уже почувствовал в тюрьме, всякое изменение в их отношениях отражалось на спинах русских. Русские предлагают заключить мир—и отношение человеческое, продолжаем воевать—и отношение меняется: немец делается сердитым и пускает в ход кулаки, приклады и палки.

Теперь коротенько, как нам пришлось митинговать, раз'ясняя сущность Октябрьской Революции всей массе военнопленных.

Особенного материала, указывающего на более подробное освещение переворота, мы не имели. Наша агитация сводилась к тому, что ни царь, ни февральская революция с Керенским не дали возможности покончить войну и вернуться военнопленным в Россию, а лишь Октябрьская Революция, установившая Советскую власть, дает возможность, пробыв короткое время в плену, вернуться к себе домой.

При таком подходе симпатии массы русских военнопленных были на нашей стороне. Лишь отдельные кучки интеллигенции, состоящие из врачей, прапорщиков, учителей и проч., проживающих в более или менее лучших условиях, получающих филантропические подачки Англии и Франции, в виде посылок, брызгали слюной на нас, обвиняли, доказывали нам—пленным, что мы являемся предателями „родины" и святого идеала свободы, равенства и братства, изменниками нашим друзьям—французам и англичанам, что мы „святую Русь" продаем немцам, и дальше в этом роде.

Но они успеха никакого не имели в своей агитации, наоборот,—нам приходилось иногда спасать их, сдерживая пленных, которые порывались намять им бока за такую агитацию.

СЕМЬ ПОГИБШИХ.

(Участники Октябрьского переворота в Саратове).

Виктор Бабушкин.

Их, конечно, было не семь. Не семь погибло участников Октябрьского переворота в Саратове. Много погибло: и на фронтах, и от тифа, и зверски замученных бандами.

Их так много погибло, что в минуты усталости становится жутко, когда оглянешься назад. Конечно, не в короткой эпитафии перечтешь их тернистый путь и героическую смерть. Они умирали со словами: „Да здравствует Власть Советов, да здравствует рабочая партия коммунистов"! Выполняя задачу истпарта написать о погибших, я взял этих семь, семь самых активных участников Октябрьского переворота в Саратове, семь самых мне близких, дорогих, с которыми приходилось много поработать на завоевинии рабочей диктатуры. Вот их имена: *Алексеев, Цыркин, Романенко, Букин, Пищик, Кособоков, Егоров.* Все они погибли по-разному, при разных обстановках, но погибли все на своих постах, защищая грудью власть Советов. Саратовские рабочие их знают, знают их жизнь и смерть, знают их преданность рабочему делу, а потому писать о подвигах их не нужно, ибо их подвиги неоценимы. Жизнь свою они отдали за правое дело освобождения рабочих всего мира от рабства капитала. Лучшей наградой для них будет то, что мы не забыли начатого вместе с ними дела и ведем к победе рабочих всего мира.

В этот великий день празднования пятилетия завоевания прав пролетариата вспомним их, погибших, и расскажем всему миру о том, какой ценой достается рабочему классу победа над буржуазией. Пусть для Саратова эти имена никогда не сотрутся, и каждый завод, фабрика вспомнит о них в этот день, увековечит их имена для примера новым молодым, идущим на смену.

Вечная память дорогим героям!

Товарищ Цыркин.

(Секретарь Губисполкома. Убит 17 марта 1918 г.).

Тов. Цыркин был секретарем Губисполкома. Молодой, отзывчивый, т. Цыркин был любимцем всех товарищей.

Рука провокатора прекратила существование этого милого товарища и честного бойца. Во время шествия демонстрации с городской площади к Исполкому в празднование февральской революции контреволюция всех видов обстреливала из окон демонстрантов. Получилась заминка в рядах демонстрантов, примкнувшая к демонстрации публика подняла панику, открылась беспорядочная стрельба. Желавший укрыться от перекрестного огня, т. Цыркин забежал во двор, где и был убит контр-революционером выстрелом в висок из нагана.

Тов. Цыркин был студентом, но с первых же дней встал в ряды рабочих и погиб за идею освобождения трудящихся.

Петр Алексеев.

(Член исполкома. 1-й комиссар печати. Убит 30 марта 1918 г.).

Петр Алексеев—питерский рабочий. В Саратов попал в 16 году в ссылку. Работал в подпольной организации Р. С.-Д. Р. П. большевиков. В начале 1917 года был отправлен в ссылку в Сибирь. Вернувшись из ссылки, т. Алексеев принял активное участие в Октябрьском перевороте.

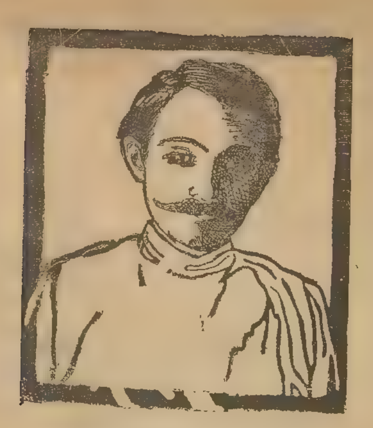
Первым исполнительным комитетом большевистского совета т. Алексеев был назначен на пост комиссара печати. Посланный в типографию Рабиновича для ее реквизиции, он был убит выстрелом в голову хозяином типографии, Рабиновичем, не желавшим разстаться со „своим" добром.

Несмотря на свои юношеские годы (20 лет), т. Алексеев был опытным революционером, побывший в целом ряде тюрем и ссылках. Коммунистическая партия потеряла в его лице недюжинную силу и большого работника.

Вадим Романенко.

(Красный командир).

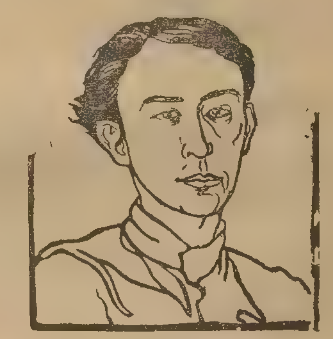
Тов. Романенко застала революция на гимназической скамье. Но в дни Октября он пришел в Исполком и принял активное участие в борьбе со всей сворой собравшихся свергнуть Совет. Видя разгорающуюся борьбу за власть Советов, этот мальчик—революционер бросил мечту о своем образовании и пошел на курсы красных командиров, работая в то же время энергично в партии.

Тов. ПИЩИК.

Тов. КОСОБОКОВ.

Тов. РОМАНЕНКО.

Тов. АЛЕКСЕЕВ.

Тов. БУКИН.

ПОГИБШИЕ БОРЦЫ.

С курсов тов. Романенко отправился на южный фронт красным командиром, где командовал отрядом. Разбитый в бою и окруженный со всех сторон белыми, его отряд был прижат к реке, и выход оставался один: или плен или..., что и сделал герой-мальчик!—Не желая позорного плена, он застрелился на глазах у врагов, доказав врагам рабочего класса, как умеют умирать коммунисты!

Вадя Романенко погиб в 1919 году.

Василий Букин.

(Рабочий—железнодорожник).

В 1914 году т. Букин пришел в партию большевиков, где и остался до своей смерти. Тов. Букин был участником переворота в Саратове, был в историческую ночь 26 октября выбран в Исполком, прошел все этапы работы и вместе с Вадей Романенко ушел в школу курсантов.

Честный до щепетильности, он отдавал все свое другим, а потому и смерть его последовала оттого, что он был скромен и сильно любил рабочих и крестьян. Отправившись с одним из отрядов на усмирение кулацкого восстания, он был слишком неосторожным, возился сам с тифозными красноармейцами и, заразившись тифом, умер в товарном вагоне своего отряда в 1920 году.

Тов. Пищик.

Рабочий, уже пожилой, но энтузиаст и преданный делу, мотаясь с детства по „чужим людям", тов. Пищик подорвал свое здоровье, чрезмерно нагруженный партийной и советской работой, и умер. Смерть его была следствием рубки дров в лесу, где он в худых сапогах два дня показывал пример колоссальной работоспособности и сильно простудился. Тов. Пищик—член Исполкома и участник Октябрьского переворота и первый дирижер и учитель массового пенья „Интернационала". Т. Пищик умер так-же на фронте, но на трудовом, где вел показательную работу.

Сергей Кособоков.

(Рабочий-железнодорожник).

Это—человек безукоризненной честности и скромности. Там, где получать, он сзади всех; там, где работать,—он впереди. Молчаливый, работоспособный, он не отказывался ни от чего и был всегда доволен, какую-б работу ему ни дали. Перечислить его работу и заслуги—нужен целый том. Тов. Кособоков был членом Исполкома.

Старый партийный работник. Умер в 1920 г. от тяжелого хомута советской и партийной работы, ибо по своей скромности никогда не мог отказаться от работы.

Вспоминаются старые картины 1917 г. Сухая снежная пыль метет вдоль улицы. Сергей Кособоков со своим маленьким отрядом двинулся завоевывать банки буржуев. Полы его рваного пальто ветер заворачивает на спину. День пасмурный и хмурый. И также в день его похорон в 1920 году мел ветер сухой снег, и Сережа щел со своим отрядом, тоже маленьким, но уже в... могилу.

Эти две картины врезались в мою память на всю жизнь.

Тов. Егоров.

(Рабочий-мельник).

Тов. Егоров—любимец молодежи. Веселый, жезнерадостный, он работал играючи, шутя. В кровавые дни набега казаков, когда многие сурово сжимали челюсти, т. Егоров шутил и говорил: „Ничего, справимся с этими казачишками,—еще не это будет впереди".—И его слова стали пророческими.

Много видел т. Егоров того, что сам предсказал, но никогда духом не падал, ни на одну минуту. Смерть его поразила многих знавших его, так как он был бодр и свеж, и весел. Тов. Егоров был крупным советским работником, и революция с его уходом „туда" многое потеряла. Сильно чувствуется, как не хватает его свежей бодрости. Он мастер был подкрепить уставшего товарища надеждой.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Обложка работы *В. Калягина.*
Заставки и портреты работы *Б. Зенкевича* и *В. Калягина.*

ИЗДАНИЕ
САРГУБКОМА
Р.К.П.
ГУБИСПОЛКОМА
ГУБПРОФСОВЕ
ТА
САРАТОВ
1922

